

АРТ ЛАД

СОДЕРЖАНИЕ

КОМИ КЫВЛОН ВО

Г. Юшков. Коми кывлён во	4
Н. Куратова. Бара волі Куратчина грездö. <i>Висъяс</i>	5
И. Шкляревский. Дэодзёг шыясысь палялö ун...	
Е. Козловён вуджёдём кывбурыяс	16

Я.М. Рочевлы 100 во тыригкеҗлö

В. Лимерова. Яков Рочевлон гижёдъяс йылысь мёвтъяс-пасйёдъяс.	22
--	----

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

E. Афанасьевна. «Медым тёдны, кытчё менам түйис» «Чтобы узнать свой путь»	32
Н. Коняев. Потерянная родина. <i>Окончание</i>	37
О. Хмара. Когда состарится зима... <i>Стихи</i>	54
Г. Сличак. Одной цепью. <i>Рассказы</i>	58
Д. Кривцов. Январская купель. <i>Рассказ</i>	71
И. Вавилов. Сущность эпохи. <i>Рассказы</i>	77
А. Чувюров. Восточный вопрос. <i>Рассказ</i>	85

СОРОКИН

И. Федорович, Е. Шеболкина. Проблема актуализации теоретического наследия П.А. Сорокина	98
П.А. Сорокин. Три главные тенденции нашего времени..	108
П.А. Сорокин. Кризис современной семьи	127
Г. Беляев. Сылан и роман, комиён и рочён	138

АРТ-ФАКТ

Olli Kuusisto. Прекрасная Коми. <i>Перевод М. Чуяшковой</i> ..	148
Е. Шуктромова. Странница. <i>О выставке Т. Васильевой</i> ..	156
И. Котылева. Шаман и шут: диалог художника-эмальера Светланы Тот и искусствоведа Ирины Котылевой ...	168

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. НОВОСТИ

О.А. Чупрову – 70. «Помолиться призрачной звезде...» ...	182
Е.А. Игушевлы – 70. Чуйдёб кыв дорё муслун	187
С юбилеем! Колледжу искусств РК – 65	188
А. Суворов. Корни слов	189
А. Суворов. «Не проклинаю жизнь – благодарю»	190
В. Подлузский. Последний бой?	192
Приложение к журналу CD-диск «Геннадий Юшков. Кывбурыяс»	

Сыктывкар
2009

Издания, вошедшие в Золотой фонд прессы, рекомендуются российским библиотекам для комплектования своих фондов.

Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал

Республиканской литературно-публицистической, историко-культурологической, художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках при финансовой поддержке Правительства Республики Коми.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-26177 от 10 ноября 2006 г. зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайтыр»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru http://www.artlad.ru

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 10.03.09. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 1629. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

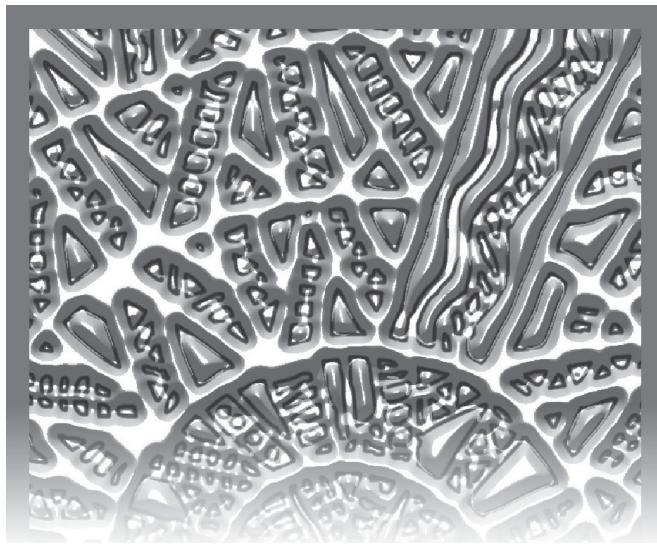
Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. При сланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована работа Светланы Тот «Время». Дерево, сталь, эмаль, 20×20.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикую материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

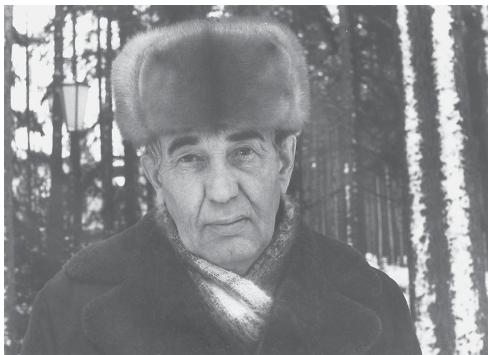
Журналын йөзөдтөм гижёдъяс редакция оз рецензиурит и авторъяслы найёс оз мөддө. Редакция оз век во ѿти кывйö авторъяскöд.

КОМИ КЫВЛЁН ВО

ГОД КОМИ ЯЗЫКА

Геннадий Юшков

Коми кывлён во

Тайё восё шуёны коми кывлён воён и,
тёдомысь, унатор индёма вочны. Мед эськё
ставыс бур вылёт лоб, мед коми кывыйс
пышё на вужъясьё, а пучерыс сылён весь-
кало, мед йылыс пашкырасьё шонді водзас, коль вайё.

Висьём понда ме кутшёмакё отдортичи нин ыджыд олёмсыс, но лысьта на
шуны, мый бёрья ветымын воас меным унаусь нин ковмыліс шыасьлыны да
сувтлыны Коми дорыс. Кувтёдз югыд висьёмён и лои меным тайё!

Сийён и вөзъя тайё кык кывбурсо!

Коми ёрд*

Мый оз шогёд, мый оз сулы,
Огё бырой Енмыс улысь!
Кёсыйсямой ния пулы,
Кёсыйсямой чудлён гулы,
Кёсыйсямой Эжва юлы,
Кёсыйсямой Коми мулы,
Кёсыйсямой съёлём тырён –
Некор татысь огё бырой!
Нинём вылёт!

Асланым кольё на ловным

Мед швичкё на вой тёв и лымайыс оз сыв,
Мед няньным нин бырё и совным,
Ми видзам на тэнё, му пуксьёмса кыв,
И асланым кольё на ловным.
Тан миянлён ваным, мед сувтё и йи,
И биным тан – перыйны шоныд.
И кёсъям на комиён сёрнитны ми
И комиён му вылас лоны!

Урасъём тёллысь, 16-одд лун

* Ерд – клятва.

Нина Куратова

Нина Никитична Куратова — первая коми женщина-прозаик — родилась 17 февраля 1930 года в с. Куратово Сысольского района. В 1949 году закончила Сыктывкарское дошкольное педагогическое училище. Работала воспитательницей в с. Серёгово, Ухте, Инте, Сыктывкаре. Шесть лет жила в ГДР.

Работала в Союзе писателей РК.

Автор повестей «Батьяс йылысь повесть», «Радетана, муса», «Куим вожа тополь», «Бобёнянъ кёр» и др.

Пишет и для детей — «Кёч гёснеч», «Вайё тёдмасямой».

С 1978 года — член Союза писателей России.
Живёт в Сыктывкаре.

Бара волі Куратчина грездö

Висьтъяс

Некод тэныд абу друг, некод абу враг

Тёлун¹ лунтыр шоныд тёлён ёвтис да кок улад ульёмкодь вёлі, а войнас кынто ма, да сэтшом вильыд лоёма улич вылыс.

Гынкомаси да петі нянь ньёбны. Тшёкыддышка ме, рынокыд матын да, няньысла сэтчо ветла. А талун Октябр шортуй вылло «Ассорти» магазинлань веськёдчи. Туй оз ков вуджны, нёль-ё-вит керка кост петлятыштан дай. Бабукён шуысь менам сэті пыр ветлө грамотасё чукортны, университетас.

Няньто ньёбны оні майбыр, съомыд кё эм. Оз ков очередь сулавны. Ас кинад и босытан, кутшом тупось тэныд кажитчас. Босыті гёгрессё, медпушыдсё. Мынтыси, нянь сумкаё сюйи, петі ывлва вылас. Тёд вылло пыр и уси — майдёг² нёшта колё ньёбны. Матігёгорас тані сэтшом вузасянінис абу, колё коймод номера пывсян дородз мунны да Октябр шортуйсё вуджлыны. Сәні матын эм сэтшом лавкаыс. Баня дородзыд мунны дас воськов. Вои да сувті, сулала. Виччыся, кор светофорыс турунвиж бисё Ѽзтас, мед позис машинаясон жуысь улича мёдараас вуджны. Вель дыр нин сулала, а светофорын век горд би. Машинаяс сомын и мунёны-мунёны Ѽтарё-мёдарё, кытчо и быдён тэрмасьё. Весьшорё од тайё уличыс шёр туйён оз шусы. Видзода да, томджыкъясыс оз и повны, оз виччысьштны, машина улас и пырёны, тэрмасьёны туй вуджны.

«Мый нё тайё, тыртёг гортё мунны, али тшётиш томъясыс моз смелмёдчывны?» — тапикаса, тшётиш кёсъя машинаяс пёвстас уськёдчыны. Кодё пельпомё лап-лапкерис: «Бабуля, тэныд отсыштны? Талун светофорыс оз уджав. Кёсъян кё, айда мекёд!»

¹ Тёлун — талун.

² Майдёг — майтёг.

Лөссыдик зон, моднöй курткаа, юрыс күш, шапкатом. – Татшом мусалыскöд нö кызд öткажитчан? – шмоныпрысы шуыштi да кутчыси сой бердас.

Вуджам сыкод, öтарö-мöдарö ырсунлöмён, мукöд шоперыс и сувтöдыштлö машинасö, мед не талявны миянöс.

Уф, вуджим! Зонмыдлы сё пасибö шуи отсыштöмссыс. Лов вылын рад. Со, мися, кулитам да норасылам томъяс вылö, а эмöсъ на и бур сьёлёмаяссыс, оз порысстö öтдортны. Зонмыд шеновтыштi меным кинас, зiля мöдiс шöрттүй пöлёнöс шуйгаладорас. Ме веськыда, со водзын и тыдалö магазиньс.

«Ньоба майдöгсö да тарыт и юрös мыська. Дегтярнöй по тай колö, йöгöдь¹ дука, мед юрыд оз килльöссы. Лавкаас пыри да сэтшом майдöг и юалi. Эм по. Вузасыссыс, том нывка, пыр и мыччис колана майдöгтö. Ме зептö пыри сьёмысса, да сэнi тыртöм! Весьбöри. Кыздзи нö?!. Ветымынаос гортысъ босытлi, няньссыс мынтыси, да сдачассö сетисны куим дасаöс да посниссö на кымынкö ыргён нöшта. Помнита – зептö бура пунктi, чуньясöн зептас на зяльöдчыштлi посниас и».

Яндизимысла кымöсöй весиг посявлiс. Тöвар кора, а мынтыны нинöмён. Медбöрын сямми жö тай шуыштны: «Й-й, вунöдi, буракö, сьёмсö босытны».

– Овлö. Нинöм, мöдисс пыралан, – лöннöдыштiс менö вузасыссыд да бöркисс босытiс ньöбастö, а ме петi öдзöс мöдарас. Лов вылын сьёкыд. Зуйга-муна бöр Октябр шöртуйлань. «Мыйла и вуджлi? Ачыс нин Енмыс абу тшöктöм да, светофорсö весиг сувтöдлöма да. А ме зiля! Йöгöдь майдöг ковмöма. Бöрсö кыздзи кута вуджны и?»

Биззöда-муна, ачымös пиняла и туй вуджöм йылысъ шогся. Видзöда, муртса и эг люкасъ, менам тöдса отсасыссыд паныд локтö. Вомыс шешвидзö. Менö быттьö биён чуткыштисны! Тайö тай зептад пыралöма! И лысстьö син водзö петкöдчыны! А сiёö, быттьö сiдзи и колö, чургöдö менамлань киссö, чуньяс костас шарöдчöны менам куим дасаыд.

Горш жö тай ме мортыс вöлöма, али скöрысла, кватитi чургöдöм сьёmtö да горöдi, веськыда сылы чужёомас видзöдiгтыр:

– Этша медсö босытiн туй вуджöдöмссыд?! Унджыкыс менам и абу, верман шобны! А кöссян кö, ветлам, то дзик матын менам гортыс. Сэнi эм на, пенсия тöрыт вайисны. Лок, лок! Вуджныс кöть отсалан!

Но и но! Сötанаыс, буракö, сiёö и вöлi. Нöшта кыпыда нюмдыштiс меным да индiс светофорлань, быттьö кöсийс шуны, ачыд по вудж, туйыс восьса. Ачыс бöр мöдiс сылань, кысянъ локтiс.

Светофорыс и збыль, уджалö нин. Кокныда и вуджи жуысъ машина туйтö. Мöдi гортлань, и мыйлакö гортö пырны абу окота. Онi кö, мися, пыра, гортö пырта мыйкö зэв мустöмös.

Жöйялi вель дыр ывлас. Юрын кутшом сёмын и мёвп эз гудрась. Кодi эсъкö тайö зонмыс? Жулик? Али абу тыр сюсъ? Гашкö, студент, соцработникö велöдчö, психиатрияён занимайтчома мортыс? Гашкö, тайö и наропшö светофорсö сувтöдлiс да?

А ывласыс ёна нин рöмыд. Кокöй кутiс кынмыны и. Енэжас мыччысъома со нин кодзув. Күш öтнас дзирадалö-ворсöдчö рытыв-лунывыланын. Но дивö! Мукöд рытнас мильон² кодзув петас, а тарыт – öтнас! А, гашкö, абу и кодзув? Планета, гашкö? Либi искусственнöй спутник?

¹ йöгöдь – дьёгöдь.

² мильон – миллион.

Ылалі ёд, кодзув йывсыыд куті гадайты да. Но и кодзуло! Пасибө тэныд, мустём думъяссыс мездін да. Пыра гортö. Оз нин тай быттьö вётчы ме бёрся мыйкө мустомыс. А кодзув йывсыыд верма юавны бабён шуысылысь. Университетын велёдчö, тёдö быдторсö.

Кильчöп пыри, поскöдыс нин кая асланым нёльöд судтаö, кыпыд мёвп юрын ворсöдчö: пыра, пось чай юа, сэсся Рерих йылысь зэв лёссыыд книга заводиті лыддыны. Сийос лыддышта да, телевизор видзöдышта да. А быд пос тшупöдö тувччöм быттьö менö кёсий сувтöдыштыны да висьставны кутшöмкö тайна ли загадка ли. Тёд вылö уси Рерих йывсыыд лыддьöм книгиыс Индияны олысь войтырлён шусьёгыс – «Некод тэныд абу друг, некод абу враг, но быдён велöдьыс!» Абу-ö тані и вочакывыйс меным тшötш? Быдён ёд и эм велöдьыс. Эсий отсасысь зонмыд жулик ли абу ли, велöдіс бура! Бабукö, буракö, абу велöдлöма «Пыдöджык пуктан, матысъджык босътансö», кёть и зэв варов вöвлі, да сийо сёрниын пыр зяльöдчинсны-ворсисны шусьёгъясыд. Сылысь шусьёгсö тай зэв бура помнита-а, пыр шуліс: «Ен да бур йöz отсаласны». Отсавлісны и эм меным бур йözьыс нэм чöж, дерт, и ылöдлëссыыд вöвлі жö, но мед тадзи?! Да ладнö, мый сэсся сы йылысь. Татчö пос вылас уся, сэтшома мудзи. Пырны колö гортö öдйöджык. Овлö тай и дась пöжалом няныыдла петалïгкості тадз вежörtö и кокъястö мучитан. Гашкö, и польза вылö на. Гашкö, пöрысъё-нэмö кёть ог вунöд сэсся поль-почлысь шусьёгсö: «Нэмтö ов, и нэмтö велöдчы. Ачыд он кёсий – велöдасны».

Бара волі Куратчина грездö

Бара ёти во исковтіс. Кадыс тай мунö, он и аддзыв. А пызан йёрö сымда чукормöма вочёжся газет-журналыс. Да и аслам кутшöмсюрø гижöдтор-пасибöдыс чöлой гёра. Газетсö позьö дачаö катöдны, пачсö ломтigён нажöг вылö згöдитчас. А журналъяссö, сиктысь кё кодкö волас, сэтчö катöдас. Лыддьёны сэні. Сёйсъ закажитасны, эн по шыбит, вай миянлы. Выпишишны сёймным оз судзсы, а кадсö вианмоз окота жö ловтö лыддыссыёмнас гажöдыштын.

А коді нин и волыссыс да катöдиссыс лоё? Сикт-грездъясас йözьыс эз кут кольны да. Со тай пыр и син улö уси аслам пасибöдтор верöслён чужан грездас, Куратчинаас, ветлöм йылысь. Гашкö, и гижöдтор лёссыдом могысь пасибöдсö вöчлі. А колö ли оз та йылысь гижöдсö вöчны? Василий Лодыгинлён тай кывбур эм, неважён на «Войывів кодзулысь» лыддьылі. Он кё по чуймöд лыддыссысö гижöднад – эн и пессы. Бурджык пестö поткёдлы да пöсьютö кисьты. Но, Ва-сюкö, зэв ёд и стöча шуома! Колёкö и, ковтöмторнас на тыртлам газет-журналыслысь лист бокъяссö. Но менö ёд грездö ветлöмыс вörзьöдис и чуймöдис. Гашкö, кодоскö и тшötш жö вörзьöдас.

Куратчина грездтö, дерт, карта вылад весиг ичöтик чутён оз пасайны, но меным ёд сийо грездыс чужан грездыс на муса да дона. Дай чужан грездöс сийо грездыс ториöдö сёмын ичöтик Буб ю, кытчö пырджык котравлім купайтчыны да арпиянöс кыйны. Бубным абу пыдын, галькияс выйті сёльöдчö-визувтö. Буб юсö волі келёмён вуджам Зётин Нина Гориновакöд (кык вутыр Нина) да кёмтöм кокаöс, чой паныдыс вартöдам Куратчина грездланыыс. Сэні Ниналён тьётка-

ыс, зэв мелі да нюмсера, быть нин миянös чёссыд чайён юктöдас да лампасия тусь вомтö чёскöдны сетас.

Нинакöд ми ёнасö сэки нинöм на эг гёёрволöй, но Ниналён вокыс, Прокопейис, шулis, сийö по öд тьётыс Иван Куратов поэтлён рöдня, поэт мамыслён вежаныв лöй. Куратовыс по сийö керкаас и чужлöма дай.

Ог тöд, збыль-ö Прокопейным висытавлis, а Куратчинаас ме верös сайö петалi да аслам мöд гортöн и лыддя. Сийöн и öнi менам сьёлёмöй доймö, грездыс бырны кутöма да.

Олёмсö сiдз вёчлöма тай, грездыс чужтас-быдтас ассыс челядьсö да оз ас дорас шымыртöмён видz, быдлаö страна пасьталаö разöдас-торийöдлас. Отпускавны и волан вежон-мöд кежлö муса грездад. Волан да быттьö бордъясыдлы выль вынъяс чёжыштан. Сэтшöм югыд да гажаинын грездыс. Став вёльнöй светыс гёёрпöв тыдалö! Кебра-матушкалён комын витнан грездыс, буракö и! Да öд и Роч мусö Коми мусыскöд йитись тракт туйыс тайö грезд пырыс прöйтитö! Ветлыс-мунысыд пыр эм. Грездса тьётöяс ок, визулöс да варовöсь, свежöй мортыдлiss юасясны и висытасясны, тöдмаласны не сöмын Коми мусын олём-вылём йылысь, но и став страна пасьталась да весиг и граница сайсыд. Сэки öд эз сöмын водзтi моз вёлён ветлысь ямщикъяс вёвны, машинаыд ёна нин гузъялiс-ветлis.

Ми отпускавны гожёмнасджык пыр волi. Луннас грездад лöнь. Гожёмнад турун пуктанiныöсөс войтырыс. Челядьыс вадорын кульмёны дай. Пöрысь поль-пöч сöмын грездса улича вылад вуджöртчылас, да вузасян лавка дорын ветлыс-мунысыс ноксöй.

Но мыйён рытыс воас, ловзя-шызяс грездыс! Зонъяс ставныс гудёкасны кужёны! Менам верёслён куимнан вокыс гармонистъяс. Пуксясны звöз помö да заводитасны кадриль либо «шондiбанöй» няръявны. Суседка-пöчö, öтка старука, пыр и лажзьöдас-воас, нюмвидзö: «Кысъ, мися, Выльгрездса нывъяс эстчаньын сывынъ завоитiсны да. Тайёяс тай, вёлёмкö, няръялöны! Петöй грездö. Чойыйвса нывъяс дорöдз мыськовтлö!»

Сэсся ме дорö шыасяс: «Нина, ичмоńöй! Тэ мый он мича платтьёась? Пет тшöти! Отчыд овлö томлуныс, татшöм мича лун-войыс да! Ок эськö, эг кö пöрысьмы!..»

— Пывсян ме ломтi да,— вочавидза ме сылы,— свежöй корöссын, буди, швачöдчыны тарыт кутам-а, огö петöй йöктынтыö.

Пöчöлён нöшта на паськыда нюмыс петис: «А Нинукö, зэв и лада сёрнитанбайтан! Ме абу прöч пось пывсянсыд! Самöкур румка-мöд чуньлыс ыджда дозöй босьтi! Пöсь пывсян бöрад...» — Мый пось пывсян бöрас, пöчöйд оз и кывиён шу, а мудера читкыралыштö синъяснас. Ок, пöчö! Ёна и забавнöй суседка вёлi. Энька сийöс радейтлis, гажтöмтчыны по тайö оз сет. А сэки буретш энька йöв тыра пöдёнчайон картасьс петис да почöлы вöзйыны кутис мös вöра йöв юышты.

«Öнi пывсянöдзыс — ог. Тыр рушкунас кыдзи кута корöссынас швачöдчыны!» — вочавидзö пöчö да зэв кузя ышлов вöчö, сэсся вазьём синъяссö кулакнас чышкыштö да кайтыштö: «А бобёяс, тi кö энö волöй, кыдзи ме öтнамöныс эськö олi? А сё пасибö Енмыслы и Тиянлы, онö öтдорто да. Сё пасибö грездыслы и, эта дыра, кёкъямьысадас арööдз видзö! Миян грездысъ кындзи некён сэсся свет вылас абу татшöм гажаиныс да лышкыдiныс. Томдырии Сибиръястiыд и быдлатi ветлi, дитя видзыссыон медасьлывл i да мый да. А кувны бöр татчö, бур йöз дорас, Енмыс вайис».

«Пёчукö пыр кувны лösöдчö!» – мышывысянь кылсны нывбаба гёлösъяс да серам. Со и нöшта кык тьётö пывсыны воёны...

Тадзи и вёвлі сэки менам ичмонялгён. Татшомёсь и Куратчина грездса аньяс вёліны и грездса оланногыс. Ог нин уна шу том войтыр йывсыыс. Öти рыт кö петалан на дорö войпуканінас, нэм чöж кежлад коляс нывъяслён сылан горыс.

Йöктö керка, йöктö пач, йöктö и галанка!
Ме мамёлён öтка ныв, чистö кулиганка!

Либö жö:

Кокöй ышмис, пюö-пюö,
Кытчö нуас, ог и тöд...

Дерт, сiё кадсяныс удитiс уна ва нин визувтны Буб кузя. Не сöмын коми грэздыд, но и мирыс ставнас ёна вежсис. Тайöс ми тöдам. Но медым рöдной грэздад воан да паныдалан сöмын кык старукаöс! Тайö нö сёлёмтö вёрзьöдö оз? Менам тай синва петiс-а. Энька-айка да важ тöдсаяс, шуам, пöрысмисны, куллны, а томъясыс кёнöс? Мыйла гудёк шы ни сылём шы оз кыв, посниясыс мый оз котравны да чилзыны?

Куратовской поэзия праздник вылад комын воыс дырджык нин, ме быд гожём на ветлi аслам чужан-быдманнö. Вичкодорö, праздничайтаннäад, чукörмас сымда йöз! Гösyt-гöстя став Коми му пасьталасыс.

Водзтöджык и став страна пасьталасыс – Казахстаныс и Сибырысь, Москва-Ленинградыс и Украинасы гижкысыас волесны. Аддзöдчöны-гажöдчöны. А ме тöдса-рёдняяскöд аддзысыла, кутчысыла-окася, пöттöдз варовитам. Праздник вылад öд Вичкодорö быд грэздыс жö войтырыс волё.

Кор вёлi ловъя на энька, весиг и сiё Куратчинасыныс волiс. Менам бать гортой сэки эз на тыртöм вöв, чой семьянас олiс, удитлiм и сэтчö пырыштлыны да варовитыштны. Сур на юыштлiм и, чой нарощö сæk кежлö сурторсö вöчыштлiс.

Тайö бöръя гожöмас, ме мыйкö нёрпалi ли мый ли, эг вермы ветлыны праздничайтынсö. Бöра-водза, дерт, позис, нүöны тай машинаöн, но лолёй, буракö, эз кöсий. Важ рёдняяс, важ пöдругаяс абуöс нин, чойöй кулiс, эз ло, мый каян да... Первойыс праздник вылö гажöдчыны эг кайлы!

А арнас пиö отпускö петöма да кутiс шуны: «Мамö, тшак вотанмоз, гашкö, кайлам дед-баб грэздад? Керкаыс öд узьнытö эм. Олам сэнi лун-мöд. Окота лои челядьдыр казтыштны. Ме öд сэнi ичötдýрий ёна котравлывлi. Öти сайсянь и шойна вылас гуяс дорас кежалам».

«Ой, муса пиö! – радысла тайкö ог йöктышт.– Кайлам, кайлам! Ме сэнi важон нин эг вöв! Таво весиг и Вичкодорöдзыс Куратовлён праздник вылас эг кайлы! А Куратчинаад дед-бабыд эз лоны да...»

И со ми аски асывнас жö и туйö мёдöдчим. Пестер-наберушка да сёян-гёснеч машина багажникас лöдим, ме бöръя улоs вылас пукси, а пиöй аслас Серёжа пикöд водзас, руль дорасоßь. Серёжа синсö батьыс ки вылысъи из вештыв, тшöтш шоперавны велöдчö, сiёс и тайöс öтторъя юалö батьыслысъи. А ме шынъвидзапукала. Туйыд онi шылыд, абу водзтi кодь, сöмын нин уй. Да эн вуграв. Он и тöдлы тангасны! Машинаыс – жуö! Эм ветлысыыд! А кыдзи нö ми водзтi подöныс ветлiмö?! Сё комын верст Сыктывкарсянь Куратовоöдз, а ми, карса техникумъя-

сын да училищеясын велёдчысъяс, вежон кежлө, каникул дырый подён шлётккамаям гортö. Кöттэ эськө чёскыд ужын сэні оз жö виччыс миянöс, но бабукъяс öд мелі кывнас быть сьёлёмтö бурмёдыштасны дай юртö малыштасны ичётикъяслыс моз.

Пукала да казьтыла подён ветлёмъясöс, а машина лёбö. Бёрö колины нин Выльгорт и Лёзым, Паджга и Ыб, Межадор и Визин. Сэтшом окота висътавны Серёжалы, кызды ми тайö туй кузяыс кайлым Украинаса да Казахстанса гижись гёсчтъяскöд Куратовской праздник вылö, кызды ми дедыскöд, том гозъя, кык ичöt челядьён да кöлүйён 1955 воян волимö отпүскö Германиясянъ да тайкö и отö пёгибнитöй тайö туй вылас. Зэрасис, туйыс вölі лёк да грузовик машинасö кыскис канаваас. Но висътасыны да сёрни панны ме эг нин удит. Со Чукаыб лои прöйтитöма. Колö сувтлыны да пыравны вöрас. Эг öмой тшак вотанмоз мёдöдчой сиктас.

Пырыштлім куимлаö, зэв тшака местаяс водзті вёвліны. Ни öти бур тшак эз сюр. Таво тшакыс абу петöма. Жаритмён тай уртшак öктім жö. Сэсся нином абу. Чöд вöлöма! Да вотысыс абу волёма!

Но ладнö, тшак вöснаыд огö на жö шögö усъёй. Водзын öд чужан сикт. Сиктö пыртöдз и позьё кежавлыны шойна вылö. Тонö туй бокас и эм гусы менам поч-пöльлён да. Кодсюрёлсис гусö эг и аддзöй, крестъясыс важысла пöрёмäось да, кызд аддзан. Но чойö неважöн на кулі, да свежöй на гусы. Сы дорын и пукаломён казьтыштим да гёститöдчим, ставнысö гарыштлім. Эм-абу сэсся налён тöдöмкодыс-а?

Гусö эновтны нин ми дасьтысим, ми дорö локтис неылын вуджрасысъис тьётö, чоломасис да пыр и пондис варовитны-висътасыны. Ме по öд тöда чойтö, куимнан пиös менсым велёдліс, учительница вölі... Öні куимнанныс нин абу дïнынöс. Медічтöис служитö кёнкё ылын Чечняад... А этайö то тані куйлö дай. Медиджыд вölі, медводдза быдтас. Менам кодь жö ад горш вöлöма. Ме тай горшаси, пыр уджалі. Совхозлы йöв лысъта, план тырта. А тайö винаён горшсö тыртis.

Ичётнас öд зэв садя да зиль вölі, меным скötной дворын пыр отсасис. А армиясыс воис да мый и лоёма! Эз и косымыв, юис... Сылы ни меным горшась-öмыд шуд эз сет. Кыз му улын куйлö... Ме эськө ола, ог норась да. Шёркост пиöй сьёмнад отсалö. Вöркутаын сïйö, из шом перийö... вичкоыд миян тані абу. Вёвлі, да косявлісны. Горшась-öмысла жö. Жыннян кörттис пö колö танк вöчны, а кирличсыс выль керка лэптам. Со öд кутшöмёсси ми! Öні сэсся ме татчö гуяс дорас и вола вичкоö пыдди. Кевма, мед рöдительясыс отсаласны, мед войнаыс озло, да пиукö салдатсыс садь юрён локтас гортö...

Тьётö помсявыв, дугдывтöг и юртліс тайö ставсö да вöлисъ могсö висъталіс. Вичкодордзис пö тi нүöй жö менё тшётш машинанад, лавка дорöдз.

Важысянъ нин ме приметитлi: миян сиктса аньяс первой ас йывсысъис висътасны, то пö ме кутшöм. Абу кö мустöм ме тïяnlы – сибöдöй дïнад, ог кö шогмы – эновтöй. Со тайö тöдтöм тьётöыс бур пример и эм. Сиктса аньёй, донаёй...

Ми шуам: «Босътам. Эм тай тыртöм местаыс». Пиöй менам абу ёна сюйсъись нывбаба сёрни костад. Но та пöриö нюммуныштис быдён да шыасис тьётö дорад:

– Этатшом варовсö кызд он босът, стахановка на вöлöмыд да.

Нывбабаыд татчö ловзис быдён: «А збыль, менам бать стахановеч вölі: вöрын уджаліс. А ме – соцтруда¹, передовик вёвлі, медаль и быдён сетлісны...»

¹ соцтруда – ударник.

Миян и думъяс ээ вёвны Вичкодорад сувтыштыны, Куратчина гортёдз и кёсийм мунны, да варов тьётуштö быть ковмис лавка дорад чеччöдны. Сёйсъ пасибосс шуис. Сылысь горалёмтö кылёмайсъ, машинаос миянлысь пыр и кытшалисны лавка дорын сулалысь гырысь сумка-ташкака том йоз. Автобус по виччысям карё лэччины, бёра-водза гортё волим.

– Ничево себе «бёра-водза», – кёритёмёнкодь и менам пи на дорё шыасис.– Ай-мамыдлысь тай нопъясад унакодь сёйтёмныд-а.

Том йозкёд кыв песны Серёжа да батыс колины машина дорас, а ме тёдса улич кузя мёдёдчи, син пыр кёть нүбдишта грэздёс. Бать керка эсько и орчча, да он на и пыр, ёшинь тупийса¹, ёдзёс игана, потшёсис пёрома. Кык ыж кодлонкё сэні йирсыёны. Эм тай йирсанторийыс. Ёшиньёдзыс кузь турун быдмёма. Некодлы оз ков. Водзті кабыр турунысь тюрмао пуксъёдлісны, човиё нулісны. Синва дзольмунис, кутнысё ог вермы. Сідзи и вазьём синъясон муна грэзд кузя. Зотин керкаодз, Куратов музейид оні сэні, кайлі дай памятник дорас кежавлі. Памятник дорё кодкё китыр дзоридз пуктёма. А ме... Эг ѡмой вермы вёрсыс вижёдём коръяса вожсё кёть вайны? Найё ѡд зэв жё мичайсъ. Яндзим весиг лои, сёйр рёдлысь овсё новлодла, а ачым тыртём киён татчö локті. Бергёдчи, туй кузяыс бёр машиналань мёді. Вичко чой дорёдз нин локті. Серёжа да пиёй дёзмёмаисъ нин, бурако, менё виччысъны, шенасьёны кинас меным. А ме сувті да сулала. Луныс мича, шондіа, естчанын, ю мёдарас, Выльгрезд и Шорийыв, Расчой и Йабпон тыдалёны.

Кебра-матушкай, съёлём шондысъёй²,
Чужан люлюй, челядьдыр!
Тэнсыыд войтыртö, гажа вёр-ватö,
Кута казтывны күттёдз пыр.
Вичко чой горув тёвзя-котёрта,
Бубай ызгысъла...

Эг и тёдлы, машинанад ме дорёдз воисны менам пиукъясыд. Серёжа ёшиньёд горзё: «Бабук, пуксыы вай, мунам асланым грэздёдз, мый тані сулавнысё».

Найё мой гёгёрвоасны менё? Пукси. Ёдйо и чой горулыс лэбим, Буб ю пос вуджим, чой паныдсё Куратчинао нин воам. Со медвoddза керкаяс нин. Туй пёлёнис и бокынджыкось. Со и миян, тёкётью бокынджык жё. Кежёдим машина, сувтім. Потшёсис оз лэдз кильчö дорёдзыс пырны.

Потшёс вомоныс веськыда вуджа,
Дона керкаай, мый сэтшём чёв?
Он мой аддзы, ме тэрмася кыдзи?
Ме ѡд сё во нин тані эг вёв.

Кёнкё таг йёрын кравзыштис рака,
Колёк, менё и чукёстис тадз?
Крав да крав! Тэ по карса, по карса!
Да, ме – карса, но лолой век тан.

¹ тупийса – тупкыса.

² тані шондысъёй – шонтысъёй.

Эстён, увтасас, тёдса шор дзольгё,
 Важ моз варова чуксалё век,
 Лок пё, содз тырыд босыт, горштö веськёд!
 Кösсян мыссыыштыны? Мыссыода, дерт!

Öвтö ма дукён. Шор логыс нерсöö
 Нöшта майёнкё. Нырислы рад!
 Гашкё, ломтысысь пывсян тшын дукён?
 Али таг дукён? – Сур пуан кад.

То нöсъ шор дорын дэлизъялö кукань,
 Гашкё-й, миян да? Зэв тай и чож!
 Меным паныдён кильчö оз воссы,
 Энька мамой тадз оз вöчлы, оз.

Колёк, миянлы ломтыштис пывсян?
 Гёсти миянöс виччысыö тшук,
 Пывсян кёджас кё шайччыны пуксис?
 Но и нинём, ми виччысылам здук.

Ой, да! Йёйукыд! Дзик тай нö сорси!
 Коркё тадзи и вёвлé. И со...
 Бара пиянкёд ас грездö локта,
 Сöмын виччысысь некод эз ло.

Пока менам зонъяс потшöссö восытисны да мый да, ме ёдйёджык вуджи потшöс вомён да эг вермы кильчолань восыков вöчны ни керка гёёр кытшовтны. Сувтì да суала. Шензёом, и радлун, и шагыс, быттьö сувтöдисны-дорисны места вылö. «Нор съёлёма кутi лоны, пöрысъма», – пасъя ачым аслым, но синъясöй и пельёй корссыёны быд турун вöрзьём и быд тёвру пöльыштöм матигёгөрссыс. Некодлы ковтöм турун папуритöма, керка öшинъяс муртса тыдалёны. Вöсньюдик кок туй сöмын кильчö дорас нүöдö да амбар водзсö тальёма. Верёслён Васька вокыс шусис кайлёмён. Керкасс видланмоз пё кайлì грездö да пывсян быдён ломтылì, ошиысис тай. Сийö, буракö, тальёма. Лук градъяс местаын то тай картупель быдмö, век корыйс веж.

Дзоръяла-видзöда гёёрпöв, а эстись, увтасинсыс, шор дзольгём шы кылö, и быттьёкё ыж бакёстис, и рака со раз-мёдись кравкнитис. Ловъя морт гёлёс абу, ог кыв. Машина дорас тай ая-пиа мыйкё намёдчöны, а сэсся чёв-лöнъ.

Доршасис синваой, кösсян килутшён чышкыштыны, и друг кодкё менсыым киёс, зэв шоныд да небыд, нюлыштис. Пон вёлёма! Еджыд гёна, гёгрёскöдь ныра, лапъя пеля, гырысъ синъяснас сидз ме вылö видзöдö! Видзöда да, сы бöрысис и мёд локтö, сёд гёна, зэв жё муса.

– Кычильяс! Тi мый? Он-о нин миянлыс керканымöс видзöй? – шыаси на дорö да малыштi матыссасыслыс гёнсö. А найё менё нюлёны мыш и водз, ки и кок. Ме найёс тшётш пондi малавны да кайтны: «Зэв тай нö мусаёсъ! Кодлон нö тi татшöмъясыс? Кёзяннтöмёсъ, гашкё? Ёна нин гажныд бирома ловъя морт-

сыс!» Кылі потшёс сайсьы гёлөсъяс. Видзёда: машина дорё сибёдчисны кык тёйтö, пöрысь почъяс. Ой гора да варов гёлёсаöс.

— Аддзылім öшинь пыр воёмтö да... Чайтім Васькаыд воö, а то кодъяс воломаöс! Ми самöвар пунктім, чай юны чукостом радиыс воам. Пока пач ломтаныд да мый да... Тіян öд кузь туй вуджёма, нуръясыштанныд капустаён и...

Мишö Еленайс гора гёлөс сертиыс тöді. Туй бокас дзик и эм сылон керкаыс, аддзылому машина шургомтö.

Ми понъяскöд сибёдчим на дорё. Чоломаси, нимнас и овнанас ыждöллі варовитысътö. Мöд почёыс чöв олïс, сийös эг тöд да кыв шутёгыс сöмын кутыштлі кисö. А Еленалы любö лоома овнанад ыждöллöмыс да кыпыда укёстic:

— У-у да, овнаойс тöдан и?!

— Эн öмой пионервожатой вöв коркö, — воча шуа сылы.

Елена серало: «А вöвлі и эм! Шеп öктыны тіяноö новлöдлі. А мыита спектак пунктывлім да кывбурсö лыддылім! Помнитан?»

Ме гёгнита юрён да сийö нöшта ышмö, командуйтö нин: «Помнитан кö, ноко айда! Будь готов, всегда готовсö и вöчой! Чай юны миянö! Самöварыс пöди пусис нин, пöзяс¹ дай, вавыс оз коль! Выльыс ковмас пунктывны!»

— Пуктам эськö, ковмас кö, и мöдьыс да, — лёня шыасис пыр на чöв олысъ мöд почёыс, да пиой кутiс и менö тэрмöдлүны:

— Мамö, збыль... То гёснеч сумкатö босыт багажникис да мун почукъясыкöд. Шойчыштан сэнi. Ми Сергейкöд пока пессö вöчам да пач ломтам...

— Но инö, наропшö корны воёмаöс да, ог жö ыждав, этатшöм муса понъяс кö весиг приглашайтöны. А найö и збыль бöжнас легöдöны да öтторъя юрнысö бергöдлöны петанiлань, туй вывланыс.

Петiм улич вылас, восылалам найö керкалань куим почё да водзвылын кык пон. Ме дзоръяла, видзёда туйбокса тыртöм керкаяс вылö, Елена менö гёгёрвоö да тувкыштö бокö: «Эн на повзы, абу на ми күш кыкён грэздын олысъясы! Эстчö то видзöдлү, мича öшинъяса керкаыс тыдалö. Пельмеговъяслён. Ой, зильөс да уджачоöс! Тыр семьяён и тыр олёмён олöны. Сэтшöмыс кö эм грэздад, оз на олöмыс кус! Рöдмасны. Луннад налы некор, уджалöны, арытнас петаламö и на дорö. А онi кежаламö татчö». — Дзиръя дорас Елена кежис, ме сийös ыzzöбыштi, шуа: «Кöзяйкалён кипод тöдчö». Мыйкö рифмуйтöм көд и артмис, да миян коймöд старукаыд китш-китш серёктis да котöрён пырис дзиръя саяс, горöдыштis сöмын: «Ой, самöварыд миян!..»

Керкаыс Еленалоö дзик туй дорас. Йиджыд, лöссыд. Öшинь ув бура потшöм, еджыдöн краситöм öшинъяс сярвидзöны. Кильчоöд пыригöн кöзяйкаыс юörtiс:

— Тöвъян керкаын и таво гожъям. Мый миянлы, абу тай дзескыд. Гожъянас карсянь пи волö да олö, пенсия вылö тай шусьö петiгöн да, пыр кежлö, гашкö, воас.

А керка жыръяс пызан вылас нин самöвар чушöдчö, миянöс виччысъö. Тöдса пöдругаыс Еленалоö чашка-блюдъяс нин тэчö пызан вылас и. Миянлысъ юалö али висыталö, он и куж шуны, небыд гёлөсъс тай пыригкостi и кылiс-a: «Сакарён кутам чайтö юны али щугромса гёснечнад?»

Елена сылы воча: «Мый эм шкапад, ставсö вай! Зэв бур гёстя тайö!»

Пызан саяс пуксöйм бöрын Елена пыр и сёргисö пасыкёдис щугромса гёснеч ийвсъыс: «Толяыд Вичкодорö, сельсоветас мыйлакö волёма да керкасö видлан-

¹ пöзяны — пактавны.

моз татчöдз автобусён мыськовтлöма. Пыраліс миянö. Зэв ыджыд кампет кöröбка мыччис». «Сола ельдöгтö кё вайин-а...» – ыждалыштi ме татшöм гösнечсыд. А сiё: «Таво по ельдöгыс абу, оз пет. Турциясяныс ныв-зять ельдöг вотны кёсйöны волыны-а».

Нывкаыс öд сылён Турцияас тóварла мунас, чelnок ли кыдз тай шуöны, да жёник сэтысь пыр и аддзас. Волiсны öд нин öтchyд. Верöсис турок кёть, зэв прамöй, рочён кужё и. Православной школын по ме челядьöс велöда. Еджыдик юрсиа коми нывкаыд сылы кажитчома! Паськалö тай миян рöдыд. Турцияыд сiё мый на, абу на южной полюс. Уткавидзса дядьнымлён пыыс и сэнi нин вöлöма-а. Тёвий по сэнi, висътасылiс коркё. Онi кёнi и мортыс нин, ог и тёд. Ставсö кысь тёдан. Пыраласны кё да аддзылан, тёдан тай-а...

Кампета чайнад чёсмасигтыр кывза ме кык кёзяйкаöс да гогийöдлышта сёмын юрён, а аслам сёрийöн окота жё сунчтывын. Кодкё лун на Куратовской музейö чукостлисны менö тшöтш. Москваса гösт боöма, Иван Куратов рöдссыд жё шусьö. Сыкёд аддзысылёмсö и пондi висътавны. Мися, зэв ыджыд чина, нефть да газ кузяыд академикöн шусьö. Комиас унась нин волёма, но абу тёдöма, ыштö вужийс татысь. Интернетесь по аддзи да вои тёдмасьöм ради. Сизимдас арöс шуö, а лöссыд на, лабутнöя сёрнитö и. Ме сылы вöзий, мися, рöдня кё, ковмас Кебраöдз кайлыны. А сiё – онi по ог эшты, аски бёр нин муна. Но юбилей кежлас по мёд во быть вола.

Пёчояс чайсö чупкöданмоз кывзöны. Помалi ме висътасьöмöс да, Елена кузя ышловзис:

– Но-о, нöшта инö москваса рöдня аддзысис! Олег йывссыд висътавлiн нин-а.

– Сы йылысь висътала жё, – шуа ме. Бёр ковмис пырёдчыны сёрииад.– Олег Валерьевичыс öд танi гожийс, Усть-вымской манастырын. Онi сэсся сылён книга петöма, да татчö кёсйöны волыны гöтырыскöд. Книга петöмсö пасйыштанмоз гöтырсö Коми мунас тёдмёдас и.

– А, да, но шу! – Елена ыпмуныштiс бидён.– Мед воласны! Миянлы век окота жё москвичьяссö аддзывны! Рöдняяс да! Менам капуста таво зэв гырысь мача бидмёма, гоститöданторийд эм. Кушман и, картупель и. Кёза йёлён юктöда. А вот ельдöгыд таво абу петöма. Сола тшактöгыд кутшöм и пызан?!

– Тшакыд öд петас на, гашкё. Абу на öд сёр, – сюйсис миян сёрни костö и коймёд почыд, кодi пыр на зэв старатливöя зiлис кисътавны чай да мыйсюрö сёян ваявны пызан вылö.– А майбыръяслён зэв тай и паськыд рöдвуж! Москвасаяс кё да, озыроßь кё да, мый инö и оз отсавны миянлы татчö, Куратчинаас, часовнятор лëптыны? Кевмим эс्कö ми на вöсна и грездасяяс вöсна, мед шыльыда да мольыда олöмыс мунас, оз зыксыны войтырыс и. Телевизорад тай прёста зыксыöм да лыйсöм петкöдлöны.

Елен öвтыштiс сылы кинас:

– Мун, пöдругаö, немторсö эн байт, сылём-йёктомсö уна жё петкöдлöны. Ми на сылыштам и. Да öд, Нинук? Толяыдкёд аддзысылём бöрын öд миян доз пыдöсас кольыштлiс на. Вай, эн скupитчи! Юштам по-румки, румкаыс миян чуньлыс ыджа сёмын. Ог коддё – ышмыштам. Ышмытöгыд тай оз жё сывсы.

Оз по сывсы! Ачыс видлышттöгыс и шеновтыштiс кинас, дирижируйтö быттьö, да горöдiс «Паськыд гажа улича» сывны.

Серёжа локтiс нем виччысътöг. «Ой, цветёт калина» на нöшта кёсийм сывны да мешайтiс. Папа по ыстiс тiянöс корны. Миян по тшак нин жаритчö, да

пывсян регыд ваймас. Папа шуис, мед по корось босътасны дай локтасны байдъяс.

Ми, почояс, лёним сылёмсыд да Серёжа ос чай юны пуксьодам, а сій ё тэрмасьё нин петны. А көзяйкаяс шмонь сыкод лэптісны. Муннито по мунам! Кыдзи пывсыны он мун? Да од ми садтём кодось, мунныс ог вермой. Ковмас тэныд, пиукё, миянос кыскыны! Серёжа, төдчө, повзискодь, но чолынига кайтыштіс: «Кы-ы-ска!»

Елена малыштіс сій ос пельпомёдыс, меліа шуис: «О, дитя, пасибօ коромсыд. Чайсо тай он көсій юны да, мун инё которт! Да самоварто пуктыны эн вунёд. Ми локтам! Корось босътам дай. Пось пывсяныс и миян медбур праздникис да».

Недыр мысти и ми петім. Улич кузя буретш мосъяс мунёны, душ дасысь унджык. Чоййывсаяслён, бурако, Мөскашорын йирсёмаёс. Тыра вораяснад оз тэрмасьны. Пастукуыс бёрсияныс тэрмодлыштö, киас ньёрён шеновтыштало.

А ёна жо любо видзодны сиктса татшом серпас вылас. Быттю ачыд век ичотик нывка, вётchan на борся да шенасын вөснүйдик ньёрён. Мосъяс борся ми, куим старука, лажзьодам-мунам. Потшёс дорын миянос виччысьё нин Серёжа, вомыс шпыннвидзö. Миянлы паныд кильчо выло петіс и пиой.

Елена друг сылыштіс: «Ры-ыт нин кутіс во-о-ны-ы...»

Сылігтырый воам да, эз-ё нин пиукъяс чайтын миянос коддзомён? Серёжалон со вомсыыс нюмыс быри. Энё полой!..

Энё полой, ми ног олой... Мыйла и друг Куратов Иваныдлон кывбурыс дум выло воис? Асынмос, старукаяссо, дорийм могысь водзö на кывъясоc вежёйрой корссо. А найо со кутшоммос сяркодёны-воёны:

Ми кодь почтö он нин тшыкод,
Буретш ми и оні тілы пыкод,
Сылам тіян ради сомын,
Мед оз повзьод гудыр олом.
Төдой – водзын сомын югыд!
Коть и туйыс овлö дзугыд...

У-у! Со на мый артмома! Асынмос, почукъясоc, ого жо увтыртой! Томъясылы на гажтёмтчыны ог сетой да. Бур олом выло надея на налы вөзъям да. Татчо воигён на, мосъяс борся шлепиктігтыр, Елена гораліс: «Мосто таво ог нин видз, но кувны ог на көсій, коза босъті. Овны кута, кытчодз тані оз карын кодь мича керкаяс лыбны! Этатшом гажаин дыр пустуйтны оз кут!»

Коркё татчо вежёра морт воас,
Гашкё, тані югыд кар на лоас,
Гудоқ шыыд бор на кутас кывны,
Шуда войтыр бор на кутас сывны.

Эсыянь, Чоййывладорсянь, кутіс кувны мосъяслён бакосталом да тьётяяслён голосъяс. Воисны мосъяс йирсянинсыс, коло найос мелі кывйон паныдавны да көзяйкаяслы пуксыны лысътыны.

Шонді-мам со бабны нин көсій, енәжтас дорас нин вуграло. Мудзис, бурако, йозлышыс ноксъомс лунтыр видзодом борад. Мед шойччыштас. Сылы аски бара коло дзирадавны да портмасьны. А кыдзи нө сыйтогыс...

Игорь Шкляревский

Игорь Иванович Шкляревский родился 25 июня 1938 года в посёлке Бельничи Могилевской области в семье школьного учителя. В 1965 году окончил Литинститут. Автор многих стихотворных книг. Его перевод «Слова о полку Игореве» (1980–1986) по праву считается одним из лучших. В своё время его высоко оценил академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Возможно, из общения с этим светлым человеком Шкляревский вынес убеждение, что поэзия должна, прежде всего, примирять с жизнью.

Дзодзёг шыясысь палялЁ ун...

Ылі 1986 воын менам киö весъкаліс Игорь Шкляревскийлён книгайыс. Ёнджыкасö весиг нимнас чуймёдіс: «Красная книга». Лыдди кывбур бёрся кывбур, и эг вермы орёдчыны: кылі кутшомкё гёйрөвотом майшасьом, дой – быттью ётка кёлөкöl бовгö конкё войся лёняс.

«Некор эг думыштчыв, мый олёмбыд гижа ме ассым «Красная книгайос» — пасиё водзывъяс автор.— Воссьё сийё том кадся кывбуръясён, кор на вёрвавыслён вын-эбосыс волі тырмыён».

И со кызы воясь дырджык ме «вётча» авторыс бёрся, «шоныд на бипур местаясс...» туялёмён, кыла сылон дзодзёгъяслысь шыаломсё, казяла ылі ичтёт-дырся разъездын войся пемыдаас ёдва тёдчысь бияс.

Неважён воссис меным: коми авторъяслён гижёдъясын пырджык ѿзтоны, ломзьёдёны бипур либё ноддя. И.Шкляревский бисё разёдё, кусёдё. Сідзкё, мортыс лосьёдчö мунны водзё. Сийё ловнас и вежёрнас – пыр туйын.

Евгений Козлов

* * *

Мусё-васё эз шёриав нымён;
Реактивной кор чардон да гымён
Кыськё кыпёдчис.
Топоді пельяс,
Горза енэжас,
Садьмода думысь быд пельёс:
— Мыйён ошыйсяян, мортой?
Эн чайт,

Быттьё вёр-васö вежёрнад венин...
 Вöчин бомба,
 но ичöтик гаг
 Либö бобулöс вöчны тэ верман?..

* * *

Дзодзёг шыясысь палялё ун.
 Гёгёр пуж, вир-яй кöдзыдсыыс ёнтö.
 Дзодзёг шыяссыыс личкö нин ун.
 Помтöм вöлöк, и гажтöмыс помтöм.
 Ълi войывсянь локтöны найö —
 Вой и лун арся енэжсö куртöны...
 Либö бать-мамлён керкаын тайö
 Миян важиник öдзёсным дзурутö?
 Быттьё узигам, вой шöравой,
 Батьё кытысъкё мудзтыра воис,
 Дзоля дырий моз...
 Зептас нянь шöрём —
 Ъркыд тöвру да енэжыс кöра...

* * *

Парижын мортыс аддзё вёт —
 Ас вадор улын бадькор кыйё.
 — Лок гортö!..— мамыс корис, кылö.
 Друг пемдис, гёгёр лои сьёд...
 Би югёр ломзис пемыд пиас.
 Со батыс локтö, сылон киас
 Путейской пöнар пыдди тöлесь.
 Со воис Прагаö, Берлинö,
 Вой сьёдас дзоргö вазьём синмён,
 А чукостчомас сымда шог:
 — Лок гортö, пиё!
 Гортö лок...

* * *

Веж лысвасыс ки-кокам йирмёг.
 А видзёдла енкёла йирас —
 Сöдз дзуяссыыс вералан сера.
 И лёзалё эстён Венера.

Но сэні пё шутълялан тёв.
...Ме вёлёкын туй шёрё пета,
— Эй!— города.
Чунёдан чёв,
Оз вочавидз ылыш планета.

Вой кымышас, быттьёкё орт,
Виж толысыс шогысла сылёт.
Веж кёдза
Да рас визьёг вылёт
Тадз бёрьяясь видзёдё морт.

* * *

— Узышт на,— шопкодліс мамё.
— Чеччи нин!— шыавліс бать.
— Сёйышт лок,— чукостліс мамё.
— Велодчы!— чуйдодліс бать.

Ме гортын. Но кевмы кёть сёйсь,
Мыйкё тан вошома сконь.
Кольёма: «узышт» да «сёйышт»,
А водзёссо — шуштём лёнь.

* * *

Кодлы вёчёдны ветки?
Гёлосой ю пёлён ветло.
Воча паром вывсян гёлос:
— Тёдлі ме ёти пёльёс...
Киподыс лолыскод петліс.

— Кодлы вёчёдны туис?
...Гёлосос вёлёкё нуис.
Воча шыасис йёла:
— Тёдлі ме ёти пёльёс,
Карё пё муна, шуис.

Звёз помас вугралё пёчё...
— Эм-ё тан пельсаяс вёчысь?
Ягсеръяс солыштын кёсъя...

Пёчёыд дзёрквёчис кёсоя,
Водз чуньнас этадзи вёчис...

* * *

Сук эжёрё воштысис чёж.
Кöть доймис, но окота овны...
А кыйысысыс усьёма ловнас,
Öд весьшёрё шойтіс лун чёж.

И кынмис да пыкталіс орён,
Да зунясис войбыд би дорын.
А асывнас нöшта на лёкмис,
Но отсöгыс — горзы кöть эн.
...Друг казытыштіс: эжёррас сэн
Дзик сы кодь жö
вируля ёкмыль...

* * *

Ва гöпъясын чунь кыза йи.
Пон никöстлö пемыдас, кылö,
Горш весъкёдмён ва абу сылы.
...Веж кöдзыдсыс дубалö ки.

Сьёд кымыша, шыалысь вой.
А öгырыс пось поим пиас —
Ме вежёрын каръяслён бияс.
И казытывсöй во бörся во.

Кор войся бипур трачкакылö,
Сæk мёвпыйд быттöй сөстöм ру.
Быд кодзуув кылан и быд пу.

Ме понйёс кутла, кыв ог шу,
А сiйö видзöдлас ме вылö —
Дзик öнi шыасяс морт кылён,
А менам воча артмас: «У-у-у...»

* * *

Кодкё вёлökын сötіс стоп-кран...
— Сулав! Күтöй!
И бара на пышайис,
Вошиш-саяліс руа вёр пытшкö.
Вуджас нюр... Гортас виччысöй мам.

Узяс-шойччас да юыштас йöв,
Бара пышкай моз жбыркнитас-сöлас.

Съомыс лишавмён некор эз вöв,
Нопыйыс кокни — став оласыс съöрас.

Проводница мый вöчны эз тöд,
Машинистъяс:
— Но, шедлан на коркö!
Тадзи тöдлытöг лэбовтис тöв.
Поезд ветлис, но некод эз торкав.

Гашкö, зонмыслён содыштис сям,
Гашкö, олёмас выль олём пырис.
Гашкö, код тöдас, вöлökас тан
Вердысь-удысьыс,
Донаыс бырис...

* * *

Аттьё тэн ставсыс шуа,
Ставсыс, мый ми костын вöлi.
Лов енэжкись аддзас вöля,
А вир-яйным бöр лоё муён.
Но вомдорыд кодь жö пельсь
Да кеняссьом ичöt ёльис
Меын со век жö коли.
И сад йöрын гылалём кор,
И туй вестын öшалысь руыс —
Казьтылём...
Кадыс нуис
Мыйкö зэв донатор.
Дивö дай сöмын, Елена!
И ыркыд да сöстöм енэж,
И столб йылын пöрысь кутш,
И ю пöлён эновтöм тыла —
Ме съёлёмён ставсо кыла,
Но радейтын тэтöг ог куж.

*Буджёдис роч кыв вылысъ
Евгений Козлов*

100 во тыригкежлö

Яков Митрофанович Рочев
(1909 – 1977)

Эмёсь гижысъяс, налён лов шыныс вуджö нэмъяс пыр. Чайтам, тайё артмё сы понда, мый сяммёны найё аддзыны сэтишöм кывъяс, кодъяс кутёны олём сюрёссö, лоёны гёгёрвоанайс оз сёмын вежёрлы, но шымыртёны мортлысъ ставнас ловсö.

Налён уджыс, мёвпъясыс, кёсиймыс — ётка кодзувлён енкёлаын пöртмасьём кодь. Татшöм гижысъяснас, кодъяс асланыс творчествойн тöдчöдисны коми литературалысъ асшöр ордымсö комынöд-нелямынöд воясö и водзö вылёт, лоины В.Чисталёв, В.Савин, В.Юхнин. И, дерт жё, Яков Митрофанович Рочев...

Валентина Лимерова

Валентина Александровна Лимерова, литературовед, автор более 80 работ по истории коми литературы, теории и методике литературного образования. Кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

Я.М. Рочевлён гижёдъяс йылысь мёвпъяс-пасйёдъяс

Тавося тёвшёрын коми йёз пасийисны 100 во Я.М. Рочев чужан лунсянь. Яков Митрофанович Рочев – тёдчана коми гижысь, чужліс 1909-öд воян январ 23 лунё Уквавом сиктын. 1930-öд воян Мокчойса кык ступеня школа помалём бёрын пырис уджавны велёдьыссыён Абезь сиктса школаö. Челядьёс грамотаö велёдигён, том учительлы окота лои видлыны ассыыс вынсо и литератураын. Регыд «Ордым» журналын петисны Яков Митрофановичлон медвоздза гижёдъяс. Тайё воліны очеркъяс да кывбуръяс. А 1942 воян Я.М. Рочевös пыртисны сөветской гижысьяс котырё. Тайё кад кежлё сийё помаліс нин Коми пединститут да уджаліс Коми небёг лэдзанінын редакторён. 1953–1970 воясын веськёдліс «Войыв кодзув» журналон.

Я.М. Рочевлысь гижёдъяссö волі пасйёма И.Куратов нима государственной премияён.

Яков Митрофанович кувсыыліс 1977 воян сентябр 3 лунё.

Лыддысысыльы Я.М. Рочевлён творчествоыс медбура тёдса сылон «Кык друг» роман сертиыс. Гижёдьыс медвоздзаясь петис 1950-öд воё да пырысътём-пыр «веськалис» школаса лыддысыян небёгъяс. «Кык друг» роман и талун велёдёны школаясын: челядьлы кажитчоны гижёдьыслон лёссызд сюжетыс, ыджыд съёлома героясыс, бур вёсна налён тышкасъомыс. Сэсся и челядь да том йёз йылысь гырысь гижёдъясыд коми литератураын абу уна. Я.Рочевлён «Кык другыскöд» орччон позьё сувтöдны сёмын И.Г. Тороповлысь Фёдор Мелехин йылысь повесътъяссö.

Я.М. Рочев оліс да гижис сэтшом кадё, кор миян странын литература волі советской пропагандалон юкёнён. Та йылысь оні уна гижёны, мукёддырий сийё кадся гижысьяссо да нальсь творчествосö дивитём сорён: абу пошшитчомаёс.

литература сёстомлун вösна, гижёмаоßь, кыдзи тшёктоны «партия да правительство». Мый та вылö шуан? И сэтшёмторыйс, кёнкö, вöлi. Но талун тыдовтчö, мый партияыс да правительствоыс абу жö лёкторийö чуксаломаоßь. Синмад шыбитчö и мёдтор: коми литературалён выныс ёна содис буретш 1950-öд воясö. Та йылысъ висьталö литератураын ыджыд эпической жанрлён нырвизялёмыс. 1955 воян В.В. Юхнин йозёдис выльмёдом «Алой лента», 1957-ын – «Тундраса бияс». Г.А. Фёдоровлён «Кыя петигён» роман петис 1955 воян, Я.М. Рочевлён трилогияыс – 1950-öд воясън 1969-öддöз («Кык друг», Извы гызыö», «Му вежём»).

Я.М. Рочев гижёдъясын унатор подулалома совет литературалён öтка методён – соцреализмён. Кöть нин босытам гижёдъясыслыс медшöр визувсö, кöni тыдовтчö совет кадлён медшöр идеяыс: геройяс тышкасьёны талунъяскöд бурдыхык аскиалун вösна. Та боксянъ «Кык друг», Извы гызыö», «Му вежём» – соцреалистической да, позьё весиг шуны, всесоюзной романъяс. Сэк жö, Я.М. Рочевлён трилогияыс восьтö коми мортлышыс енэжтассö да лоö миян литературалён тöдчана вермöмён. Трилогияыс висьталö и гижысыслон ас морттуй да гижан сер йылысъ: кытчöдз судзö сылён видзöдлалысъ, ёна-ö мёрччö серпаса кывыыс.

Мёвпалыштам сы йылысъ, кутшöмён воссёёны Я.М. Рочевлён романъясыс талунъя лыддысысыслы.

Трилогияён тöдмасигён, медводз казялан, мый геройяслыс олан кадсö гижысыслыс вывтi суктöма лёк лоöмторъясён. Сидз, «Кык другын» сёрниыс мунö кызыöд нэм пуксяндыр йылысъ, да гижёдьыслыс сёртассö тёчома войвывса коми-яс да ненецъяс оломуысъ жугыль серпасъяслысъ. Йозыс тшыгъялёны, уджтöмалёны, кынёмпöt ради медасылёны быд сикас уджö, шöйтöны-ветлёны ылi мусаöд – думсыныс кёсйёны нажёвитыштыны сёйттор, но лэдзёны ичётик удждонсö вина вылö, юёны-кодалёны гортъясаныс, тышкасьёны öта-мёдкöд, оз аддзыны, да оз и корсыны шуштöм оломуыслысъ помкасö. Татшöм «сынöдö» овмёдома авторыс ассыыс геройясöс – коми крестьянинлысъ писö Геня Дуркинöс да кöр видзыслы яранлысъ писö Вася Манзадейöс. Кык друг дорö оломуыс абу мелi. Геня водз кольö сирётаён да ачыс перийö кынёмпöt: корö милёстинा, гожёмын отсасьё йöзлы турун пуктыны, тёвнас уджалö няр керкаын. Сэтшöм сяма и Васялён оломуысъ. Озыр челядьлён тешитчöм вösна сiёш шыбитö школа, сэсся сёкыда висьмё батьыс да зонкалы лоö, верстö туйö, видзны купечлышыс кöр стада, тундрын веськалö неминучай: раминик Васялён помкатöг мыждöны морт виöмьысъ да арестуйтöны. Геня да Вася оз на вермыны сулавны паныд татшöм нелючкяяслы да кылёны асынысö вывтi шуштöма. Та вösна и найö нимсянъ висьталом да серпасалом лоöмторъяслыс гажтöмёсъ, пемыдёсъ, бур вылö лачатöмёсъ. Романын серпасалом оломуыс быттьö югыдыслон пом кежлö лöсёбдчö, абу öд сидз-тадз трилогиялышыс бörъя юкёнсö гижысыслыс шöёма «Му вежандырён». Сёкыздлунъя-сыс геройяс оломуын пыр содёны, джудждаммёны, дугдёны тöрны öти мортлён туйвизьё. Сукмöм шогыс лоö отувъяён, ставлы инманаён – заводитчö Медводзда мирёвой война. Тайö лоöмторъяыс и помалоö «Кык друг» романлысъ медводзда юкёнсö. Мёд юкёнын лоöмторъяслон рöмъяслыс вежсёёны. Кык друг веськалёны бур йöз шöрö, кодъясён петкöдчöны самодержавиелы паныд сулалысъяс. На пöвстын эмёсъ Россия шöринысъ ыстомаяс – Григорий Матвеевич Невольский да Михадзе, и татчöс интеллигенция – Михаил Петрович Артеев да Яков Василье-

вич Чутов. Найё и велёдёны Геняёс да Васяёс не сетчины лёкыслы, не уськёдны морт ним. Зонкаяс тёлксялёны-верстяммёны «политикъяслён» (тадзи Макла сиктса олысьяс нимтёны Невольскийёс да сылысь ёртъяссö) борд улын, наён югдаммё олём кылёмыс, кёть и сёкыд уджыс геройяс олёмись оз чин. Талун гёгрвоана, мый тайё визь нуётгыс романыс эсъё «эз артмы», кыдзи воли «абу артмёма» В.Юхнинён «Алой лентавыслён» медводдза вариантыс. Сийёс бёрынътлісны йозёдомыссы сы вёсна, мый гижысыс этша да абу «кыдзи коло» петкёдлёма большевикъяслёс, йоз костын налысь уджсö.

«Кык друг» роман уна героя. Отияс, шёр геройяс ногён, воссёйны вочасён, роман чёж – тайё зонкаяяслён ёртъяс Прошка, Зоя да Дуня, сиктса пролетарийяс Гора Иван да Калина, том зонъяс Ёгор да Федя, Макла сиктё вайёдём «политикъяс» Невольский да Артеев, купеч Кузьма Мироныч Терешкин. Мёдъяс: Иван Дуркин – Генялён батыс, батыяслён ёрт – Кёсой Панько, Ванюк купеч, дяк пи Симон, старшой пастук Селифан да силён Зимёгор племянникис, венеч улысь пышийм Ануш, Кардорын большевикъяслёс веськёдлыссы Руфим Юрьевич Кичигин да мукёд – петкёдчылёны романлён торъя юкёнъясын. Коймёдъяслёс аддзывлан сёмын öти эпизодыс. Геройяслён уна лыдыс сёктёдё романлыссы композициясö, сидзё и – лыддысысыльссы уджсö, од вежёрын ковмё кутны сё кымын герой костын йитёдъяс. Мый могысь гижысыс вёчома романсо уна йозаён? Весиг кыкпёвсталёма, дублируйтёма откодь характеръяс, откодь оланногъяс? Артеев да Невольский, Федя да Ёгор, Зоя да Дуня, Ванюк купеч да Мирон Кузьма, Мефодь Мишка да Ванюк Самко. Тёдчана, мый и шёр геройясыс Вася да Геня – аслыспёлос двойникъяс: найё лёсялёны сямнас, восьлалёны откодь туйёд. Геройяслёс кыкпёвсталёмыс сетё позянлун авторлы торъя олёмъясыс, морт этшъясыс тёдчёдны откодьлунсö, уна йозёс отувтанторсö, типичнойсö. Гижысылён тайё кёсиймёыс оз торк унджык образыслыс аслыспёлослунсö, но овлё и дзескёдё геройяслёс, «кёртало» ки-кокнысö öти могён – петкёдлыны, мый мортлон характерыс петё силён социальной иныс. Сидз, купеч Кузьма Миронович Терешкинкёд да Ванюк купечкёд ми паныдаасьлам сэк, кор эрдёдчё наён горшлуныс, наялуныс, но этшатор тёдмалам семьяптышса олём йывсыныс. Вывті веськёдома-шыльбёдома Григорий Матвеевич Невольскийён да Михаил Петрович Артеевлён образъяс: наён характеръясын ёнмёдома öти визь – самодержавиелы паныд сулалём. Кыкнанныс лёны гёгрвоанабош накёд йитчом медводдза лоймторъясян да оз нин вичмёдны лыддысысыльс некутшом виччысётмтор. Роман чёжыс выльмёны накёд лоёмторъяс, но оз асыныс геройяс.

Сэк жё, художествоа шедёдёмторйён лоё сийё, кыдзи гижысы петкёдлло «политикъяс» дорё йозлыс вежсёймсö. Медводз Невольскийкёд «тёдмёдё» сиктса детинка, инё öшиявлытом Прошка: «Синъясыс гырысысь, гёгрёссы, юрисыс поплён кодь, а тошкыс веськыда гёгийдзыс! Сэтшом страшной!»¹. Здук мысти тыдовтчё, мый Прошка сёрё, а вайёдём морттыс ортсысян этша торъялё сийёс кытшалыссы йозыс. Но век жё Прошкалён «серпасыс» сточа восьтё, кутшома полисны «политикис» и верстё мужикъяс, кодъяс видзёдисны «тёдтём морт вылё, быттё сийё воли ош». Кутшомёссы воліны сиктсаяслён Невольскийкёд медводдза волыссымъясыс, гижысы оз серпасав, сийё сёмын юортё, мый «сэтшо-

¹ Тані да водзё текстыссы юкёнъяс вайёдома татшом издание серти: Рочев Я.М. Кык друг: Роман. – Сыктывкар: Коми книжной издательство. – 1983.

мъяс, кыдзи Ёгор да Гора Иван, не сёмын дугдісны повны Невольскийсысь, но, шүёны, рytъясын частö пукавлывлöны сы ордын». Авторыс быттьö дженьдöö Невольскийкöд тöдмасян кадсö. Чайтан, сиктса йöз да Григорий Матвеевич ре-гыд кадён велалісны öта-мöд дорö. Геройкöд та бöрся паныдастьомыс нöшта на эскöдö, мый сiйö – сибыд морт. Невольский гозъялöн оланiныс кутö мунны мастерской либö клуб вылö: том йöз волывлыны сэтчö варовитышты, нывъяс – велöдчыны Невольский гöтырлысъ вурсыны да прöшви кыны, оломаяс – «löсъёдны коса исип, рöвняйтны пила пинъяс либö спояйтны розялöм дозмук». «Политикисысь» ошкысъ моз полысъяс некымын тöллесъ мысти чайтöны нин сiйöс ас мортöн. Век жö гижысыслы колiс аддзыны кутшöмкö лоёмтор да помка, мед сылён геройясыс гöгрвоисны, мый Григорий Матвеевич – абу сёмын варов да киподтуя, но и увтыртöмаясöс дорыйсъ морт. Маклаын олысъяс водзын политик петкöдчö выль ногён, кор виччысътöг кувсö Генялён батыыс, доймö Мирон Кузьма вöсна вöвъясöн ордыйсигён да. Дорыйны Иван Дуркинлысъ семьясö сяммö сёмын Невольский.

Колö шуны, мый ордыйсъёмсö да Генялышь семьясö шог сүёмсö серпасалöма ыджыд художествоа вынöн: син водзын ловзьёны тöвзысъ вöвъяс, ордыйсъысь-яслöн доналöм чужёмъяс, и со – чагторъясадз пасьмунö додь, еджыд лымсö юковтö Иван вомысъ визувтысъ вир. Туй шöрын горзö-лювзö Мирон Кузьма, жалитö жугалöм додьсö. Геня танi абу, но лоёмторъяссö петкöдлöма повзьомысъла измöм морт синъясöн. Шойёвошöм йöз быттьö вунöдöны, мый колö вöчны, и медводдзысъ тайö сьёкыд здукö Невольский босытчö веськöдлыны наён: «Сула-ланныд вичкоын моз... Любuitчынысö танi ниномён. Шойсö колö нуны...» – дивитöмпрысъ индö сiйö «öttчукöрын нином вöчтöг сулалысъ мужикъяслы». Водзö ыджыдалö Генялён видзöдласыс. Гижысъ оз шуав, оз висьтав Генялышь шуштöм кылёмъяссö. Сёмын öтчыдысъ сiйö пасиё зонкалысъ сьёлём дойдана мёвпсö: «Быри батыыс. Кыдзи онi найö сытöг кутасны овны?». Та пыдди гижысъ сетö Геня синмён аддзана серпасъяс: «Джодж шöрын пласыт куйлö батыыс. Чу-жöмис лözöдöма. Вом доръясö ёдöма вир... Бабыс кымынъён куйлö сы дiнын да, юрсö тракийгтыр, лёкгоршöн горзö-бörдö, а мамыс садтöг куйлö лабич вылын... Кутшöмкö мужичойяс вöрдöны сiйöс киöдис, а Ёгор сулалö юр дiнас ва тыра кöшён да, тыдалö, зiльö юктöдны». Генялён видзöдласыс сувтlyтöг вешйö öти-ласянь мёдлаö, быттьö зонкаыс оз гöгрво, мый аддзö, оз куж донъявнысö, мый лоёмса. Та вылö индöны сёрникузяяслöн ногыс, оръясяна интонацияыс, сувт-лёмъясыс, ас сиктын олысъ да тöдса мужичойясöс «кутшöмкöён» шуёмис. Но стöч татшöм дженьыд серпасторъяснас авторыс и писькöдчö Генялён виралысъ сьёлём да став лов-вежöрсö босытöм дой дорас.

Кокнöдны Дуркинъяслысъ шогсö некод оз куж. Мужикъяс, Иванлён другъ-ясыс, челядь моз виччысъёны, мый «гашкö, садьмас купечлöн сөвестыыс, гашкö, сiйö убölитас отсыштын вердысъёс воштöм семьялы». Но «Иван Дуркинкöд лоёмтор йывсыс Кузьма Мироныч сiйö жö луннас и вунöдис. «Ыджыд тай делö додь жугалöмыд», – ас кежас тölкүйтис сiйö». Йöзыс эсъё и дивитöны Мирон Кузь-майс веськöдлунсыс, но сёмын ас кежаныс. Ёгор вöзйö ветлыны купеч ордö отсöгла, но сэтысъ Иванлён мамыс «съёрсыс вайис ешö на курыдджык синва». Конъёрö уськöдчöм йöзкöд авторыс орччöдö Невольскийлысъ активной позициясö. Сiйö велöдö сетны купечöс судö да отсалö дöвалы перыны сылысъ сьём. Тайö

лоёмторыйыс и восьтöй йöзлы Невольский характерысь таöдз тыдатвöмторсö: власът кутысьяс водзын повтöмлунсö, кедзовтöм йöз вöсна сувавны кужöмсö. Татшöмён йöз вежöрын Невольский кольё роман помöдзыс, сы вöсна мый водзö локтысь серпасъясыс вынсöдöны Невольскийлыс сöмын тайё качествосö.

Сиктса йöзлön образъяс пöвстын эмöсъ тырвыйö бура восьтöмъяс и сэтшöмъяс, кодъяс оз пуксыны вежöрад. Гижысълён вермöмён лоё Калиналён образыс. Медводдза видбöдлас вылö, Калина – морт, коди нинöм оз артав аслас олöмын водзвыв да сетчома олöм визулыслы: кытчö гыыс нуас, сэтчö и кывтас. Сийö пöшти оз ов гортас, дугдывтöг вежлалö уджъяс, оз бöрынты вина румка, «кызджö сидзи нин сылён вöлì артмö – быд туй водзвылын да туйысь воём бöрын юны». Унатор висьталö кöзяин йäвссыс Калиналён оланыныс: «Рыныш кодь юр пöла важ керкаыс сылён суалыс качайсянъ нёль керка сайын. Оліс гöлиника. Сарай вевтыс перевединанас усьёма, сьёдасьом важ тьёс помъясыс петук бöж моз чурвидзöны». Тайё серпасын Калина кажитчö лäччысъом мортöн, кодлы ставыс веськодь. Такöд öттшöтш Калинакöд йитчöм лоёмторъясын быд пöриö эм геройсö выль ногён гöгрвöодысъ деталь. Со код юра Калина «...туй вомён кыссö гортлань. Пач чышкан лыс кодь кузь сьёд юрсыыс öшиёма син вылö. Тöлён быгалöм дöрöмыс мышкöдыс косясъёма, вожа. Кизъясыс оръясъёмаёсъ. Рот-йäсъом важ пинжаксö пöлаодыс босьтöмён сийö шатлалигтыр собис няйтöд да норинника сылис...». Качай дорö локтöм том йöз чукöртчöмäёсъ Калина гöгр да ызгöны-сералöны си вылын. Некод оз дорыйы дяк Симонысъ, коди усьёдö Калина вылö пурсысъ понйöс. Некод оз отсышт, кор «пон звер моз уськöдчис Калина вылö, ... кок йäлысь пöрöдис няйтö». Но ачыс авторыс Калиналысъ юёмсö серпсалö оз серамтуйö пуктöм могысъ. Мёвпыштын kö, Калина весиг код юрён тыдватчö ыджыдджык сьёлёмаён сийöс сералысъясысъ.

Калиналён оласногын тырмытöмторъясыс шыбитчöны синмö. Бурлуныс: йöз дорö сибыдлуныс, восьса сьёлёмыс, ас вылын нюмъявны кужöмыс, оптимизмыс гöгрвöсöйни вочасöн, ньёжийöник, лоёмторыйысъ лоёмторйö, юöрысъ юрё. Бать-мамсö воштöм Генялы быть лоё мёвлавны нажётка йäлысь, быдлунся удж йäлысь. «Вот Калина удитöма вörö мунны. Сийö эсъкö аскöдыс нүöдис», – шагсö зонка. Калина йäлысь мёвпыштöма дженыыда, быттьёкö пырмунигмоз, но висьталöма унатор: Калина эсъкö мукöдъяс моз эз артась Генялён ичöt арлыдён, пыдди пуктis сиылысъ уджачлунсö, кынöмпöt перыйыны зильёмсö, эз повзыы босьтны уджавны аскöдыс. Калина видбö лёктöрийысъ Гора Иванöс да Ёгорöс, кор найö код юрён жуллëйöны Мирон Кузьмалысъ öшиняяссö да тышкасъёны купеч слугаяскöд. Медым мездыны ёртъяссö нöйтöмисъ, серамсорён вöйпöдö найöс «пöкёритчыны» урадниклы. «Мунамöй, зонъяс, шойччыштам!» – нүöдö чижовкаö Ёгорöс да Гора Иванöс, а мöд асывнас ачыс жö и пукталö купечлы öшинь стеклöяяссö. «Сид и шуа Кузьмалы, – ас кежас думайтis мудер Калина. – Владыка да покровитель миян, Кузьма Мироныч. Мыжäёс ми тi водзын, но тi нин кыдзкö-мыйкö прöститöй миянöс, грешникъяс... Ас йöз, кыз му вылас кыдзкö лöсöдчам жö на.. А сэсся тыдатвö кутас». Калина нюмъялö ас коддöм вылас, но сералö и купечöс, аддзö Кузьма этшисъ шöрвизьсö: топыдлунсö, мужикъяс водзын ен туйö пуксöмсö. И оз ылав: Кузьма Миронович Терешкин оз и гöгрвö прамёя, мыйон торъялöны пыдди пуктöм да леститчöм – вывтi нин окота лоны «владыкäён да покровительён».

Казялан, мый Калинаös юзьыс оз тәрмасыны ошкыны, но гажтөм здукъясо асыны виччысыны сысянъ ышёдом, гажёдом. И збылысь, Калиналён шмонитны күжөмыс разёдö шуштёмсö кузь туй дженьдёдигён, война вылö колльёд-чиғён, съоқыд удж бертигён. Быдёнлы Калина аддзö виччысяна, шань кыв. Буретш Калина чуксалö шонтысыны бипур дорö ас коддьом туй выв юзёс. Сиёötнас сувтö Геня дор, кор вör пилитан заводса дöвереннöй орччöдö зонкаös пузчужём кагакöд да оз кёсий босытны удж вылö. «Прёста сидз чайтанныд, господин начальник. Ми такöд куим во отлаын кер лэдзим. Уджнас сиёö некутшом мужиклы оз сетчы», – пöръясыштис Калина. Дöвереннöй, дерт, татшöмторлы ээз эскы, но век жö босытис Геняös рейка бöрийны. Гортлань туй чинтigён, Геня, Калина да Федя узымёдчоны пöрысь гозъя ордын. «Пöрысь бать-мамыслы тшöтш карточка рöдимой дитяй ыстома», – ошийсьо туй выв юзлы пöч. Калина бура гёгрво нывбабаös, мамлысш шогсюм-гажтöмтчомсö, пинас нимкодясьюмсö, да бур съёлёмён шыёдчö: «А пельк, тыдалö, зонмыс». Позьё сточа шуны, мый романын абу ни öти лоёмтор, кор эськё Калиналы ээз сюрны мортöс доръян да буродан кывъяс. Тайö күжөмыс сайёдö Калина олёмысш тырмытöмторъяссö, но дзикöдзыс оз жö дзеб, мый вöчö геройлысь образсö ловъяён, збыль олёмыл лёсялысьён.

Дзик мёд ногён гижкысш восьтö озыр юзлысь характеръяс. Найö öти ног мёвпалёны, öткодя кутёны юз водзын асынысö. Татшöмторыйис артмё сы вöсна, мый гижкысыс оз и пукты ас водзас мог – петкёдлыны налысь олёмсö гёгрбок, сидзкё и «ловзьбдны», мортъяммёдны найёс. Гижкысылы кивывджык эрдёдны налысь горшлунсö, юзёс увтыртан сямсö да чужтыны на дорö зывёктöм. Ванюк купечкёд лыддысысь паныдастьё сёмын öтчыдысь, но тайö öти паныдастьёлöмыс тырбура гёгрвоöдö тайö геройыслысь лёклунсö, уджалысшысёс немёстомсö. Лоёмторсö котыртёма Генялён видзёдласон. Öграда пöвъяс костёд Геня аддзö, кыдзи «Ванюк старик, малича юрсö лэдзёма, бедя сулалö кильчö пос вылын. Бокланын, кильчöпыхсюмён, шапкатом, син вылö öшёдчыштöм кузь еджыд юрсиа, сулалö коддзыштöм Федя, а на водзладорын копыртчома сылон пöрысь мамыс да кевмысш Ванюк старики». Ыджыд тёдчанлун тайö серпасын босытö сиёö, кёні да кыдзи геройысыс сулалёны. Ванюк купеч видзёдö энья-пиа вылö вылісянь, та вöсна «юрсö лэдзёма». Федя да сылон мамыс сидз нин сулалёны улынджык, но пöрысь нывбаба нöшта на «копыртчома». Геняён кылём сёрниис содтёд джудждöдö геройяс костын ылдöссö, коластсö. Федя кёсийö гётрасыны, и мамыс кевмысш Ванюк купечлы, мед эськё жёникилы позис кольччывлыны кёр стадавысь. Стада кёзяинлён вочавидзёмыс виччысьютöм, мисьютöм, морт ним уськёдана: «Гё-ö-ötрася... Номыръяс чужтыны али мый? Ассысш кынöмсö оз вермы вердны, а гётрася... Гётрасысыслон вося уджонсö водзö сёйёма». Татшöм шуасьёмыс купечлы кажитчö небыдён на, да кост мысти сиёö содтö: «Гётырпуыс, менам Серколён кычиыс, быдмытöм на...». Здук кежжö Генялён видзёдласыс вежсызывлö Федя мёвпöн: «Таысш омольджык кывъясыс ээз вермыны лоны». Тайö сёрникузяыс, дерт, медъёна лёсялö Федялён кылёмъяслы да пасиё терпенниöысысь да сийёрсö. Кывзысысь да рам Федя друг «веськёдчис, вештис чужём вылö öшшиём кузь еджыд юрсисö, нёти тэрмасытöг гоз-мёдьисш воськовтис старикилань да нöш кодь кулакнас камгис старики пель бокас: – На тэныд, вир юысы!» Ставыс, киноын моз, вöчсö син водзын, оні. Некутшом содтёд донъялём оз и ков, ачыс лоёмторыйис лоё медбур, медвына донъялёмён.

Нажёвитеңтөрйыс пыр кажитчö этшайын Мирон Кузьмалы. «Уна дорад пыр унджык колö», – тадзи восьтö сыйлыс олан русö Генялён мамыс. Топылун, горшлун медводз шыбитчöны синмö Терешкинлön овмöсын. Мыйыс сöмын абу купечлön лавкаын, «пöлкäяс дзик тыромаёсЬ быдсяма тöварнас ... стенö öшлёмаёсЬ уна рöма мича лентаяс, гырысЬ байкöвой öдъялётас, шöвк чыштьянъяс... Гöрд нойён мичмöдöм лым еджыд пимияскöд орччöн öшалёны смоль сьöд кысъясысь вуром буркайас. Мöд стен пöлён нюжöдöм став пöлкäяс тыромаёсЬ чашкайасын, сэн i жö мича панъяс да дзирдалысЬ-югъяллысЬ мукöд пöлöс кöрта-кölуй. Орчча вежёссысь восьса öдзöсöд öвтö сола чери дукён, ныртö гильбöдö». Та дырайи ачыс купеч «корысЬ моз пасьтасьома», лавкабдыс ветлöдлö эжöдтöм лёкиник важ маличайын, кутшöмкö вет्यöкön чышкалö росолоёсЬ кияссö. Дзик лöсявтöмёсЬ öтамöдислы Терешкинлön олан керка пытшкёсис да öшины улыс. «Зеркалётасыс стенсянъ пöтöлököдзыс. Часiяс вылас пукалёны кöкъяс да горзёны «ку-ку». Стенъяссö шпалеритöма мича цветтьяса югыд шпалерён. Пачъясыс дзирдалёны... ви-дзöдлан да ачыд тыдалан... Джоджъяссö краситöма югъялан краскайын. Крёватье доръясас вольсалёма неблюй вольяс. Стен пöлён сулалёны небыд стульяс, диванъяс. Стенъясын öшалёны гырысЬ картинаяс...» – висьтасьом Генялы чуймöм Ануш, кодi аддзылёма Кузьмалыс да олан жыръяссö. Геняös дöбельки шензöдö тайö дивöыс, си вёсна мый купечлön öшины улас дзик мöд серпас: «Двор пасьталаыс туплясисны жугласьом кör дадъяс, бöчкайас». «Озыруныс нёль амбарö оз тöр, а век оз убöлит шыблавны жугласьом бöчкайассö да кör дадъяссö... Киссöм дадъяссö ар кежлö бара на дzonьтöдалас», – гöгöрвоёдö Генялы мамыс. Роман чöж автор некымынысъ серпасалö Терешкинлысъ чужём-мыгёрсö да быд пöриö пасиö сыйлысъ мисьтöмлунсö, неморт ногсö. «Паськыд гöрд тош, кузь ус да син весьтö öшийм кыз синкымъяс вёснаыс сiёю казитчис ешö нин скöрён», – татшöмён петкöдчö Макласа олысъяслы лавка кутысъ Кузьма.

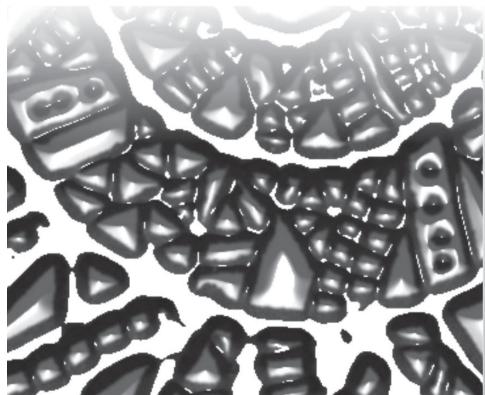
Гöля олысъяс вылын озыръяслён ыджеаломыс ёна тыдалö оз сöмын бöръя-ясыслысъ лёклунсö да горшлунсö эрдöдомысъ. Авторыс лэптö сёрни си йылысъ, мый уджалысъ ийз тшöкыда кутёны асынысö кывтöм пемёсъяс моз, да та вёсна и кокни кöзяйтны на вылын. Сiдз, няр керкаса уджалысъяслы юрас оз волы сувт-ны паныд уджоннысö быд ногён чинтöмлы. «Тайö косöдöмъясас рабочойяс важён нин велалисны, да некод гораасö эз и шуасъ», – тöдчöдö висьталысъ. Ийзыс абу велаломаёсЬ дорыйны öта-мöдöс – тайö бура вossсö, кор Беляк Макар мыждö гусясъёмысъ мыжтöм нывбабаös, öтка мамыс. Лоёмторсö тэчöма градация ногён: быд выль юёр, быд выль серпас да висьталом ёнмёдöны сьöдз вöвлöмсö. Педö-ралён «гусясъём» йылысъ медводз тöдмалам Генясянъ. Сiёю котöрон пырё Невольскийясö да юортö: «Чурка Дунялён мамыс, шуёны, Беляк Макарлысъ шöвк чыштьян да исерга гусялётас. Ийзыс помтöм чукöрмёма. Морёс вылас пöвтор öшöдöмёсЬ. Мый сэтчö гижёма, эг вермы лыддыны. А нүöдисъяслы тшöктöны горзыны: «Ме воровка!». Кытчöкө ва дорö лэччöдисны». Генялён висьталомыс сьöлём дойдана, нывбабаös дорыйны ышöдана, а си бöрын локтысъ юкёныс дзикöдз вир пузувтана: «Няйт туй вывтi ... код морт моз шатлалигтыр восьлалис косясъёлüm, няйтосъ паськёма нывбаба. Дзугсъём лёзь юрсыыс лэччöма пельпом вылöдз. «Воровка» мышладорын гоз-мöд воськов сайын, киö ньёр босьтöмён... важнöя восьлалис Беляк Макар». Кажитчö, мый татшöмторйыд вермö бырёдны падъялём и полём, корö уськöдчыны тешитчысъяс вылас. Но ийзыс чöв олоны

да, весиг, быттыкёй, отортчёны, коньёр нынбабасы, көтү эсъко ас кежись жалитёны сийёс да тырвый оз эсқыны Беляк Макарлы. Авторыс паныңды сувтёдö Педёралыс да став мукёдислеси ортсыссо. Педёра – косясъём, нияйтось пасъкома, лёзз юрсиа, ийжгыльтчома ньорйён кучкаломыс. Беляк Макар, мёдаро, праздничной пинжака, горд сатин дёрёма, восьлало важнёя. Сылы отасасыс Симонлон «юр чут йыл ошиодыштому югыд козыра лоз картуз, пинжак морёссо пасъкома, вомас тышнассо кыз чигарка...». На борвылын восьлалыс йёз тшотш мича пасъкомаоб. «Дзик крестной ход кодь», – кывкортало висьтальс да тайён нёшта на ёсымёдö Педёралыс да откалунссо, йёзлеси шогмыгтём чёвлунссо.

Но вына йозыс роман геройяс повстин эмёс жё. Ануш сувтё паныңды батьмамыслы, пышёй гортсыс, мед не петны озыр, но мустом верёс сайё. Позё шуны, мый том ныв медводдазыс Маклайн торкис озыр мортлеси кёсиймъяс. Веськынтомлунлы паныңды сувтё Вася Манзадей: эскёдны власътъясос, мый сийё абу морт виыс, оз куж, а ыж моз кызвысыны ловтём законись оз жё кёсий. Васялы, кыздзи и Анушлы, ыджыд отсёг сетёны политсылынёя, но та дырий колё гёгёрвоны авторлеси юрнуодан мёвпсё: Невольский да сылён ёртъясыс вермисны отсавны сёмын налы, коди ачыс воли дась жё сувалны ас вёснаис. Ануш да Вася и асыныс абу коньёръяс. Буретш татшом том йозыс отасасыны налы, коди сулало власътлы паның. Романлон боръя юкёнъясын лыддысысыс аддзё кык другёс, Васяёс да Геняёс, совет власът вужийодысыс повстись, мый ясыда восьтё став гиждыслеси могсё – петкёдлыны, кодъяс лоёны важ олём ёрыссысан да выль олём тшупыссысан.

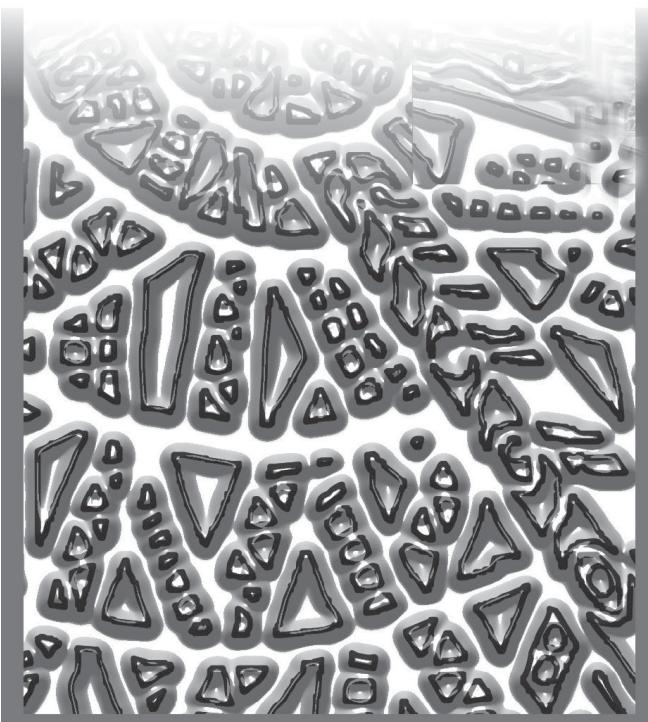
«Изва гызыё» да «Му вежём» романъясын ыджыд пай босътёны Гражданской войны серпасъяс. Война кадлеси образсё джудждёдом могись гижись борёма зэв мёрччана висьталанног. Лоёмторъясыс абу колян кадынёс, найё воссёны мунёны лыддысысыс син водзын оні, бытты сцена вылын. Чижовкаын, волостной управын, керкаясын, ывлалын – быдлаын йозёс нойтём, дойдалём, вир кисьтём. Ставсё серпасалёма зэв натуралистичной, збыль олёмсыс мисьтём-торсё да весьопортанас дзебтёг. Гижиысыс веськыда йитё «Му вежём» романлеси нимсё Библиялён боръя юкёнкёд, кони висьтавсё Югыдлон пом йыллыс. Война кадыс кажитчё Макласа войтырлы му выв олёмлён боръя лунъясан, му вежёмён. Дерт жё, авторыс зильёма петкёдлыны асқиа лун вёсна тышлеси коланлунссо, совет власът дорийссыслеси героизмсё. Но талунъя лыддысысылы мыччысысь ыджыдджытор. Кутшом кокниа бирёдёны ёта-мёдныссо паныңду сувалыссыас, кутшома войтчомаоб геройясыс морта-мортлеси олём мырдян уджас! Сидзё, весиг бурджык, югыдджык олём вёсна тышлён чужёмбаныс мисьтём, скёр.

Яков Митрофанович Рочев колис литература историяё ыджыд гижд – эпической трилогия – лёссыдысысан. Гижиысылон да геройясыслон видзёдласъясыс онія лыддысысылы вермасны мыйёнкё и не лёсияны, од талун эм ыджыд-джык позянлун мёд ногён донъяны важ кадё, Гражданской войнадырея вёвлёмторъяссё. Та выло видзёттёг, гиждыс колью историческойон. Сийё восьтё совет кадо олыс мортлеси позицияс, кодёс тшотш колё пыдди пуктыны и миян лунъясан.

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Елена Афанасьева

Елена Афанасьева чужис Удораын. Став муслуныс сылён йитчома Важгорт сикткёд да Вуыскёд – тадзи коркё нимтылісны Вашка ю. И ондоз став вын-бёссө, став сёстмлүнсө да югыдсө босътö сэтчөс сынодысы, сэтчөс войтырлён мыевкыдысь да оланногысы.

Кыевбурясыс петавлісны «Арт» журналын, «Йёлёга» газетын. Олёмсө гёйгроны кёсйөм ышшёддö авторös корсыны «ловъя кыв». Елена эскö кывыйыслы, эскö и аддээ позянлун вörзьёдны выль шыялс олёмсө кылымын. 2008 воын сийёй ийздиц «Енкёлаа ыбёс» кыевбуряся книга.

«Медым тёдны, кытчё менам туйыс» «Чтобы узнать свой путь»

В последнее время я довольно много занималась переводами с русского языка на коми. И почти никогда – наоборот. Но взяв в руки новую книгу стихов Елены Афанасьевой, на коми языке, ощутила непреодолимое желание перевести её. Попробую ответить, почему. Наверное, прежде всего потому, что она пишет, на мой взгляд, очень хорошие стихи. И это будет только справедливо, если ещё большее число людей смогут узнать об этом, – из тех, кто не понимает коми языка. Ну, и, наверное, ещё и потому, что Лена родом, как и я, из Удоры и то, о чём она пишет, очень близко и понятно мне: «Выльвидз, Паспом, Кудин, Катша...». Так начинается одно из её стихотворений. Почти так же начинается одно из моих ранних стихов: «Бакруш, Тічкан, Табъяг...».

Деревни, которые любовно перечисляет Елена Афанасьева – в низовьях Вашки, а дорогие мне места – тоже на Вашке, только выше. Более того, мне знакомы многие герои стихотворений Елены: её бабушки, тётушки, мать, отец, Евгений Афанасьев, известный в республике писатель. Это его последней осени посвящены такие строки поэта:

«Тöрыт на вöлi ставыс важ ног –
Шондiыс – гöрд.
Но öти здукöн сiйös вежисны –
Шондiыс лои сьöд...»

«Ещё вчера всё было как всегда –
Солнце – красное.
Но уже через какой-то миг
Солнце стало чёрным...»

И дни обернулись беспроственными ночами. И казалось, что этому не будет конца. Но вот откуда ни возьмись снизошло Слово, Слово-Свет, и душа вынырнула из мрака...

«Кыйыс –
Шонді югёр,
Нэмъяс пыр писькодчысь...
...И ме киос матыста сыланьё,
Би доро моз –
Шонтышты...»

«Слово –
Солнечный свет,
Пробивающий толщу веков...
...И я протягиша к нему руки,
Словно к Огню, –
Чтобы не замерзнуть...»

Сколько лет проживёт на свете человек, столько лет и будет изумляться Слову, которое находит его и спасает его, Слово – Свет, Слово – Любовь... Я говорю и о поэте, кому ниспослан Всевышним этот Великий Дар писать. И о его читателе... Кому ниспослан Великий Дар услышать поэта.

Я не тешу себя иллюзиями, что сумела совершенно адекватно перевести стихи Елены Афанасьевой. Это невозможно. А за некоторые переводы лучше и не браться. И я старалась не браться. Потому что боялась ненароком задеть невесомые, как дыхание, как утренний воздух стихи Лены... Разрушить их...

О переводчиках говорят, что они бывают двух видов: соперники и союзники. Я – союзница поэта. Надеюсь, и другие смогут сказать обо мне то же самое. А мои переводы, которые я пыталась делать искренно и честно, откроют для наших русских читателей нового поэта, имя которой Елена Афанасьева.

Галина Бутырева

* * *

«Тода –
ог тёд...
Быд асыв
выльясь
восьта
енколаё
ыбос».

Знаю –
не знаю...
Каждое утро
 заново
открываю двери
во вселенную.

* * *

«Кыйыс –
каленик-лэбач,
ловсянь –
лоло
вайо
эбос».

Слово –
птица-каленик –
радугой
устремляется
от сердца
к сердцу.

* * *

«Лунысь лунё
и быд здуко
быдті ме сьёлёмын дзоридз.
Киськалі сийос синва кодь сёдз ваён,
ёгсо сы гёйорысь нетши

Каждый день,
каждый миг
я трудилась над цветком,
который однажды пророс в моём сердце.
Поливала его чистой, как слеза, водой,

да видзи йи кёдзыд тёвруысь,
да виччысыны эг вермы,
кор нин пасъкалас.
А кодкё муніс,
эз и видзёдлы,
талыштіс да –
сöмын крутшмуні
вöсни иддзыс.
Усьлі сьёлёмён...
но выльös
шыбиті ме
сьёлём гуö
кёйдыс».

убирала сорные травы,
берегла от холодных ветров,
и не могла дождаться,
когда он расцветёт.
А кто-то прошёл,
и не разглядел,
и наступил на мой цветок,
и все услышали
хруст стебелька...
Поплакала я, погоревала
и бросила в самое донышко сердца
новое семечко.

* * *

«Тэ эн коль кок туйтö,
и ме корся тэнö быдлавысь.
Дзоридз чукöрын тэ, гашкö,
лэбач борд шыын...
Ме тёда –
тэ кёнкё матын
и мекöд век.
Шондýыс тай оз и мыччысылы
быд пöрйö,
но öд эм».

После тебя
не осталось даже следов
твоих ног.
И я не знаю,
где искать тебя.
Среди цветущих трав,
среди быстрокрылых птиц...
Но я знаю –
ты где-то здесь, рядом,
около, вокруг, везде.
Ведь и солнце тоже
нередко прячется за облаками,
но мы уверены,
оно есть.

* * *

«Ме талун еджыд ситеч платтьёа,
юр весьтöд кытшлалёны каляяс
да чайтöны,
мый наысь ётдортча».

Сегодня я в белом ситцевом платье,
надо мною кружатся чайки,
наверное, думают,
что я избегаю их.

* * *

«Асья ру пиын келала...
Вошті ачымёс –
лов гажой быттöю тюрöма войё...
То тай сий –
сэтшöм ас нога –
нитшсялём жёлоб помё öшиёма
сöдзтысысь
ва
войтйён...»

Что я потеряла в утренних туманах...
Может быть, себя –
Может быть, душу, канувшую в ночь...
Да нет же –
вот она –
свернулась солнечной капелькой
на краю замшелого жёлоба.

* * *

«Тә чуксалін менő,
керкаö пыртöмьыд
турун сi вылын узысь бобулöс.
Кельыдлöз бордъяс дорöдys
кисьтöма посни сер
мамöлön томдырся платтьö вылас моз.

И менам тувсов платтьöлысь серсоö,
нылук,
коркö, гашкö, казялан тэ
бобув бордъясысь».

Он разбудил меня.
В его руках лежала травинка
с задремавшей на ней бабочкой,
усыпанной чёрными горошками
по краям
бледно-голубых крыльышек.
Как на мамином девичьем платье.
И тебе, доченька,
крылья бабочки, может быть, когда-нибудь напомнят
весеннеé платьице твоей матери.

* * *

«Жоркöдi ёшиньös –
тöвся сайкыдыс
вайö нин тулыс кörсö...
Кёнкö – лов пыдýын –
чуктöдны пондiс
нимтöм дзоридзöй
корсö...»

Приоткрыла окошко –
и потянуло весенним ветром...
Где-то, на донышке сердца
проклонулся листик
безымянного цветка.

* * *

«Тэнад ёшиньö сяvkнитча зэрён –
восьса дзиrъятi ваыс
резыштчас пытшkö...
матын суалалан –
чужёмад инмас...
гуся синва моз
öдйöджык
менö тэ чышкан...»

Дождём брошусь в твоё окно –
так, чтобы брызги
непременно коснулись
твоего лица...
А ты торопливо смахнёш их,
словно непрошеннюю слезу.

* * *

«Весиг лэбачыс та асыв тивостлö нора.
 Руд енäжас видзёда,
 воча кыв кора.
 Шондïыс абу.
 Олёмис сувтöма быттьё.
 Талун ме бордтöм.
 Ры сэнi... вылнаыс пыдди».

Даже крики птиц
 в это утро наводят грусть.
 И серое небо
 безответно.
 И нет солнца.
 Жизнь замерла.
 Сегодня. И не взлететь.
 Вместо неба – полынья.

* * *

«Чардбиён чашкöдöм пучер костö
 ланьтöма рытъя шондi.
 И меным колö сы пыр мунны,
 Медым тöдны,
 Кытчö менам туйыс.

Над деревом, расщеплённым молнией, –
 вечернее солнце.
 И мне надо пройти
 сквозь солнце,
 чтобы узнать
 свой путь.

Черань лэчкö шедöм бобувлöн
 ем пом ыджда сьёлёмис чеччö.
 И меным колö сы пыр мунны,
 Медым тöдны,
 Кытчö менам туйыс.

Мне надо пройти сквозь
 Игольное ушко сердца
 Бабочки, замершей в паутине.
 Чтобы узнать
 свой путь.

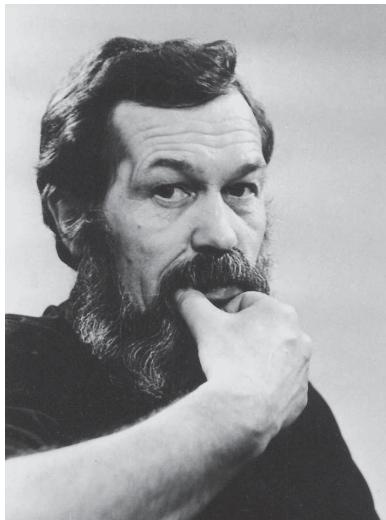
Туйös кресталiс мöд туйён
 тэнад радейтöм.
 И меным колö сы пыр мунны,
 Медым тöдны,
 Кытчö менам туйыс.

Мою дорогу крест-накрест
 Перехлестнула дорога твоей любви.
 И мне надо пройти и сквозь это.
 Чтобы узнать
 свой путь.

И эм вын – кусöм дзоридзьяс
 ловзьёны...
 И меным колö сы пыр мунны,
 Медым тöдны,
 Кытчö менам туйыс».

И есть силы – оживить
 засохшие цветы.
 И мне надо пройти сквозь это.
 Чтобы узнать
 свой путь.

*Переводы на русский язык
 Г.Бутыревой*

Николай Коняев

Коняев Николай Михайлович, писатель, главный редактор журнала «Аврора», автор многочисленных книг. Его повесть «Потерянная родина» рассказывает о судьбе серёговских и усть-вымских родственников, о корнях, которые связывают писателя с землёй Коми. Живёт в Санкт-Петербурге.

Потерянная родина

Начало в № 3 и № 4 2008 года

16

...

Вернувшись из Москвы, он пишет своё письмо во Всероссийский Союз писателей.

«Нападение социализма на остатки капитализма в процессе движения; принудительный труд и голод — вот несомненные достижения, явившиеся результатом бесславной практики...» — начинает он свою проповедь.

Объём письма — более печатного листа — очень велик, и привести его полностью невозможно, но пересказать его попытаемся.

Шергин пишет о том, что в деревне сейчас проводятся самые утончённые приёмы разъединения крестьянской массы, культивируется зависть и мщение, беднота поднимается не только на кулаков, но и на тех крестьян, у кого есть хлеб.

«Зарево вражды разгорается над деревней».

Не лучше приходится и рабочим. Запрещение перевозки хлеба и торговли ведёт к росту спекулятивных цен, обрекая рабочих на постоянное голodание. Но именно этого — очень точная мысль! — и добиваются власти. Посаженный на карточки служащий и рабочий преданно служит ей, боясь потерять право на карточку, и одновременно натравливается на крестьянство.

«Ленинские рыцари с козлиной отвагой разрывают союз рабочих и крестьян...»

Всё это аргументировано у Шергина цифрами, фактами...

Страшные картины рисует он на страницах своего, адресованного советским писателям, послания...

«В июле 1929 года Соввласть перевозила десятки тысяч преступников (тут Шергин неточен, счёт шёл уже на миллионы – Н.К.), из коих подавляющее большинство крестьяне, вынужденные советским активом бедноты на самозащиту. Мимо села Серёгово гнали с Украины партии босой, грязной и оборванной пестройди по 500 человек на постройку Ухтинской дороги... Продовольствия выдавали 300 граммов хлеба в день на человека, а конвоиры, получавшие в пять раз больше хлеба, мясо и масло, в дополнение к мукам голода оправляли отставших прикладами винтовок... Недалеко от села Княжпогост арестованные работали в болоте босиком с опухшими ногами от наростов и корости. Под угрозой сабли и револьвера...

Бегство по лесам босиком и без хлеба не так хорошо, но всё же бегство давало кое-какие надежды... И арестованные... бежали, омрачая северные деревни злодействами, а навстречу беглецам гнали новые партии советских преступников, коих вырабатывала диктатура пролетариата, так что тюрьмы и лагеря не вмещали.

Начиная от Архангельска по Беломорскому побережью и островам, по Мезенским и Печорским трущобам томятся сотни тысяч жертв большевистского омрачения...»

Очень подробно доказывает И.А. Шергин, что экономически строительство дороги на Ухту не оправдывает даже содержания охраны, и поэтому одежда и обувь для заключённых недоступна.

За каждого выловленного беглеца выплачивали 10 рублей, и поимка арестантов начала превращаться в промысел. Пойманых тут же на месте расстреливали.

«Вся полоса Ухтинской дороги облита кровью и омрачена злодействами...»

«Большевики боятся света обличения, как нагой огня, большевики давят свободу слова и в то же время водят по деревням партии связанных верёвками заключённых. В деревне Кошки для устрашения выстроена тюрьма, где заключённые получают полфунта хлеба в день. На Ухтинской дороге концентрируется нажим понуждения, входящего в практику по всему северу, по всему Союзу ССР. Здесь осуществляется «реконструкция человеческого материала», о которой от благовестил Пред. Совнаркома Сырцов на 1-й Нижегородской краевой болтовне...»

Немалое место в письме уделено и работе Котласского ОГПУ, но главное, Шергин делает и прогноз на будущее:

«Невзирая на усиленную вытяжку достижений высококвалифицированными болтунами, как Горький, раздувающими широкие размахи пятилетки, в 29–30 годах СССР скатится к неизбежно окончательному краху».

Завершая послание, И.А. Шергин писал:

«Розовые туманы иллюзии, самовосхваление на фоне всё ожесточающейся борьбы с крестьянством дают поучение буржуазно-демократической идеологии, а затруднения последней хлебозаготовки 29–30 гг., обусловленные противодействием крестьян, выбросят новые десятки тысяч жертв взамен похороненных на Ухтинских истязаниях, о коих и представим мы живые иллюстрации в следующей статье...»

17

Розовые туманы иллюзии отчасти были свойственны и самому Ивану Алексеевичу Шергину — к письму его сделана приписка: «Если ВСП (Всероссийский Союз писателей — Н.К.) примет эту статью и оплатит, то вышлю немедленно следующую».

Гонорар Ивану Алексеевичу заплатили, и довольно скоро.

Письмо во Всероссийский Союз писателей Иван Алексеевич отправил в конце сентября из Архангельска, куда ездил повидаться с сестрой. Письмо благополучно дошло до адресата, и из Союза писателей было передано в ОГПУ, где к нему отнеслись с интересом и вниманием.

Уже 23 ноября 1929 года в Усть-Сысольск ушла из Москвы директива на бланке секретного отдела Объединённого Государственного Политического управления при Совнаркоме СССР:

«Совершенно секретно. Срочно.

г. Усть-Сысольск.

Начальнику Коми-зырянского облотдела ОГПУ.

Копия — Архангельск, ППОГПУ Сев. края.

Препровождаем полученное нами контрреволюционное письмо Шергина И.А., адресованное им во Всероссийский Союз писателей.

По-видимому, письмо составлено в нескольких экземплярах и, возможно, направлено и по другим адресам.

В своём письме Шергин пишет, что у него имеются ещё подобные материалы.

Просим обыскать ШЕРГИНА, изъять у него материалы, арестовать его и дело прислать на Особое Совещание.

Прилагаемое письмо можно использовать в качестве следственного материала.

О результатах сообщите в СООГПУ.

Приложение: упомянутое.

Начальник Секретного отдела ОГПУ

АГРАНОВ»

Гонорар, что и говорить, можно считать царским...

Имя человека, поставившего под приказом обыскать и арестовать Ивана Алексеевича Шергина, окутано ужасом и кровью.

Яков Саулович Агранов (подлинное имя — Янкель Сорендин) родился в 1883 году в черте оседлости Белоруссии... В ВЧК Яков Саулович начал работать с 1919 года. Он вёл дело о «контрреволюционной организации профессора Таганцева». По этому делу было расстреляно 88 человек и в их числе поэт Николай Гумилев.

По личному указанию всемогущего кровавого палача русофоба, занявшего кресло заместителя министра госбезопасности и был арестован Иван Алексеевич Шергин?

Правда, сам он так и не узнал этого.

В тот день, когда было написано распоряжение, окончательно определившее судьбу Шергина, превратившее пожилого писателя-правдолюбца в этапную пыль, в самом Серёгово сгорел клуб и школа семилетка.

Местные начальники давно уже пытались закрыть в Серёгово храм, и вот пожар представил им удобный случай. Серёговские активисты обошли жителей села и, запугивая тем, что детей теперь негде будет учить, собрали подписи под письмом, ходатайствующим об изъятии церкви от общины верующих.

По просьбе церковного старосты И.А. Шергина написал заявление Председателю ВЦИК, и поскольку вскоре после этого и был арестован, то посчитал, что арестовали его по церковному делу.

«Вышел скандал... — горестно писал в заявлении в КОООГПУ. — Разорено хозяйство. После ареста меня и брата остались беспомощно-больная сестра шестидесяти лет и жена моя семидесяти лет. У нас две коровы и лошадь. Кулачи... Ухода нет. Грехи мои тяжки против совести: я обличал безмездно и честно местную жизнь, писал в ЦК на пользу Сов. власти, а не развитый и больной брат мой, что в 1911 году служил урядником, но ещё до войны был уволен, а после Октябрьской революции служил секретарём Серёговского ВИКа безмездно, арестован.

Я написал заявление по просьбе старосты церкви, и на меня пало обвинение, а попутно прихватили и брата...»

Как мы видим, Иван Алексеевич весьма сильно заблуждался по поводу причины своего ареста.

Заблуждение, впрочем, извинительное.

Он хотя и подозревал, что некоторые письма его просматриваются на почте в Усть-Выми, но ему и в голову не могло прийти, что изымается и вшивается в дело всё, что он отправляет по почте.

Послание И.А. Шергина во Всероссийский Союз писателей только, пожалуй, по способу передачи и отличалось от прочих писем. Аккуратно вшито в дело И.А. Шергина точно такое же письмо, адресованное во ВЦИК... Да и вообще, в коллекции, собранной усть-вымскими чекистами, были материалы и посттрашнее этого письма. То ли чекисты уже привыкли к писаниям Шергина и не придавали им никакого значения, то ли вообще не читали их — это остаётся загадкой. Но, повторяю, Иван Алексеевич не догадывался об этом и поэтому даже и предположить не мог, что его письмо вызвало гнев самого Агранова.

18

Следствие началось 20 декабря 1929 года, когда в Серёгово приехал старший уполномоченный Коми облтдела ОГПУ Покровский и, произведя обыск в доме Шергиних, приступил к допросам.

На вопрос Покровского о его отношении к Советской власти, Иван Алексеевич ответил так же прямо и честно, как писал об этом в своих статьях:

«К Советской власти я отношусь доброжелательно, но я вижу много ошибок в управлении СССР, в политике, которые привели сейчас нашу страну к разорению и упадку хозяйства.

Направлению данной политики Сов. власти я не сочувствую. Я считаю громадной ошибкой, что она производит нападение на крестьян...

По своим политическим убеждениям я — народник, считаю необходимым... поощрение индивидуального развития крестьянства. К социализму при перешейкной политике Сов. власти не придём...

Советская власть делает неправильно, проводя классовое расслоение деревни и создавая бедняка, середняка, кулака. Этим она не уничтожает классы, а сама создаёт классы и создаёт среди них классовую борьбу, вражду...

Практическую работу ВКП(б) считаю совсем неправильной...

Учение коммунизма-социализма я не признаю...

Ленина гением не считаю. Деятельность Сталина считаю скорее неправильной. Свои статьи «Строительство социализма» и другие, критикующие Советскую власть, я писал для советской прессы, я также посыпал в ЦИК и ЦК ВКП(б), чтобы они убедились в своей неправоте...»

Уполномоченного такой поворот дела, когда подследственный изображает себя как бы даже и помощником Советской власти, не устраивал. В тот же день, 20 декабря, он снимает показания с жителей села Серёгово.

Показания эти интересны и тем, какими видели братьев Шергиных односельчане, поэтому кое-что из этих показаний мы приведём здесь.

«В начале 1929 года я ходил к И.А. Шергину, чтобы он написал мне заявление на имя прокурора,— рассказывал рабочий солеваренного завода Пантелеimon Павлович Немчинов.— Шергин во время этого писания повышенным тоном говорил, указывая на газету, что в газетах пишут одно хорошее, а на самом деле не стало хлеба и будет ещё хуже. Тут же он говорил, что начали чистить коммунистов, чистят, как навоз...»

И.А. Шергин ходит по окружным деревням, что он там делает, не знаю. Так же часто он посещает и неделями живёт у Максима Коняева, бывшего урядника, который является Шергину родственником...»

«П.А. Шергин настроен к Советской власти враждебно...— подтвердил крестьянин Иван Иванович Лапин.— Всё время жалуется, что жить при существующем строе стало плохо... Брат его, Иван Шергин, почти нигде не бывает. Павел говорит, что Иван много пишет в центр...»

«Насчёт займа индустириализации сей год в ноябре месяце Павел Шергин на базаре говорил, что Советская власть только и держится на займах... — показал на допросе крестьянин-бедняк Павел Иванович Чумаков.— Иван Шергин тоже относится к Советской власти враждебно. В прошлом году я к нему приходил на дом, чтобы он написал жалобу в Нарсуд... Иван тогда говорил, что Советская власть скоро рухнет. Работая прошлым летом на полях, он тоже говорил, что Советская власть — грабительская...»

«В январе 1929 года,— рассказал Покровскому В.А. Шевдюсов,— в лавке кредитного товарищества зашёл разговор, что цены на масло опять повышаются».

— Ладно,— сказал тогда Павел Шергин,— что крестьянам вообще дают масло, скоро совсем ничего давать не будут...

«А в марте того же года Иван Алексеевич Шергин заявил рабочим солеварни на берегу, что теперь стало много ненормальностей и непорядков, служащие получают большое жалованье, а рабочие работают даром. Стало много разного начальства».

— Вот поеду,— сказал Иван Алексеевич,— летом к Рыкову и Калинину и про все эти непорядки им расскажу.

«Шергин Иван,— рассказывал В.А. Шевдюсов,— большей частью ходит по окружным деревням, пишет населению разные заявления...»

«Частенько приходится слушать по сторонам различные слухи... — показывал на допросе секретарь Серёговского сельсовета И.А. Лещиков.— Эти уличные слухи об падении власти в селе Серёгово выходят с головы Шергина Ивана Алексеевича. Но последний на улице не бывает, и всю эту контрреволюционную агитацию выпускает через брата Шергина П.А.».

Наконец-то уполномоченный ОГПУ Покровский добился искомого результата.

У него — он пока ещё не познакомился ни с изъятым при обыске материалом, ни с теми материалами, что собирало несколько лет ОГПУ в Усть-Выми! — появились доказательства, что братья Шергина агитировали не только против местных плохих начальников, но и вообще против Советской власти.

На следующий день Покровский допросил Павла Алексеевича Шергина.

Павел Алексеевич рассказал ему, что с 1901 года служил урядником, впоследствии занимался торговлей, при белых отступил с ними на Удору и служил там милиционером.

— С братом Иваном,— сказал Павел Алексеевич,— я живу одним домом¹. Сведений ему никаких не собирал. За исключением сведений, что церковь отбира-

¹ В серёговском доме, где выросла моя бабушка, в 1929 году жили Павел Алексеевич Шергин, сестра Мария Алексеевна Шергина, прозванная в Серёгово Машей Молиной, Иван Алексеевич Шергин и его жена Мария Густавовна Шергина.

Потом, когда Ивана Алексеевича и Павла Алексеевича взяли на этап, Мария Алексеевна жила в доме вдвоём с Марией Густавовной.

ется неправильно, что подписки населения об отбиении церкви сделаны неправильно. Для того, чтобы дать эти сведения брату Ивану, я их и записывал на бумажках, которые отбираны при обыске.

Взяв с Павла Алексеевича подпись явиться в Усть-Сысольск не позднее 25 декабря, уполномоченный Покровский приступил к дальнейшему допросу серёговцев.

«Года два назад я пахал землю, а Иван Алексеевич Шергин рядом с моим полем грёб сено с межи...— вспоминал на допросе Иван Павлович Поляков.— Шергин говорил тогда, что бестолковый Ленин своей борьбой уничтожил до десяти миллионов людей бессмысленно, что Ленин — бестолковый дурак, в голове у него забит клин вместо мозгов. Свою деятельность Ленин довёл до того, что в России ничего не стало... Ну, а Шергин Павел, как я замечал, такой элемент, что всюду, где только собираются два-три человека, начинает ругать Советскую власть».

Припугнутые Покровским крестьяне вспоминали самые незначительные пустяки:

«В сентябре 1928 года я проходила мимо гумна Шергиных, где Шергины Павел и Иван молотили. Я слышала, как Иван Шергин выражался тогда: подлецы... Советская власть неправильно действует...» (показания Елизаветы Павловны Космартовой).

«В лавке Ено Павел Шергин говорил, что теперь при Советской власти порядка не стало — управители плохие», — вспомниала Анна Христофоровна Павлова и поставила под протоколом допроса три креста — вместо подписи.

«Когда в ноябре месяце ходили по домам собирать подписи, я заходил в дом Шергиных. Павел Алексеевич стал тогда говорить: «Вот до чего довели, уже церкви отбирать стали» и подписался за то, чтобы церковь оставили¹. Ивана Шергина дома не было, когда я заходил в его комнату, то видел его письменную работу под заголовком «Наступление социализма на кулака». Его жена, Мария Густавовна Шергина, вначале подписалась за отобрание церкви, но потом прибежала в ВИИ, говоря, что не разобралась» (показания Николая Васильевича Башлыкова).

Что и говорить, работу Покровский проделал большую — кроме обыска за эти два дня он провёл четырнадцать допросов.

Напуганный размахом следствия, Иван Алексеевич Шергин на допросе 22 декабря пытается смягчить свои прежние показания. Он говорит, что ошибки Советской власти часто вызывали в нём вспышки несдержанности, и тогда он давал в своих писаниях непочтительные отметки ей, сохранившиеся, впрочем, «лишь в крепко замкнутой кладовой моих впечатлений и на публичное обозрение ни под коим видом не выходили...»

¹ 26 ноября 1929 года было первое собрание в переделанной из Успенской церкви Серёговской школе, и на следующий день церковь сгорела.

Главное же, Иван Алексеевич пытался защитить брата Павла.

— Материал для статей я брал не в Серёгово и не от брата, который совершенно не развит, ничего не знает и не мог бы дать чего-либо ценного, кроме разве пустяшных сведений из своего села, а больше из советской прессы и главным образом из практики...

Покровский взял и у Ивана Алексеевича подпись явиться в Устьсыольское ОГПУ не позднее 28 декабря и уехал.

Почему он не увёз с собой братьев Шергиных, вызывает недоумение.

Вина их с точки зрения тогдашних властей была очевидна.

Павел Алексеевич, которого все запомнили «с присохшей ко рту папиросиной», как мы видим из показаний свидетелей, был очень несдержаным на язык человеком.

Ну, а Иван Алексеевич Шергин не только любил поговорить, но и все свои мысли доверял бумагам, которые теперь находились в руках чекистов...

Так что, если уж кого и можно было обвинить в антисоветской агитации, то именно братьев Шергиных.

И вот вместо немедленного ареста — повестка явиться в Устьсыольское ОГПУ...

На мой взгляд, объяснений столь странному решению уполномоченного Покровского может быть только два. Или же он считал, что братья Шергинны настолько деморализованы, что покорно явятся в тюрьму без всякого конвоя, или же, что гораздо более вероятно, напротив, рассчитывал, что они, испугавшись, убегут.

Второе предположение кажется мне более вероятным потому, что Коми обл. отдел ОГПУ в этом деле выглядел с точки зрения московских начальников явно не на высоте. У них под носом действовал «активный контрреволюционер», а они столько лет не принимали против него никаких мер.

Когда же из Усть-Выми пришла папка со всеми подшитыми в ней статьями и заявлениями Шергина, дело начало приобретать совсем нехороший оттенок. Получалось, что и материалы, которые, как справедливо указывал начальник секретного отдела ОГПУ СССР тов. Агранов, «могло использовать в качестве следственного», уже много лет имелись у них. Получалось, что вроде бы местные чекисты покрывали злостного врага советской власти.

Между тем в Москве о Шергине не забыли, и директива Агранова сохраняла силу, свидетельствовали и грозные напоминания, летевшие из Москвы в Усть-Сысольск.

«Начальнику КОМИ обл. отдела ОГПУ. Следственное дело на Шергина на рассмотрение особого Совещания при коллегии ОГПУ высылайте через СО ПП ОГПУ Севкрай, с приложением фотокарточки Шергина в 3-х экз. и справки врача о состоянии его здоровья.

ВрИД Нач. СО ПП Ермолаев».

«Просим сообщить, что предпринято вами в отношении Шергина И.А., о котором мы писали нашим № 250696 от 23 ноября 1929. Несмотря на полутораме-

сичный срок мы до сих пор не имеем от вас никаких сообщений. Нач. 5 отдела СО Гельфер».

В конце концов, товарищ Витол, возглавлявший тогда Коми областной отдел ОГПУ, нашёл достойный выход. В ответ на напоминание Гельфера товарищ Витол послал телеграмму, подобной которой мне ни разу не доводилось встречать ни в следственных делах, ни в литературе:

«Усть-Сысольск. 19/1, 393. Высылку требуется триста рублей денег нет переведите указанную сумму 1243= Витол».

Наверное, изыскать триста рублей необходимых для ареста «врага народа» Ивана Алексеевича Шергина можно было найти и в Усть-Сысольске.

Однако Витол верно рассчитал, что лучше перевалить эту заботу на плечи товарища Гельфера, и расчёт его оказался верным. Более напоминаний из Москвы, как, впрочем, и денег, не поступало.

Тем не менее с самими Шергинами товарищ Витол решил разобраться до конца.

Иван Алексеевич на допрос не явился. Должно быть, вспомнив, как удалось ему отвертеться в 1922 году от ареста, он и сейчас посыпает в КОООГПУ заявление:

«На 28 декабря в Усть-Сысольск мне не уйти. Натёр в кровь ноги и два дня идти не мог».

Но времена изменились.

Ивана Алексеевича арестовали и — теперь уже под конвоем! — доставили в ОГПУ.

31 декабря его допросил следователь Мельников и тут же написал постановление о привлечении Шергина обвиняемым по статьям 58-20, 58-34. Павел Алексеевич был привлечён обвиняемым по статьям 17, 58-3, 58-10.

Ну, а в первых числах нового, 1930 года было подписано и обвинительное заключение.

Несколько недель никакого движения по этому делу — может быть, товарищ Витол выжидал, чем закончится его запрос о трёхстах рублях? — не совершалось и только 12 марта 1930 года дело братьев Шергиных было рассмотрено на заседании местной тройки по внесудебному рассмотрению дел. Тройка постановила:

«Шергина И.А.. Шергина П.А. выслать через ПП ОГПУ в Северный край сроком на три года, считая срок с 31 декабря 1929 года.

Дело сдать в архив».

Вот так — благополучно! — удалось выйти усть-сысольским чекистам из неприятной для них ситуации.

Ну, а для самих Шергиных дело закончилось печальнее.

Шестидесятичетырёхлетний Иван Алексеевич погиб на этапе подобно тем крестьянам-кулакам, пригнанным на строительство Ухтинской дороги, про которых он писал, а его брат, Павел Алексеевич, добрёл-таки до лагеря, чтобы погибнуть уже там.

Впрочем, едва ли судьба Ивана Алексеевича Шергина изменилась бы, если бы его дело всё же послали в Москву на рассмотрение тамошней тройки...

Иван Алексеевич Шергин погиб, не зная, что его арест только открывает бесконечную череду арестов в нашей семье.

Через два года, в 1932 году, по делу о монахинях Кылтовского монастыря были арестованы Анна Николаевна и Глафира Павловна Шергинны, ещё через год, в тридцать третьем, в один день 18 апреля, сразу трое Коняевых — Семён Алексеевич, Степан Алексеевич, Алексей Максимович (родной брат моего отца). Всех троих их пропустили через заседание тройки в один день — 21 января 1934 года, и никто из троих не вернулся назад.

Но это было только начало.

Впереди были ещё все тридцатые годы...

19

Впервые пытались поднять вопрос о реабилитации Ивана Алексеевича Шергина мы с тётей Маней, когда я первый раз приехал в Коми АССР.

В общую «хрущёвскую» реабилитацию И.А. Шергин не попал, да и не мог попасть, поскольку в деле его лежала статья «Ленинско-коммунистическое самообolvанивание», за одно название которой могли посадить и в хрущёвскую «оттепель».

Я приехал к тёте Мане весной 1966 года.

От «оттепели» к тому времени не осталось и следов, и в Сыктывкарском КГБ у нас не приняли даже и заявления на реабилитацию И.А. Шергина.

Снова я занялся этим делом уже в 1988 году. Вначале пытался заручиться ходатайством общества «Мемориал», но там — да, да, пришлите нам его данные... — этим вопросом не заинтересовались. Все необходимые справки и заявления я послал, но что стало с ними, не знаю.

После этой неудачи я решил действовать самостоятельно.

Напечатал несколько заметок о судьбе Ивана Алексеевича Шергина в газетах «Молодёжь Севера», «Белый журавль» и журнале «Север». Потом вместе с вырезками послал заявление в Республиканскую прокуратуру Коми АССР.

«Сейчас, когда мы снова пересматриваем своё прошлое и когда реабилитируются всё новые и новые безвинно пострадавшие люди, мне кажется, что должен быть пересмотрен вопрос о реабилитации Шергина. По сути дела, его вина заключалась только в том, что он оказался прозорливее многих своих современников и в какой-то мере честнее и совестливее — не смог молчать, когда нужно было бы промолчать», — писал я в этом заявлении.

Ответ из прокуратуры пришёл неожиданно быстро.

«Письмо о реабилитации Шергина Ивана Алексеевича и Шергина Павла Алексеевича рассмотрено. Оба они реабилитированы. Направляю две справки о их реабилитации».

И точно...

К крохотной сопроводиловке были прикреплены две бумажки побольше, укращенные жирными печатями.

**«СПРАВКА
О реабилитации**

Гр-н Шергин Иван Алексеевич, 1866 года рождения, уроженец с. Серёгово Яренского уезда Вологодской области, писатель, осуждённый 12.03.30 г. тройкой ОГПУ Северного края по ст.58-10 УК РСФСР, реабилитирован 17.10.89 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Зам. прокурора Коми АССР

старший советник юстиции

В.Я.Беляев».

Вот и реабилитировали моего деда, Ивана Алексеевича Шергина...

Реабилитировали, как и сажали, тоже вместе со всеми.

И понятно, почему его судьба не очень-то заинтересовала активистов «Мемориала». Что тут занятного? Другое дело какой-нибудь большевик или чекист, который вначале сам успел вдосталь пострелять русских людей, а потом и его шлётпуни — это интересно, это волнует «мемориальцев», а тут?

Ивана Алексеевича успели приговорить к смерти ещё те чекисты, которых самих потом пустили под расстрел... И приговорили в одном потоке с сотнями тысяч, с миллионами таких же, как сам Шергин...

Я смотрел на казённые бумажки с круглыми печатями и вспоминал, как в 1966 году, вернувшись из Сыктывкара в Усть-Вымь, сидели мы с тётей Маней на крылечке её дома, смотрели на холм, насыпанный ещё при Стефане Великопермском, тот самый, про который писал Иван Алексеевич: «На снежных холмах белеет группа старинных церквей, точно взлетела на облака», говорили вначале о Стефане Великопермском, принёсшем в эти края свет православия, потом тётя Маня принялась рассказывать, как забирали её брата, потом мужа, потом ещё какого-то родственника, потом Савина Виктора, памятник которому стоит в Сыктывкаре...

— А Миша что... — вздохнув, сказала тётя Маня об отце, — Мише надо было уехать. Всё равно бы ему не было здесь жизни. Не дали бы... Не дали бы жить...

Я нашёл на повети книжку Ивана Алексеевича и, слушая тёту Маню, листал её.

Глаза скользили по знакомым строчкам описания усть-вымской ярмарки: «На почтовом тракте в облачке пара двигаются обозы, направляясь к селу Усть-Вымь. Более чем на версту тянется главная улица села, громадные дома в восемь, десять и даже двенадцать комнат ещё окутаны мраком. Лишь кое-где сквозь морозные узоры окон алеют световые отражения, но улица и проезды между домами уже запружены возами с хлебом, бараками, железными изделиями, горшками, вёдрами. Незанятые места брались с боя, а из соседних деревень подъезжали новые обозы...»

Одновременно пробегая глазами эти страницы, вслушивался я в рассказ тёти Мани о том, как арестовывали тогда, как не спали ночами, прислушиваясь к лаю

собак, к шагам на улице — кого? кого возьмут сегодня? — и странно перекликались слова тёти Мани с голосами людей из книги Ивана Алексеевича:

«У двери отогревался нищий Броль Мить в армяке. Рядом с ним лежал мешок с подаянием, покрытый картузом с красным околышем и светлой пуговицей вместо кокарды...

— За ковой молишься? — спросила хозяйка.

— За всех православных: за Марью Орехову, за Ваньку Моськина, за Бобича сесся за Лямку, за Барышева... Севодня киселем-той кормили-жс, а он зев ческыд¹... — облизнулся Броль. — Губернатором был бы, так всё кисель да мёд ел...»

А «в лавке Дербенева настоящий букет поповен в модных шубках.

— Шляпки у нас новейшего фасона... — рассыпается приказчик.

— А Котова из Москвы нету?

— Помилуйте-с, что такое Котов? Предисловие одно... Непосредственно из Парижа получаем-с...»

И тут же — «Ой, ограбили. Сенаты пресветльые...» — плачет женщина, увидев, что её подвыпивший муж поменялся лошадями с цыганом...

Что-то из этих отрывков я зачитывал вслух, и голоса давно умерших людей звучали в тихом, весеннем вечере, и так явственны, так узнаваемы были интонации, что тётя Мания вспоминала этих людей.

Тот утонул...

Этого забрали...

Этот на войне погиб...

Эта умерла здесь в войну...

Этого забрали...

Скорбен был скорбный мартиролог героев книги Ивана Алексеевича Шергина...

И снова казалось мне, что явственно различаю я слова Ивана Алексеевича: «Одно мне непонятно — это психология людей, командующих ветрами. Что за мания безумия — потрясать материки и горы, покорять далёкие миры, повелевать, осуществлять какие-то исторические миссии, которых толком никто не знает...»

И так явственен он был в этой весенней тишине, словно Иван Алексеевич сидел рядом с нами на крылечке...

Это ощущение, возникшее в тот далёкий вечер, осталось во мне навсегда. И теперь, перечитывая книги Ивана Алексеевича Шергина, снова ловлю себя на мысли, что его слова: «В общине, состоявшей из невежественной толпы, руководимой дрянными начальниками, деревенские кулаки и водка обуславливали, подобно евреям в роли интенданских поставщиков, несносные явления. Жить в общине стало невыносимо, как в душной мужицкой избе, переполненной паразитами. Против этих бичей тьмы есть разумные средства — свет и чистота; но чиновничья рутина, осердясь на клопов, решила всю шубу в печь!» — и к нам, нынешним, имеют не меньшее отношение, нежели к тем, кто жил тогда.

Если чуть-чуть изменить детали, то смысл этих рассуждений окажется актуальным и сейчас в постперестроечную эпоху, когда развалилась гигантская,

¹ очень вкусный (коми).

прекрасная и могучая страна. И это ли не свидетельство, что, пройдя бесконечно трудный путь, снова возвращаемся мы к тем вопросам, которые не могли разрешить тогда, восемьдесят лет назад, и если мы и сейчас не сумеем на них ответить, то, кто знает, сколько десятилетий или столетий займёт новый крестный путь, чтобы уже в других, не помнящих нас поколениях снова вернуться к этим же вопросам...

А в тот далёкий весенний вечер в Усть-Выми, когда приходили мы в себя после разговоров в Сыктывкарском КГБ, в прокуратуре, в каких-то министерствах, тётя Маня вдруг слазала в подвал и достала бутылку водки.

— А зимы долгие были, тёмные... — рассказывала она, уже выпив две рюмочки.

— Зимой у нас девки вечерки устраивали. Каждый вечер надо было пару веретен выпрясть, это обязательно. Вот сидели, пряли и пели... И на свадьбах тоже пели. Три недели ведь свадьбу праздновали. Вначале девку сватали. Приедут на тройке, на одной лошади — сват и сваха, крёстный отец и дядя, войдут в дом и скажут: «Мы с добрым делом — сватаньем». Их, конечно, пригласят сесть, о еде захлопочут. До еды говорят — кто кому приглянулся... Потом спросят, принимается ли сватовство? Вначале у матери с отцом, потом и у девушки. И если ответят — да! — то тут и о приданом договариваются, а если: «Нет!», то надо вставать и уезжать...

Сватушко-сватушко!
Бестолковый сватушко!
По невесту ехали,
В город заехали!

Сговорившись же, назначают молитвы. А потом и вечеринки пойдут, когда невесте готовят приданое. Готовят-то подруги невесты... Прежде всего подарки. Отцу жениха подарок, матери жениха, самому жениху... А потом, как положено, венчание и гулянка. Сначала у невесты, а после и у жениха. Ох, весело тогда бывало...

А на вечеринках тоже пели много. Взрослые-то туда парами ходят, там и целуются:

Иная милая
Ничем она не лучше!
Лицом не белея,
Щёчками не алея...
Разве тем она лучше,
Што живёт поближе...
Кланяется ниже...
Ходит поцаще...
Целуется слаже...

Или ещё вот пели:

Що не конь берегами бъёт,
Берегами бъёт,
Воды не пьёт,
Золотой уздой потряхивает,
Стременами пошевеливает.
Тут и шёл-то, прошёл молодец,
Разудалый добрый молодец.
За собой красну девицу ведёт,
За собой ведёт суженую.
Я трепал бы, трепал её;
Мои рученьки болят-таки, болят
Со сторон люди глядят-таки, глядят...

А песни попоют и за частушки примутся:

Купи, маменька, на платье
Без аршину двадцать пять!
Сошью юбочку с оборочкой —
Слаутница опять...

Слаутница — это, по-здашнему, модница... Парни-то знают про это, вот и поют в ответ:

А усть-вымски девки модны
Целый день сидят голодны...

Вот примерно так, прерываясь для того, чтобы запеть песню или частушку, и рассказывала в тот вечер тётя Маня, глядя на холм, где когда-то, точно взлетев на облака, стояли церкви, поставленные здесь русским святым — Стефаном Великопермским...

А тёти Манина подружка, такая же старушка, как и она, подошедшая к крыльечку на голос песни, кивала головой:

— Так, так и жили... Цокали да чокали тут, так что? А где и не тое слово вставиши — всё равно пели... Как цокали-то? Дак чугун — цыгуном называли, цыган — чиган был, месяц — месяч... Если что сделать требовалось, надо было селишни кивель, поплевать, значит, на руку...

Гостье своей тётя Маня тоже предложила стопочку.

Старушка выпила, и потом ещё долго они сидели на крылечке, и я, отправившись на поветь порыться в сваленных там книгах, слышал, как они пели:

Нам хотели запретить
По этим шпалерам ходить.
А мы вниманья не берём,
По этим шпалерам ходём!

— и голоса, словно и помолодели вдруг, сделались звонче, удалее...

Да... Может быть, в этом, «мы вниманья не берём, по этим шпалерам ходём» и заключена самая величайшая тайна русской жизни, та сила, сломить которую не могло ничто...

20

Я уже говорил, что семья деда, Коняева Максима Степановича, была смешанной. В мирной жизни это не мешало хорошим отношениям, но когда начались репрессии, чекисты развели их по уголовным делам в строгом соответствии с национальным принципом.

Вначале сажали русских братьев и сестёр бабушки, Александры Алексеевны, сажали за то, что писали книги, молились Богу, а родня деда — чуть спустя — почти целиком пошла в лагеря, как коми-националисты.

Ещё позднее, уже в тридцать седьмом, начали сажать тех, кто сумел стать, так сказать, советской интеллигенцией.

Тогда посадили, например, мужа тёти Мани — Иону Степановича Дьяконова. Начинал он работать в Кылтовской детской колонии, образованной на месте женского Крестовоздвиженского монастыря, из которого вместе с другими монашками изгнали и сестёр Шергиных, посаженных потом по делу священника Тихона.

Иона Степанович был в колонии воспитателем, и значит, это при нём и церковь Стефана Великопермского сожгли, и «бес кладоискательства» — тогда буквально разрыли монастырь — тоже при нём обуял воспитанников...

Поминает Иону Степановича среди своих «обличений» и Иван Алексеевич Шергин.

В общем, очень это советский человек был Иона Степанович, но и его, когда пришёл срок, тоже взяли. Посадили по «учительскому» делу.

Кроме активной контрреволюционной работы, как доказано было в ходе следствия, Иона Степанович ещё и портрет врага народа Тухачевского на стенке держал. Портрет следователь, проводивший обыск, обнаружил в настенном отрывном календаре.

Иона Степанович увлекался фотографией.

Снимки, судя по тем, что печатались тогда в газетах, были уникальными в историческом отношении, но сами фотографии изъяли при аресте, и остались только пластинки негативов. Двоюродная сестра Аля рассказывала мне, как она с сёстрами играла в детстве этими стёклышками, смывая в ручье изображения с них...

Самого же деда, Максима Степановича Коняева, спасла от ареста старость и смерть...

Хотя и был Максим Степанович необыкновенно крепким человеком — говорят, и в семьдесят лет босиком переходил он по лютому морозу улицу, а зубы у него такие крепкие были, что до самой смерти не болели,— но после ареста сына Алексея, он прожил совсем немного — умер от заворота кишок...

Алексей пошёл по делу коми-националистов.

Единственные показания на него дал Степан Павлович Кызрадоев, который говорил на допросе, что «Коняев — сын урядника, лишён избирательных прав... В беседах с нами Коняев всегда настаивал создать большую группу и более активно повести работу среди недовольных крестьян Гамского района».

И хотя непонятно было, какую работу должна была повести так и не созданная группа, осудили дядю Алексея по статье 58-10, и — увы! — хотя и было ему только тридцать семь лет, из лагерей он не вернулся.

Но жена его, Августа Михайловна, детей вырастила, и я хорошо знал их.

Дочь, Катя, ставшая в замужество Орловой, закончила Ленинградскую консерваторию и работала солисткой в Сыктывкарском оперном театре¹. Сын Коля, был столяром и жил на станции в Микуни.

После войны Коля, кстати, приезжал к нам в Вознесенье. Это был человек гигантской силы и роста. Нам, детям, казалось, что явился великан из каких-то сказочных краёв. Более высоких и крепких людей мы тогда ещё не видели.

Коля по годам не намного пережил своего отца, погиб, свалившись на ходу с дрезины...

Но тут я опять забегаю вперёд.

Дядю Алексея забрали 18 апреля 1933 года.

Моему отцу было тогда уже двадцать четыре года, и он по возрасту вполне мог бы состоять в какой-нибудь группе, существовавшей в воображении Д.А. Батиева и подкармливающих вождя коми народа следователей...

Но отец спасся.

Спасся благодаря деду, отославшему его ещё зимою на заработки на Волгу.

21

Последний раз в Серёгово и Усть-Выми я был зимой.

Шёл снег, засыпая стоящие на берегу церкви. Чуть в стороне возвышались — рядом с церквями они казались особенно уродливыми — пятиэтажные дома. Людей нигде не было видно.

Зимняя, тоскливая пустота...

Ещё более усилилось это ощущение в Серёгово.

Падали и падали белые хлопья. С холма, где стоял дом, открывалась знобящая речная пустота...

В серовато-белой дымке пропадал другой берег Вычегды, где нынче снова пытаются возродить Крестовоздвиженский монастырь, и казалось, что вся земля вокруг пустая...

Я стоял на берегу Вычегды, слушал рассказ о местной деревне Березники, в которой этой зимой замёрз последний житель, и думал, что, может быть, так же, в снегу, погружённой в густую, почти вязкую тишину, и увидел в последний раз свою Родину отец.

¹ Поразительно, но эта Катя Орлова умерла в один день и один час вместе с нашим дядей — Степаном Максимовичем Коняевым, о котором я уже поминал в этой книге.

Он не знал, что уезжает навсегда. Он не приехал — слишком опасно было — на похороны отца и вообще ни разу больше не был на родине, словно бы навсегда позабыв про неё.

Хотя тут, может быть, я и не прав.

Когда в конце пятидесятых тётя Маня и дядя Степа решили продать дедовский дом в Гаме и написали об этом нам, в Вознесенье, отец почему-то страшно расстроился. Он пошёл даже отправлять телеграмму, чтобы дом не продавали, но вместо почты зашёл в магазин и купил водки.

С этой бутылкой он и просидел весь вечер у стола. Хмурый, молчаливый и совсем не пьяный... Телеграмму он, конечно, не отправил, и дом так и продали без него...

В Серёгово я хотел сходить на кладбище, но мне объяснили, что прежнего кладбища уже давно нет.

Было оно на горе, возле церкви.

Потом церковь снесли, поскольку — акустика оказалась неподходящая — для школы она совсем не подходила, а в шестидесятых прорыли по кладбищу траншею канализации. Местные мальчишки несколько недель бегали потом, играя черепами...

Ольга Хмара

Хмара Ольга Васильевна родилась в г. Березники Пермской области в 1962 году. Окончила Воркутинский горный техникум по специальности бухгалтерский учёт и Литературный институт имени А.М. Горького, факультет поэзии. Стихи публиковались в коллективных сборниках, журнале «Север», антологии «Поэзия Победы» (Москва, 2005). Автор двух книжек стихов: «Письма в юность» (1997) и «До востребования» (2002). Живёт в Воркуте.

Когда состарится зима...

* * *

Памяти Володюшки Комина

I

На лёгкий сон запрет
Наложен вдвое –
Уронен табурет,
Лютует хвоя.

В дому до немоты
Темно и голо,
И запах пустоты,
И корвалола.

Соседский пёс давно
Охрип от воя.
Глядится боль в окно –
Живым – живое...

II

.....
.....

III

Засыпает тихо дом.
 Сновидений вереницы,
 Не тревожа половицы,
 Ходят тихо в доме том.

Только спелые плоды
 Тяжело роняет груша.
 Сядем тишину послушать,
 Вопли пережив беды.

Звёзды, ёжась и дрожа,
 Жмутся стайками тревожно.
 Их достать рукою можно
 Со второго этажа.

Полуночная напасть, –
 Оттого, что все уснули,
 Так роится звёздный улей,
 Что их хочется украсть.

Только памятуй о том, –
 Разорять никак нельзя их:
 Вдруг с одной из них
 хозяин
 Смотрит на уснувший дом...

* * *

Когда состарится зима...
 Повеселеет звон трамвая,
 И неподдельная, живая,
 Ко мне весна придёт сама.

Снов бесшабашных кутерьма
 Недобрыйм вестям свяжет руки
 И мстительно – в лицо разлуке:
 – Ну, вот, состарилась зима!..

Меня сводившая с ума,
 Тревог пособница и сводня.
 Но, вот, пожалуйста, сегодня
 Совсем состарилась зима.

Себе назначу принимать
Надежду ложечкою мерной.
Следы своей Любови первой
Я буду тихо целовать.

Бессонной памяти вода
От бреда юности излечит.
И своевольно не замечу,
Как далеко зашли года. –

В моих сокровищ закромах
Осколков будущего сколько!
Они не станут ранить.

Только б –
Скорей состарилась зима...

Стихи, написанные в Пасху

I

.....
.....

II

Детишками зелёными
Читали на ночь сказки.
Мы не были крещёными,
Но праздновали Пасху.
Не ведала неволи я, –
По дедовой привычке
Вкусала комсомолия
Пасхальное яичко.
Гуляла радость дробная,
И Бог, совсем не грозный,
Взирал с улыбкой доброю
На люд свой краснозвёздный.
...Свернули шею знамени
Победы и остростки.
И больше не по памяти,
По чину правят Пасху, –
Дородную, угодную,
С апломбом и размахом.
И простота народная

Сама взошла на плаху.
Дивится пыль церковная
С весёлым интересом –
Торгуются с иконами
Владельцы мерседесов
И принимают золото
За чистую монету...
...Киоты... Свечи... Колокол...
Притвор... А Бога нету.

III

Вот он, бог, стучит, стучит...
А другого бога нету.
В беспробудности ночи
С ним вдвоём бредём по свету.

Делим с ним тепло и снедь.
До последнего порога
Буду верить
и жалеть
Своего живого бога. –

В беспросветности ночи
Там, в груди первопрестольной,
Как он бьётся и кричит,
Как ему темно и больно...

Григорий Спичак

Спичак Григорий Иванович родился в посёлке Железнодорожный Княжпогостского района в 1960 году. Окончил Сыктывкарский государственный университет. Автор нескольких книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

Одной цепью

Рассказы

Метель

Я уходил из деревни в город налегке, без вещей, но с тяжёлым сердцем. Мороз выбелил намертьё всё живое вокруг, звенела дорога, и грустно мерцали звёзды. Меж двумя деревнями тридцать с гаком вёрст, меж двумя деревнями автобусная остановка на переправе. А на автобус я опоздал. Он ушёл, мигнув вдалеке злым красным глазом, похожим на звезду в созвездии Гончих Псов.

Назад – пятнадцать километров, вперёд – двадцать два. И я пошёл вперёд, потому что любил сжигать мосты.

Я бы дошёл, но не было печали, не было сомнений, а потому и не было видно того, что лезло в глаза. Потемнело небо и швырнуло мне в ноги белые тропы, спрятались звёзды, оставив колодец пространства, и от густой пурги стал я седеющим старцем, теряющим зрение, согбенным от стихии.

И была пурга. Была пурга, какой эти края не знали. Была пурга, она уложила меня далеко от дороги, накричала мне в уши чужие сказки и пела мне колыбельную гулом ненастья. Я замерзал.

Только в землю куда-то, сквозь рёбра, было сердце, было через лёд одажд, было колоколом горячей крови.

Кто-то тронул меня за плечо...

Молодая женщина будила меня в зыбкой дымке, в сладком мертвенному сне. И сама она казалась мне сном, но слишком уж по живому стояли рядом с ней косматые волки.

Пряный дух разомлевшей избы, капли чистой смолы на сияющих бревнах сосен, тихий скрип половиц...

Я очнулся, тело болело. Я пока видел мир лишь одними глазами. Чья же эта, такая родная, изба?

Надо мною склонилась она.

– Кто ты? – грустно шепнула.

– Я человек.

Она снимала с меня унты, растирала ноги барсучьим жиром и шептала ногам моим силу.

Вот сижу я за длинным столом. На далёком конце его, напротив – она. Плахи лиственниц гнутся от снеди.

И она угождает меня.

Я ел чёрный, как дёготь, и тёплый, как солнышко, хлеб – она назвала его Искущением. Я из каменных кружек пил хмельной горький мёд – она назвала его Жизнью. Я не мог разломить и глотал целиком кровью пахнущие и сухие куски, а она улыбалась – Долг; и глазами искал образа, только в доме их не было: ружья, луки по тяжёлым стенам охраняли нас, а на окнах не занавеси, а сети.

За окнами ночь.

– Ты охотница?

– Нет, – и она улыбнулась.

– Как зовут тебя?

– Женщина.

Я ей кланялся в пояс, топтался босой, взяв в руки свечу, двинулся было к тёмной осиновой двери. Она даже не взглянула на меня, а у дверей молча встали два волка. Я замер и услышал сзади голос.

– Эта ночь моя, человек.

И была ночь, сладкая долгая ночь, каких в смертной судьбе не бывает. Был и восторженный ужас, и детская слабость, и дикая сила.

Я себя познавал.

– А теперь уходи!

На постели из шкур лежала она.

– А теперь уходи.– Свеча стояла на столе.– Ты зажги её, дверь отопри, свет укажет тропу.

– Я вернусь, я скоро вернусь.

И ушёл. Как мне больно был в спину взгляд! Я ушёл по ровному свету и петляющей тихой тропе. И нашёл, что искал, – я вышел к людям.

Прошло немного времени, может быть, всего несколько лет. Я считался своим в доску парнем среди бродяг и аферистов, стрелял журавлей на Таймыре и сажал виноград на Риони, пил одеколон на Дальнем Востоке и любил женщин, по-разному даривших тепло, но одинаково отнимающих свободу. Что-то в этой жизни искал я, и везде со мной была моя тень – моя мёртвая память.

В знакомых краях мы искали какие-то ископаемые, за которые хорошо платили, и которые хорошо искались. Мы рвали древнюю землю динамитом, а тишина блатными песнями. Мы глушили синий спирт с красной рыбой.

И земля, как забытая женщина, умешалась между моими плечами. Я запомнил тот день, тот просёлок и жажду.

Пить хотелось, и шёл я один по тайге, по узлам на судьбе и без цели. Шелестела штормовка шагреневой басней, целлофановое сомбреро брызги солнца сжигало и от глаз моих прятало солнце.

А стояла жара. Стояла жара, какой в этих краях не бывало – засыпало живое, и вяли седые цветы.

Кто-то выключил звуки, и тропа подо мной побежала завилюшками мысли растранных дней и растранных чувств.

Я, конечно же, вспомнил тропу, осталное не мог, не хотел, но пошёл, будто что-то несло по тропе: то ли жадные ноги, то ли сердце, топтавшее сизую тень. На поляне изба. Как глубокий колодец, смотрят окна за дальние дали. У избы, в от завалинки брошенной тени, дряхлый пёс, белым облаком лёгший на землю. Он вильнул мне хвостом, посмотрел, как на чудо, и, тряхнув головой, заскулил.

В паутине венцы, косяки, я к распахнутой двери шагнул... и застыл, обожжённый кошмаром. На пороге седая старуха с ружьём, вязь знакомого света свечи на прикладе и слепые глаза.

— Ты пришёл, человек?

— Пить!

Из сухого ковша звёздным холодом дунула ночь — я пил звёзды...

— Спасибо, старуха.

— Я тебя не дозвалась, но ждала. От тебя я старела, и помни: дети были у нас — сыновья, сыновья, о которых другие отцы не мечтали. Не мечтали...

То ли я, то ли кто-то сомбреро снимал с головы, сумасшедшею цепью стегал колдовской тихий шёпот.

Крик оставил один. Этим криком кричит всё вокруг, этим криком кукушка считает потерянный кров, этим криком наплакались лебеди. Дом твой отчий кричит. И Очаг. Тот Очаг, что огонь свой в Великий огонь мой унёс — бед земли. Как он ждал и угас! Где ты был эту жизнь?

Нарастал её шёпот, казалось — крик плеснёт мне в лицо, или даже свинец сумасшедших двух бельм, разорвавших жару жаждой зрячей тоски.

Закричала гроза, и сомбреро втотпало в тропу, и душил меня шёпот, оторвав от земли пальцы замершей тени.

— Уходи — и... Уходи — и...

Те зрачки тех стволов будут щупать мне сердце всю жизнь. Я не шёл, а бежал, обжигая руками берёзы, раздирая в лохмотья на взгорках суровые мхи, в горло сердце просилось, как гордая птица из рук.

А потом я упал. Будто стала стена, и с разбега я врезался в воздух. Била в сердце сквозь рёбра земля, причитаньем дождя и калёной моей жаркой тенью лаская.

Я себя познавал.

И обратно бежал незнакомым, но светлым путём и кричал:

— Ты прости, ты прости за тот холод распахнутой двери, Нагая! За пожары прости, за плевки, за забытое тело твоё и за брошенный белый, седины твоей хлеб.

Только эхо рвалось и с дождём проникало в песок, и питало могучие корни. Вот поляна, трава-мурава светлой зеленью эха потянулась ко мне. Та же тень, те же звуки. Ствол берёзы, как будто сожжённый дождём, на ветвях, как на чёрных руках... позабытое мною сомбреро.

Защитница от злых случайностей св. великомученица

С 17 декабря 1977 года моя жизнь могла пойти совсем-совсем в другом русле и другом направлении. Возможно, она бы уже и закончилась. В тот день, быть может, впервые мне было дано понять, что за каждое деяние отвечать придётся по полному счёту. И впервые дано было узнать, что такое заступничество невидимых сил, творящих чудо.

Всё было по-хулигански просто. Накануне подрался на танцах. Один из моих ударов попал в подглазной нерв моему сопернику, что он ослеп на оба глаза. Врач, ко всему прочему, ставил диагноз «контузия». Отец у того парня был «большой человек» в нашем районе. К исходу первых же суток стало понятно, что от суда и тюрьмы мне не отвертеться. Колючая проволока замаячила перед глазами самой что ни на есть прямой перспективой.

Солнечное морозное 17 декабря лопнуло передо мной, как стекло, и увидел я словно сквозь треснутые воздух, солнце, жизнь и родной дом, что там, дальше, открывается бездна. Бездна, расколотая моим хуком с правой.

А ещё было жалко парня. Я думал: «Отсижу года два-три, а он-то на всю жизнь останется слепым. Как же я буду жить в том же городке, где он не видит солнца, где рядом со мной по улице будет ходить его мама? Как же вообще будут жить мои родители, люди хоть и «небольшие», но уважаемые? Отец-фронтовик будет прятать глаза от заводчан. Мама, которая мечтала видеть меня школьным учителем. А Витька (так звали побитого парня) уже не выйдет правым нападающим в футбольной команде. И на лодке больше не сможет кататься, как каталась прошлой весной». Как-то особенно было больно из-за того, что я не мог вспомнить, почему мы подрались. Какая-то ерунда вспоминалась, но не суть. Сути конфликта просто не было. Бесовщина какая-то. И это тоже давило на сердце.

Хрустел снег под ногами. Как в сказке, запорошенный снегом стоял наш дом. Выбежала встречать меня наша собака. Но всё это было словно расколото пополам моим ударом с правой.

Тогда, помнится, закричало сердце куда-то в небо. А кричало оно так: «Небо! Солнце! Жизнь моя! Если есть за всем этим солнечным днём такая чёрная бездна, значит, есть и другое. И тоже за этим солнечным днём! Значит, есть что-то бездонно светлое и великое. Ведь не может же по ту сторону жизни, и солнышка, и дома, и собаки быть пропасть только в одну сторону. Если есть пропасть, значит, есть Великая Гора, которую я не знаю, но которую чувствую».

Я вспомнил Бога, иконы. Нет, не правильно говорю. Меня будто пронзило: «Так ведь в другой стороне от бездны и есть Любовь. Это и есть то, о чём была икона у бабушки». Там, на иконе, сквозь небо лицом к лицу смотрели на нас ангелы.

Как когда-то в детстве я услышал в тот момент трубу. Этот звук нельзя перепутать ни с чем. Он нигде и везде. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, у меня мурашки по спине.

Я остановился как вкопанный. «Я хочу туда! – была одна всепроникающая

мысль. – Туда, где труба, а не где бездна». Что-то происходило с сердцем. Оно сокрушилось и дышало, жило будто отдельно от меня.

Труба стихла, и бездна замкнулась. То, что происходило в последующие шесть часов, было сплошным чудом. Я пошёл просить прощенья у Витьки и его отца (они оба были дома). Витя встретил меня, сверкая одним глазом, – одним он уже видел! Отец его даже не ругал меня, а просто ворчал на нас обоих. Говорил, что полно серьёзных дел, а он вынужден общаться с милицией, врачами и двоими безмозглыми идиотами.

Мы с Витей разговаривали часа четыре. А когда я стал уходить, у него начал видеть второй глаз. События вокруг той драки так же стремительно и благополучно разрешались, как трагически и дико начались.

Но 17 декабря 1977 года я запомнил на всю жизнь.

* * *

Летом 1994 года на Святой горе Афон – на Великой христианской горе мира – в монастыре Старый Русик иеромонах Иона привёл меня с товарищем к престолу святой великомученицы Варвары. Это был самый маленький престол, который я когда-либо видел. Полочка в уголку комнатки, которая сама-то мал-мала, примерно метра два на четыре. Полочка задёрнута завесой – это и есть престол. Но в 1994 году та комнатка была мне уже очень понятна. Она была, быть может, самой-самой моей из всех комнаток, дворцов, отелей и квартир, которые были в моей жизни.

К 1994 году, уже воцерковленный, я знал, что 17 декабря – день памяти святой великомученицы Варвары. И вот я у её престола на Святой горе Афон. Иеромонах Иона рассказывал нам с товарищем о святой Варваре, о том, как она много лет провела в башне, почти не общаясь с людьми, но открыла там Бога, а также поведал о Иона о её подвиге... Но я тогда слушал его, оцепеневший от одного странного (как тогда мне показалось) совпадения.

Когда-то 17 веков назад девица Варвара из комнатки, в которой была заперта отцом-язычником, глядя на море, синее небо, землю в цветах и деревьях, своим ясным девичьим умом и чистым сердцем задалась вопросом: кто может родить такую красоту?

Из бездны своей темницы она узрела Творца. Не так ли и я, увидев расколотый моим ударом мир сквозь хруст снега, сквозь солнышко и нашу собаку-лаечку, сквозь морозный мерцающий воздух, увидел бездну Тьмы и догадался о Бездне Света. А как только догадался, так и сердце сокрушилось, и труба Ангела Света стала слышна (сколько слов, но как трудно объяснить самое простое).

* * *

В 1996 году в Республике Коми широко отмечалось 600-летие успения святителя Стефана Велиkopермского – просветителя зырян. Подъём был общий, хотелось что-то сделать для утверждения православия на нашей земле. До этого в разговорах с иеромонахом Михаилом (Ветошкиным) мы проговаривали возможность строительства небольшой часовенки во имя святой великомученицы Варвары. Отец Михаил тогда готовился к строительству монастыря в Важкурье, там

и решено было поставить часовню. Сразу после празднеств, посвящённых святителю Стефану, я привёз в Важкурью сруб и стройматериалы. Даже время помню – 16 мая. А через две недели я попадаю в отделение экстренной наркологической и психиатрической помощи с жутчайшим медикаментозным отравлением. Понятное дело – никогда наркоманом я не был, а в психиатрию до этого обращался только из журналистского любопытства. Но в том мае меня доставили в 9-е отделение в горизонтальном положении и в полнейшем бреду. Таблетки от хронической усталости со снотворным эффектом оказались коварной штучкой. Две на меня не подействовали – выпил четыре. А потом, когда голова уже не работала, оказалось, я выпил ещё штук пятнадцать.

В состоянии бреда произошло нечто выходящее из бреда. Галлюцинации и сумрак ума оказались в какой-то момент расколоты Другой Реальностью.

Из облака вышла женщина, встала надо мной и заплакала: «Григорий, ты ведь погибаешь!» Плакала и молилась. Слева и справа от неё, как на разрезанном экране, продолжался бред. Она разорвала его своей молитвой и своим стоянием надо мной. А потом экран опять сомкнулся в огне. По времени так продолжалось, оказывается, около трёх суток.

Когда очнулся, я точно знал, кто эта женщина. Это была святая Варвара. К ней православный мир обращается в молитвах о помощи и спасении от глупой, нечаянной, неосторожной смерти; о даровании возможности прежде конца исповедоваться и причаститься – принять смерть по-христиански.

В строительстве часовни святой великомученицы Варвары я участия не принимал, но сруб и стройматериалы пригодились. Часть пошла на часовенку Варвары, часть – на церковь святого целителя-великомученика Пантелеимона.

* * *

Знакомый мужчина однажды рассказывал, как работал в молодости в студенческом строитряде в Важкурье: «Я был ещё не женат. Приехали мы в 1984 году со студентами в это село из Питера. Строили, кажется, коровник или сарай для МТС. Не помню теперь уж. Помню другое – момент ясновидения. Сидим, значит, как-то на перекуре. Жара. Уставшие, потные. Мысли о том, где б перекусить, выпить и сходить искупаться. Так себе мысли, в общем. И в какой-то момент словно облачко какое или ветерок налетел. Я вижу женщину с девочкой, которую по улице большого города ведёт за руку та женщина. А я думаю, глядя на всё это: «Вот жена и дочь моя Варвара». Почему Варвара? Почему жена? (У меня тогда и подруги-то не было). Где это всё? Вижу-то я их будто не наяву, а где-то в глубине ума. Через несколько лет так всё и случилось, как увиделось. Только вот от кого узнал я о своей будущей дочери Варваре в Важкурье? Ниоткуда узнал – вдруг, с воздуха, с небес. А теперь вот услышал, что там храмовая часовня стоит. Думаю, что святая Варвара это село часто посещала и прежде. Святый Дух ведь бродит, где хочет. Только мы часто ли слышим Его?»

* * *

Мы ли находим святых угодников Божьих, или святые угодники находят нас? Почему присутствие некоторых из них становится так явно в нашей жизни? Мы

не знаем точного ответа, потому что «ответ ума» здесь не подходит. Подходит только ответ нашего безумия – голос сердца.

Позже я заказал иконописцу икону св. великомученицы Варвары и подарил в небольшую церковную общину. И начал узнавать, что святая великомученица Варвара в жизни многих православных людей у нас, в Коми, сыграла какую-то роль. Во всяком случае, она не «одна из многих святых», а находится в неведомом близком присутствии и в Сыктывкаре, и в Печоре, и в Воркуте. Можно гадать, то ли новомученики Российские в период ГУЛАГа как-то особенно молились Варваре, то ли она, заступница небесная, глядя на нелепые, страшные и нехристианские смерти от Котласа до Воркуты, ходила по шпалам и лагерям и вымаливала у Бога тех редких и верных, которые были способны распяться за Христа до смерти. Но она – святая великомученица Варвара – здесь, рядом, этой земле и её судьбе Богом поставлена. Не чувствовать это невозможно.

* * *

В начале марта 2004 года я выехал на бизнес-семинар, организованный в Киеве украинским представительством одной знаменитой американской корпорации. В программе семинара были серьёзные учебные консультации с миллионерами Европы и Австралии и финансовыми мудрецами мира. Глобализация с «человеческим лицом» делает попытки стать сильнее глобализации с лицом Зверя – процесс долгий, спорный, во многом, наверное, непредсказуемый.

Во Владимирском соборе Киева хранятся мощи святой великомученицы Варвары, приложиться к которым, конечно, было важнее для меня всех программ семинара.

Первый день. В Киеве холодно, как в Сыктывкаре. За чужой счёт я доехал с окраины Киева на «газели», так как у меня не было украинской валюты – гривен. До открытия семинара в Спорт-Палаце, громаднейшем Дворце спорта, оставалось ещё минут сорок. Я решил поменять в пункте обмена рубли на гривны. Почему-то мне встретился самый грабительский обменный пункт на весь Киев. Такого дурацкого обменного курса я потом не встречал за все дни пребывания на Украине. Обменял деньги, возвращаюсь к Спорт-Палате.

На оживлённом перекрёстке, как раз в тот момент, когда для пешеходов загёлся зелёный свет, чихая и треща, останавливается прямо передо мной зелёный «Жигулёнок». И ни туда, и ни сюда! Я открываю боковую дверцу, чтобы шутя сказать, мол, ты б, мужик, куда-нибудь уж тронулся, а. Но вместо этого произнёшу: «До Владимирского собора довезёшь? Сколько будет стоить?»

– Пятнадцать гривен! Садись, – мужичонка, надо сказать, был какой-то «некиевский». Всклоненная борода, зимняя шапка набекрень, будто дело происходит не в центре украинской столицы среди неоновых огней, машин и рекламы, а где-то в отдалённом леспромхозе. Я забыл про миллионеров, глобализацию, бизнес и про то, что опаздываю. Сел в машину. Через десять минут вошёл во Владимирский собор и сразу понял, где лежит она – Варвара.

Подходил к её мощам и прикладывался три раза. Пока не остановилось время где-то внутри меня. Тогда я просто стоял у её мощей и не хотел никуда уходить. Было спокойно и вечно в душе.

Удивительное дело, но при том, что в храме стояло человек 100-150, к мощам святой великомученицы никто не подходил. Люди просто слонялись, глазели. Светленькая женщина с печальным лицом, но ясным лицом сосредоточенно молилась у иконы Спаса Нерукотворного, потом к ней подошла и будто за компанию сочувственно встала ещё одна.

Здесь, во Владимирском соборе, есть ещё одна великая святыня – Смоленская икона Божьей Матери, подаренная в 1812 году казаками атамана Платова фельдмаршалу Кутузову. А Владимировскому собору эту икону подарили маршал Георгий Константинович Жуков после освобождения Киева от фашистов в 1943-м. Но я всё это узнаю только на следующий день, когда приеду во Владимирский собор снова. А пока я стою у мощей святой Варвары, и оторопевшее сердце благодарит её за всё и спрашивает: «Я до тебя дошёл. Я знал, что дойду. Почему ты как немая лежишь и молчишь, будто не знаешь, что я хочу услышать тебя. Ты принимаешь меня? Или я по дерзости и по мыслеумилю припёрся, не спросясь, и что-то мню сам в себе. Может, мне вообще всё придумалось? Дай же знак, что ты слышишь меня, что мне можно к тебе».

Горела в руке свеча. Ходили и стояли вокруг люди. Я стоял, стоял, уже и не думая ни о чём.

Откуда-то от церковной лавки прошёл к алтарю молодой священник. По пути обнял мальчика лет семи за плечи, провёл его с собой до амвона, что-то тихо говорил ему на ушко. Потом обернулся в глубину храма и, показав пальцем на меня, сказал: «Проходьте сюда, проходьте».

Я миновал канаты, отгораживавшие, как в музее, алтарную часть от остальной части храма.

– Вон там, – сказал священник, – мощи великомученицы Варвары, – и показал пальцем.

– Да. Я уже приложился, – кивнул я, понимая, что он этого не видел.

– Хотите я их вам открою? – спросил иерей, глядя мне в бороду, а точнее, будто куда-то за меня. А мне уже было понятно, кто говорит через него. Я был ошеломлён. Полон храм людей – и молодых, и старых, а священник зовёт почему-то именно меня. Зовёт, чтобы сказать не о чём-нибудь, а о Варваре. И не о Варваре просто, а чтобы открыть мне её мощи.

«Ты что-нибудь понимаешь, маловерный? – говорил я себе. – Варвара, у меня нет слов, и сердце моё скудно и немощно, чтобы как-то можно было сказать, вымолвить, поблагодарить тебя и оставить само сердце на твоих мощах. Но это тебе не нужно. Спасение наше нужно тебе, а я так далёк от него». Стоял в храме, но был я, словно вне времени и не на земле.

Пока священник по моей просьбе освящал на мощах мой нательный крестик, я смотрел на икону, лежавшую в головах мощей. Голова девицы Варвары скорбно склонена на бок, тонкая шея: «Как же тебе было больно! Как же они рвали тебя железом, такую красивую и тихую? Сколько же боли, веры и любви сконцентрировала в себе твоя плоть, лежащая семнадцать веков, а теперь под этим покрывалом. И сколько вместила Душа в молениях за нас, грешных!..»

Что-то в молитве моей и в состоянии моём было больше храма, больше этого Владимира собора. Будто какие-то соки жизни стекались извне и слетались в тот момент сюда – к пространству между мной и святой великомученицей

Варварой. Не знаю, сколько яостоял. На бизнес-семинар опоздал, конечно. Когда приехал в Спорт-Палац, на сцене выступал австралийский миллионер Вадо Джеймс – мой ровесник, проживший совсем не похожую на мою, другую, жизнь где-то в Венгрии, а потом в Австралии. Он говорил правильные слова. О законах Больших Чисел и законах Средних Величин. Там была «правда пифагорейской школы мудрости» с её «теориями куба» и веерными преумножениями пирамид.

* * *

Но вернусь на несколько лет назад. Праздник Покрова Богородицы в 1998 году был дождливым. Даже в Ульяновском Троице-Стефановском монастыре, где на Покров всегда выпадает снег, в 1998 году он выпал только в ночь на 15-е октября. Будто опоздал на сутки.

Небо поливало нас прощальным осенним дождём – ледяным и звонким. Ветер гулял в колокольне и посвистывал в проводах. А мы с иеромонахом Гавриилом стояли на выходе из храма Зосимы и Савватия и вели беседы о знаках Божьих и странностях человеческих судеб.

– Понимаете, Григорий, – рассуждал отец Гавриил, – Христос в Евангелии, если вы внимательно читали, чаще, чем «любите», говорит «не бойтесь». Наши страхи очень дорого стоят. Очень дорого. И в материальном смысле, и в смысле здоровья, а в конечном счёте, и в достижении бессмертия. Даже в жизни христиан, людей любящих, страхи делают судьбу порою больше, чем любовь. Это так печально. Должно стремиться только к одному страху – страху Божию. А что это такое? Как его отличить от других? Я бы привёл такой пример. Представьте себе – играют два мудреца в шахматы у ног Царя. Сложная партия. Шахматы, они ведь персами придуманы, как философия жизни. Так вот, сложная идёт партия. А у кого жизнь несложная? Играли-играли, один победил, другой проиграл. Но кто победил? Совсем не обязательно тот, кто выиграл на доске (читай – в миру). А тот, кто всю игру помнил, у чьих ног он сидит и частью чьей партии он сам является. Такая память и есть страх Божий.

* * *

В киевском Спорт-Палаце под грохот бодрой приветственной музыки я почему-то вспомнил тот разговор, пытаясь понять здесь, на этом «съезде победителей», много ли тех, кто помнит о том, у Чьих ног мы играем в финансовые шахматы. Не осуждаю никого, только молюсь. Не приведи, Господи, забыть о Тебе – Кто всё рождает, Кто нас терпит и Чьё присутствие, Чью красоту ум человеческий вместить не может. Но может Ими наполниться, подобно той девушке из башни, которая лёгким шагом пересекла столетия и всегда рядом с теми, кто страждет и тоскует о красоте.

Я сидел остекленевший, смотрел на трибуны, на восторженные лица, и я был не здесь. Мой партнёр по бизнесу Лена Исакова, волнуясь, пробралась ко мне по ряду и спросила: «Мы беспокоились. Ты где был?» – «У святой Варвары во Владимирском соборе», – ответил я. Лена взглянула мне в глаза, улыбнулась и сказала: «Ты и сейчас там. Всё понятно».

Одной цепью

Малюсенькое окошечко чёрной бани. Сумеречный свет в окошке. Влажным холодом вползает туман, стёкол нет, и жёлтый прямоугольник, величиной в два хороших мужицких кулака, вбирает густой, наполненный звенящей тишиной воздух.

Роман выглянул в оконце – не видно ничего: ни свинцово-тяжёлого течения осенней реки, ни противоположного берега с чистым бором корабельных сосен – туман. Он осторожно потянул в себя воздух и натужно закашлял, маразм борты телогрейки кровью отбитых лёгких.

«Всё». И он заплакал, дышась кашлем, опрокинулся на спину и засучил ногами по невидимому в темноте и потерявшему в сознании полу.

Его бил поздним вечером комендант «общежития» – удивительным смыслом оборачиваются знакомые слова – сначала кулаками подых (это чтобы фингалов не было), потом комендант всё чаще и чаще запихивал руку в дыхало, как в мешок. Он бил и распалил себя.

– Хад!.. Экономическая вражина... Приписал Снегиревой... Сне-ги-ре-вой, – так на каждый слог по удару, – нор-моч-ку. А мне значит – срок! Курва. А мне по лагерям?! Да я тя, вошь интелли... – и не было края ненависти и слоям, как не было сочувствия хотя бы во взгляде писаря у дверей.

Не пристало ждать сочувствия, пора было бы отвыкнуть – поселенец Усть-Вымьлага, в далёком прошлом литературный сотрудник театра, в прошлом недалёком – № 20116 того же изуродованного в собачий лай названия – Усть-Вымьлаг, он, Роман, подыхал сейчас, как собака, успевшая увидеть смерть раньше смерти и напрягшая всё свое существо для схватки с нею.

Комендант кричал тогда ещё о том, что он, Роман Гудов, – «осёл», что Снегирева переспала со всеми, кроме медведя в тайге, что за приписки его, коменданта, по головке не погладят, а пошлют туда, где и медведей-то нет, не то что ослов таких, как Гудов, и «проституток», как Снегирева.

Потом комендант, крепкий коренастый мужик с по-крестьянски широко посаженным носом и не к месту добрыми пухлыми губами на озверевшей физиономии, бил упавшего Романа ногами. Тело, как мячик, меняло форму от тупых проникающих ударов, и Роман дёргался и поворачивался так, будто боялся, что какой-нибудь удар достигнет глубиной сердца. Он только чавкал под ударами, а когда потерял сознание, от очередного удара вырвался стон, неожиданно громкий, как крик.

Осатаневший комендант остановился, с любопытством, как на рожающую суку, взглянул в лицо Роману и на его истыканную носком сапога телогрейку. Почесал затылок, испуганно оглянулся и, лязгнув зубами, проглотил порцию мата для писаря. Он закурил, дрожащими руками свернул цигарку и мелко, как телок однодневок в вымя, потыкался в уголёк, который выгреб из печи.

– Слыши, – обратился он к писарю, – снеси-ка его в изолятор... в баньку, то есть.

А когда отнесли, и он запер баньку на засов, а засов замкнул сооружением, кованым ещё в начале века, тогда Егор Пантилеевич уже чуть успокоенным тоном попросил непроницаемого писаря с вечным выражением козьего равнодушия на лице:

— Ты того... Заглянь к нему по утру... Август, не замёрзнет, но... ты глянь. Хлипкий какой — тиллигент... Понял?

Когда-то красавая, а сейчас иссушённая, почерневшая поселенка Снегирева не была проституткой. Она была сумасшедшей, тихо тронутой от пришедшей стадом беды: смерти трёхлетнего сына, двух, подряд, изнасилований конвоем на пересылках, голода и издевательств матёрых подруг по несчастью. Она была тихая, вечно голодная и легко, за хлеб, покупаемая мужчинами, потому что не понимала того, что продаётся. Работала она, как нормальная, — с топором ни на кого не бросалась. Её выработанные кубы, которые вечером обращались в полновесную пайку, подруги укорачивали, а то и вовсе отбирали. Она кротко смотрела на мир полуослепшими от слёз глазами, высмотревшими в этой жизни уже всё.

Роман вернул ей на бумажке учёта те кубы, приписал «сверх» — всё-таки дополнительный паёк. Думал — государство не обеднеет. Четыре раза этот номер прошёл, на пятый его избил комендант. То ли за то, что считал — государство обеднеет, то ли за то, что считал только себя полномочным решать, кто стоит приписок на доппаёк, а кто нет.

Роман затылком чувствовал песок на грязном, затоптанном полу давно не топленной баньки. С тех пор, как банька стала изолятором, она не знала ни берёзового морёного духа ошпаренных веников, ни густого жара полатей, ни тепла, вообще какого бы то ни было. Банька стала камерой, а после случая, когда на дверном косяке удавился цыган-поселенец Шурка Мамутов, оторвали и косяки, выдернув с широкополыми гвоздями, с «мясом» успевшего почернеть до сердцевины дерева.

«Отбитые лёгкие — это смерть». Она так скорбно заждалась Ромушку, дистрофика и язвенника, мыслителя, не дописавшего детской пьесы литсотрудника.

Пять лет назад, в 1940, когда он перед следователем невнятно, через свои дурацкие «так сказать», «поскольку» и «безусловно» объяснил, что он не «перевалочная точка подрывной литературы немецкой разведки», тогда он случайно увидел на захлопнутом «деле»: «ГУДОВ Роман Сергеевич. Год рождения 1914. Драматург». Знал бы следователь, как это «драматург» сделало Романа счастливейшим человеком на свете, несмотря на то, что отделяла его от света кованая дверь, несмотря на то, что на ужин дали солёную до горечи селёдку и забыли дать воды. «Драматург» — и Роман по-щеняччи доверился человеку, как казалось, удивительно высоко поставившего его. Ему, однако, так же вежливо пришлось и дальше доказывать, что он не верблюд, а следователь, так высоко его поставивший, его и посадил.

Сейчас ему хотелось пить, как тогда, после селёдки, но пить хотелось от солёной вязкой крови во рту, от начавшегося жара. Горело внутри — в груди, в животе, в голове. И только потому, что в изоляторе была почти кромешная темень, он ещё легко отделял сон и бред от чёрной и простой, как могила, яви.

Дышалось с трудом. Грудная клетка не могла вобрать воздух, то ли сдавленная поломанными ребрами, то ли это запёкшаяся кровь в лёгких не пропускала по тысячам своих сосудов кислород.

Зря комендант Егор Пантилеевич боялся, что интеллигент замёрзнет. Воздух был тёплым и плотным, как в протопленной бане. Он душил, этот воздух.

На Романа тяжело, как когда-то в детстве, наволакивалась в полузабытьи

куча мала. Пацаны его деревянной двухэтажной улицы собирались в широком переулке, где с одной стороны за кованым фигурным забором был заброшенный сад бывшего купца, а с другой – здание конторы, вечно тёмное по вечерам и потому равнодушное к футбольному гвалту, дракам и прочим деталям мальчишеского существования.

Ожидали кого-то из пацанов, убежавшего за мячом. Тот задерживался, начали скучать. И тогда от скуки на Ромку, вечного развязу, налетел сзади его дружок Миша, крикнув в момент нападения:

– Ур-ра! Куча мала!

Ромка весело гикнул, принимая игру, поваленный Мишкой, крепко прижимавшим его всем телом к земле. И посыпалась в кучу малу пацанва. Хрустнуло неловко оттопыренное плечо Романа. Охнул, хотел крикнуть, но не дали. Для крика не хватило в груди, придавленной к земле, воздуха. Он понял, что сейчас задохнётся, а его душители и не понимают этого, выпутил глаза в ужасе, кося ими в оказавшееся рядом лицо Мишки. Но Мишка от этого только захохотал, видно, смешной ему показалась рожица Ромки с будто дурашливо вытаращенными глазами. Мишка давил телом и смеялся.

А потом захлебнулся его смех, и полезли из орбит глаза – теперь задыхался он, а тот, кто был над ним, хохотал, глядя в Мишкино лицо. Но через секунду захлебнулся и тот, наверху...

Комендант Егор Пантилеевич в тот вечер на поселенцев больше не шумел. Умеренно гаркнул пару раз по пустякам, да ёщё, правда, проходя мимо сушилки женского барака и столкнувшись со Снегиревой в нижнем белье, чешущейся от щекотавшего ветерка, он со стоном вытянул её кнутом через грудь и живот. Дома раздражённо, тяжело шлёпнул по затылку младшего четырёхлетнего сына, тот просил, по-детски шепеляво, распахивая в ожидании глазёнки, сделать свистульку из стричка акации, но какая тут, к чёрту, свистулька...

У Егора ёкнуло сердце, когда заплакавший босоногий сын горько ткнулся мордашкой в тряпью, спрятавшись на печи. Егор всё больше раздражался на себя, не доужинал, бросил в сердцах ложку на стол, психанул и ушёл спать...

Уснул он сразу, усталость в старых больных ногах, накопленная за день, валила с ног и сушила голову сном.

Ноги, что ли, быстро отошли, но около трёх часов ночи Егор проснулся и испуганно, будто что-то проспал, подскочил на кровати. Нечаянно зацепил разомлевшую во сне жену локтем. Та шумнула было:

– Сдурел?! Чтоб те попрыгунчик плешь оммерял...

– Иди ты!..

Показалось ему – беду проспал. Он уже догадался, где его беда. Заталкивая жёлтые, кручёные ревматизмом ноги в штанины, сутил руками по ширинке и готов был завыть:

«Убил ведь. Дохлый этот... Ну, чересчур же... Ой, сволота, сволота! Не в мои годы по лагерям-то мотаться».

Роман приходил в сознание уже только на короткие паузы. Вталкивал в себя воздух, пока не начинал пузыриться на губах кровавый кашель. Он не слышал, как лязгнул замком и запором комендант, как тот со смертельной тоской, чуть не плача, выругался и шептал: «К доктору, в Заречье... Дык за тебя вить... Сукин

ты сы-ы-ын, ваша ить братия на «столыпинке» суд наведеть – кровопи-и-ивцы... А дети-и?». Комендант и сам с каждой секундой всё больше понимал размер катастрофы, и это его «а дети?» развернуло перед ним весь мрак надвигающегося несчастья.

На своей телогрейке волоком тащил он Романа к реке. В лодку занёс на руках. Сел за вёсла, в густом тумане отчалил от берега и зачапал скрипящими в уключинах вёслами.

Роман очнулся, наверное, от холодной сырости тумана, почувствовал, что его качает, увидел светлый воздух перед лицом.

Егор бросил вёсла.

– Парень, – он наклонился к Роману. – Парень, ты того... потерпи. Мы дело исправим, – не те слова лезли на язык, но Егор не мог сразу найти другие слова, какие сейчас нужны.

Этого бессловесного, вчера одного из многих, а сегодня единственного, главного, как наследник, ему страшно захотелось назвать сыном, но он боялся этого слова, потому что это была страшная ложь в его чувствах и страшная правда по сути, потому что он убил сына по положению, в котором оказался – убил завтрашнего себя.

Это ли он понял, или кошмар опустил его на дно лодки, заставил обхватить голову руками, и, раскачиваясь всем телом, он горько-горько заскулил. Роман, приподняв голову на плач, в который уж раз закашлял кровью, размазав ладонью липкую чёрную слюну, посмотрел на ладонь и заклекотал:

– Эк, беда какая... Плачешь, стариk?.. Беда наша... – и опрокинулся, задавленный бредовой кучей-малой.

Хрипы в груди сливались со стонами коменданта. Тот будто лежал на Романе и смеялся смехом дружка Мишки; странный смех этот был всхлипывающим и журчащим, как мощное, но плавное течение за бортом.

Лодку в кромешном молоке тумана несло на голый, без единого кустика, песчаный остров. Только обоим в той лодке это было уже неважно.

Дмитрий Кривцов

Кривцов Дмитрий Константинович родился в 1959 году в городе Комсомольске Ивановской области. Окончил Ленинградский инженерно-строительный институт в 1982 г. В 1993 г. защитил кандидатскую диссертацию. Работал преподавателем в Ухтинском индустриальном институте, научным сотрудником в Северном филиале ВНИИСТ, переводчиком (английский язык), рабочим, мастером, прорабом. Ведущий инженер ООО «Газпром инвест Запад». Автор стихотворных книжек «Белым ковром оленевого мха» и «Для детей и про детей». Рассказы печатались в альманахах «Литературный факел» московского издательства «Газоил пресс». Победитель литературного конкурса «Факел – 2004» в номинации «Поэзия». За рассказ «Степаныч» награждён Почётным Дипломом литературного конкурса «Факел – 2006». В октябре 2008 г. принят в члены Московской областной организации Союза писателей России. Живёт в Ухте.

Январская купель

Рассказ

Из деревни Кедва выехала подвода. В санях ехали все: глава семьи, Петр, жена его Ольга и двое их сыновей: Ванька одиннадцати лет и Сашка девяти. Надо было проверить «морды» на реке. В этом году зима стояла на редкость тёплая. Небольшие для Севера морозы стояли лишь в ноябре. А весь декабрь термометр не «падал» ниже минус пяти. Река замёрзла не везде, что позволяло рыбачить «мордами» даже в это время. Теперь особенно хорошо шёл богатый икрой налим. Река с тем же названием, Кедва, рыбой была щедра. Прежде всего, она славилась хариусиной рыбалкой. И летом и зимой. Деревенские, правда, зимой хариусом особенно не промышляли, потому что привыкли ловить десятками и сотнями килограммов. А зимой из лунок этого много не натаскаешь. Поэтому подлёдная рыбалка оставалась приоритетом нечастых в этом, даже для Коми, захолустье, городских рыбаков.

С нового года вообще стояла натуральная оттепель. И хоть снега в лесу навалило не меньше чем обычно, никто, ни люди, ни звери, ни птицы не воспринимали эту зиму всерьёз.

От деревни отъехали уже далеко. Часам к двенадцати Петр снял шесть «морд». Осталось проверить ещё две. Тёплая зима, тем не менее, не нарушила ход времени,

а темнота в этих краях в начале января наступает в три часа пополудни. До избы, где они собирались переночевать, оставалось километров пять и две остановки на работу. Дорога, вернее просто колея, по которой и УАЗик-то с трудом пройдёт, всё время шла вдоль реки, не особенно от неё удаляясь.

Затянутое тучами небо было готово выдать очередную порцию снега. Ехали молча. Петр уже мечтал о рюмке самогона, Ольга думала о том, что в их лесной избе надо бы заменить матрасы, а пацаны забавлялись тем, что на ходу лепили снежки и упражнялись в меткости по стволам сосен. Лошадка бежала споро, давно зная этот маршрут. Тишина, покой и обыденность, нарушить которую мог бы, разве что, лось или олень, выбежавший на дорогу, что случалось не редко.

В этот день, восьмого января, муж привёз Любку на берег Кедвы в то место, где хариус брал лучше всего. Они с компанией отдыхали в деревне с тридцатого декабря. Все новогодние каникулы. Завтра предстояло уезжать, и Любке хотелось последний раз потягаться из лунок хариуса. Зная характер и опытность жены, муж спокойно оставил её одну на реке, обещав подъехать в начале первого.

В этом месте река делала плавный поворот с глубокими зимовальными ямами в начале и в конце поворота, в которых с осени скапливалась рыба. Любка с самого начала ловила только здесь, и ловила успешно. Мужики ходили где-то выше и ниже по течению, тоже приносили достаточно рыбы, но отменные хвосты, весом под килограмм, были только у Любки. Она уже проверила верхнюю яму, взяв два хороших экземпляра и пару помельче, когда решила перейти на нижнюю. Надо было только забрать вещи, которые она оставила на стоянке, на берегу. Стоянка располагалась чуть выше на самом крутом участке поворота. Она не стала надевать лыжи и идти по берегу, на который без камуса забраться было довольно сложно, когда по льду можно ходить и так, без лыж. А рюкзак лежал вот он, у самого края. Любка в предвкушении очередных успехов на нижней яме добежала до стоянки и уже подходила к берегу, когда твердь под её ногами разверзлась.

Она вдруг ощущала чувство полёта, или невесомости. Оно длилось нескончаемо долго. Наверно, как у космонавтов, которых перед тем, как запустить на орбиту, проверяют в специальных самолётах. Самолёты залетают на большую высоту, а потом очень быстро летят вниз. Так быстро, что внутри создаётся невесомость. Она длится всего несколько секунд. И люди там, летают в невесомости. Это показывали по телевизору.

Ей показалось, что, пока она уходила под лёд, прошло очень много времени. Как в кино. Как в замедленной съёмке. Она будто видела себя в этом страшном замедленном кино.

А потом вода сомкнулась над головой, и дна не было. Вот в этот момент все мысли про космонавтов кончились. Наверное, включился инстинкт, который заставил её сделать какие-то правильные движения, и выплыть в лунку, которую она сама же и проделала своим телом, а не быть затащенной течением под лёд. В первый момент помогла, конечно, одежда из синтепона, насыщенная воздухом. Этот воздух и вытолкнул её наверх.

Она всплыла, и дневной свет вернул её к ужасающей реальности.

До берега метров пять. Сильнейшее течение, которое тащит её под лёд. Дна нет.

Странно, но Люба не запаниковала.

Бездумное чувство самосохранения заставило её карабкаться наружу, и она, не чувствуя боли, тут же под корень обломала все ногти, и разодрала шею об острый край льда. Она увидела перед собой пропитанный её же кровью снег. А избавления не наступило. Люба лезла и лезла на лёд, обламывая его мелкими кусками. Одежда набухла водой и отчаянно тянула вниз. Наверно, в стоячей воде тонуть не так страшно, но на течении, подо льдом... И сапоги. Они были её убийцами. Когда они полностью налились водой, с идеей выбраться пришлось проститься. Силы были только чтобы держаться за край льда и не дать себя затянуть течению под него.

Люба не знала, сколько времени это продолжалось. Наверное, целую вечность. И тогда она стала молиться. Она не думала о детях, о муже, о грехах, об их искуплении. Она неистово просила бога о жизни. Только о жизни. Наверно, холод сковал грудную клетку, и она не могла кричать, но хрипела: «Боже, спаси меня! Боже, спаси меня! Боже, спаси меня!»

И Бог её услышал. Течение сорвало сначала один сапог, потом второй. Уже потом Люба сообразила, что она их просто не зашнуровала.

Стало значительно легче, и Люба опять начала продираться к берегу. Она видела свои абсолютно белые пальцы. Крови на них не было. Вся кровь оставалась на снегу и льду, который она проламывала, пытаясь приблизиться к берегу. Теперь страшной тяжестью тянула вниз куртка. Неимоверными усилиями ей удалось её расстегнуть, но расстёгнутая она оказалась ещё тяжелее. Парусность у неё увеличилась, и течение с радостью воспользовалось этим, пытаясь сожрать человека. Почувствовав это, она стала отчаянно, насколько позволяла сковывавшая движения куртка, ломать лёд, приближаясь к берегу. Но чем ближе она к нему приближалась, тем толще он становился и, тем сильнее становилось течение.

В какой-то момент Любे показалось, что силы оставляют её. Неслушающиеся уже руками она вцепилась за кромку льда, как вдруг ногами почувствовала какую-то призрачную опору. Это был сук притопленного дерева, и течение колыхало его вверх-вниз. Носочками она как-то оперлась на него, и он дал ей спасительную секундочку, чтобы освободиться от куртки. Убийственная тяжесть упала под лёд.

И тут вдруг Люба поверила, что спасётся, хотя несколько мгновений назад уже прощалась с жизнью. Какие там у неё оставались силы? Но их всё-таки хватило добраться до берега. Наверное, на какое-то время она потеряла сознание. Может быть, на несколько секунд или минут. Но, очнувшись, Люба обнаружила себя на снегу. И вот тут она ощутила настояще блаженство. Ей было тепло, хорошо, мягко, как в постели. Голой щекой, лёжа на снегу, ей казалось, что она лежит на подушке. Вставать не хотелось. Хотелось просто уснуть. То есть, натурально замёрзнуть.

Но недаром же она молилась. Бог не дал ей заснуть, но внушил мысль, что надо вставать. Как это было тяжело! С неимоверными усилиями она добралась до рюкзака. Остатки сознания подсказывали, что там есть смена белья и свитер.

Но действия отнимающихся от холода рук хватило только на то, чтобы раздеться. Полнотью.

Это уже потом, когда вернулась к жизни, она вспомнила, что, взяв рюкзак на локоть, голая, босиком выбежала на дорогу и побежала в сторону деревни.

Петр со своими мыслями и мечтами, не избалованный телевизором и другими средствами информации, долго соображал и смотрел на непонятное явление: на встречу им бежала голая женщина с рюкзаком на одной руке. Сознание человека, всю жизнь прожившего в оторванной от цивилизации деревне, в которой нет ничего, даже магазина, в которую не ходит никакой транспорт, и только изредка на высокопроходимой технике зимой, или на лодке летом кто-то приезжает. Который кроме своей жены Ольги и двух десятков деревенских баб в тулуках никаких других не видел, долго не мог справиться с предложенной задачей. Нет, допустим, увидел бы он глухаря на дороге, или на дереве. Нет, не глухаря. Лося. Он знал бы, что делать! Нет. Задача посложней. Увидел бы он машину, что очень маловероятно, но, допустим. Он чуть-чуть посоображал, ну, пару минут, и решил, что машина здесь могла появиться из Керок, или, в крайнем случае, из Ижмы. А как реку переехала? Льда-то нет. Но и тут пытливый мозг Петра подсказал бы ему, что, наверное, по причине такой тёплой зимы восстановили один из бродов. И это всё было бы понятно, логично, объяснимо. Но красавая, молодая, да ещё голая женщина! Здесь! Это поставило его в тупик.

Он толкнул жену и просто попросил о помощи: «Оль, глянь-ка».

Ольга до сего момента сидела к движению спиной. На толчок мужа она обернулась и тоже не поверила своим глазам. Однако женский ум гораздо быстрее мужского. Ещё не разобравшись в ситуации, она сразу поняла, что случилась беда. А тут ещё женщина упала на колени и закричала: «Помогите!»

Муж Любы, Николай, никогда не переживал за жену. Сам страстный рыбак, он всегда брал её с собой в любые, даже самые дальние поездки. Сколько он её знал, рыбалку она не променяла бы ни на какой другой вид отдыха. Особенно жена втянулась в это дело после того, как закончила выступления на сцене. Да, Люба была певицей. А сейчас она руководила хором и занималась другой культурно-массовой работой.

Сколько раз бывало, они большой мужской компанией выезжали на рыбалку. И Люба с ними. Мужики, зная все рыбные места на реке, разбредались кто куда. Муж показывал, где примерно можно ловить (недалеко от лагеря), и сам тоже исчезал на целый день. Вечером все собирались и начинали хвалиться своим уловом. Кто больше всех наловил? Люба! Кто сёмгу поймал? Никто, хотя все мужики хотели и специально готовились, и счасти имели соответствующие, и приехали-то на это место в основном за сёмгой, а не за хариусом. Ни у кого она даже не клюнула. А у Любы не только клюнула, но и крепко села на блесну. Да вот только спиннинг с катушкой были не для сёмги. Леска вообще стояла ноль три миллиметра, и было её на шпule всего метров сорок. А для ловли хариуса, зачем больше? Рыбина сразу смотала с лёгкой без надёжного тормоза катушки всю леску, несколько раз рванула и сошла. Хорошо, что рядом оказался свидетель этой короткой схватки с сёмгой. А то никто бы не поверил в рассказ жен-

щины. Ещё бы! У них, настоящих рыбаков, не клюнула, а у этой певички почти поймалась.

Этот Новый год решили встречать в деревне Кедва, где у мужа жили знакомые, и где были великолепные места для зимней рыбалки. На двух машинах приехали тридцатого декабря. Три дня веселились на славу. Со второго января начали выезжать на речку. Погода стояла тёплая, можно сказать, весенняя, но хариус ловился плохо. За четыре часа светового дня никому не удавалось вытащить больше десятка хвостов. Хорошо, помогали донки, оставляемые на ночь. Утром почти на всех крючках сидели или налимьи, или хариусы. Так ловили до восьмого числа. Девятого надо было уже уезжать. Новогодние каникулы заканчивались. Сегодня восьмого мужики на реку не поехали. Накануне, наотмечавшись Рождества Христова, все болели. Любे с трудом удалось поднять утром Николая, чтобы тот отвёз её на любимое место. И вот сейчас он ехал, чтобы её забрать.

Подъехав к реке, он продолжительно посигналил и, заглушив мотор, пошёл к берегу.

Уже подходя к костищу, где всегда оставляли вещи, он почувствовал неладное. Во-первых, ещё раньше, он увидел на снегу капельки крови, на которые сначала не обратил внимание. Но у самого костища крови было больше. Мало того, всюду была разбросана мокрая Любина одежда: тёплые зимние штаны, рейтзузы, свитер, кофта, майка, шерстяные и простые носки. Присмотревшись, он увидел следы голых ног. И только, обнаружив эти следы, Николай похолодел. Отвратительное чувство страха лавиной ворвалось в его не очень трезвый организм. С диким криком «Люба», он побежал к краю берега. Перед его округлившимися от ужаса глазами предстала страшная картина. Начинаясь от самого берега, в реку уходила узкая, как канал, пятиметровая полынь с бурлящей в ней водой. Было хорошо видно, какое сильное подо льдом течение. Все края полыни были красными от крови. От воды по берегу также тянулись кровавые следы. В одном месте он ясно разглядел на снегу отпечаток лежащего человека. То есть его жены. Это он сразу понял. Тут его как молнией пронзило: он ясно представил всю картину произошедшего. Он увидел свою Любу, продирающуюся по полынью к берегу, ломая и выворачивая о лёд ногти, он увидел её лежащую в изнеможении на снегу. Он это всё видел. Он не видел только её наяву.

Николай заорал на весь лес так, как никогда в жизни не орал. Лес ответил ему гнетущей тишиной. Тогда он стал изучать следы вокруг костища, и обнаружил, что Люба босиком и (!) голая пошла в сторону дороги.

Николай бегом вернулся к дороге, продолжая изучать следы. Они шли в сторону деревни. Но почему он её не встретил? Из свежих на дороге были только следы запряжённых саней, ведущих в обратную сторону. Он бросился к машине, и на бешено, насколько позволяла дорога, скорости, рискуя слететь с высокого берега, поехал по следу. Через несколько километров сани свернули в сторону реки. На УАЗике дальше было не проехать. Николай бросил машину и побежал. Он не помнил, сколько бежал. Может, час, может, четверть часа. Все его мысли были только о жене. Он молил Бога, чтобы она была жива. Только, чтобы жива. Ему больше ничего не нужно. Он вспомнил все большие и маленькие обиды, которые доставил ей, и просил Бога сохранить ей жизнь, чтобы иметь возможность искупить их.

Лесная изба возникла неожиданно. Не обращая внимания на яростный лай собаки, Николай подбежал к двери, и распахнул её. Его Люба, укрытая ватным одеялом, лежала на нарах. Из-под одеяла видны были обмотанные белыми тряпками руки. Она спала. Лицо её выражало одновременно и неимоверную, граничащую со страданием усталость, и блаженство.

Я встретил Любу через три месяца после этого случая, в начале марта. Опять же на рыбалке. На соревнованиях по подлёдному лову на Белом озере, что под Ропчей. От неё и услышал полный рассказ про купание в Кедве. Доктор, который лечил её тогда, велел как можно больше рассказывать про это, чтобы избавиться от стресса. Люба сказала, что муж её с трудом отпустил, да и то только потому, что в феврале стояли крепкие морозы, и лёд на озере образовался толстый, и потому что там нет течения, и народа много. Но ходила она по льду с не зашнурованными сапогами и не застёгнутой курткой.

*Ухта,
март 2007*

Игорь Вавилов

Вавилов Игорь Александрович. Публиковался в журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Крецатик» (Германия), «Наш современник», различных литературных альманахах. Член Союза писателей России, Союза российских писателей, Союза литераторов России. Автор поэтического сборника «Строка состояния» (2004 год).

Сущность эпохи

Рассказы

Птахи Божьи

Васька успел выстрелить первым. Стайка воробьёв, пыля и толкаясь, мигом поднялась с земли и улетучилась. Улетела маленькой тучкой от греха подальше. Только один желторотый остался лежать на боку среди хлебных крошек и мёртвых листьев.

— Смотри, ты самому мелкому в башку попал, он живой ещё, — сказал Серёга, раздосадованный, что не держал под рукой свою рогатку, и Васька его опередил.

Серёга на год младше, но ростом с Ваську и с виду даже чуток его здоровее. По старшинству — Васька, конечно, лидер, но это когда как. Только между собой они и соревновались, а с другими пацанами, если что — друг за друга стеной. Вместе почти всегда. Некоторые их даже за братьев принимали и без особой нужды не связывались, не задирали.

Васька поднял ещё тёплый комочек и зачем-то сказал:

— Давай похороним его.

— Может, кошаре моей отдадим? — предложил Серёга. — А-а, ладно, давай похороним. За гаражами.

Васька подкопал ямку, Серёга нашёл коробку и смастерили крестик. Он мастеровитый, Серёга...

...После девятого класса на всё лето Васька уехал в экспедицию с геологами. Старшая сестра устроила по знакомству. Сплавлялись по северным рекам на резиновых лодках. Красота. Нравилось всё, а особенно, что доверили настоящую двустволку с мешком патронов. Так много он ещё никогда не стрелял. Палил по

пустым консервным банкам, древесным грибам и неожиданно попадающимся, редким в тех местах, уткам. По ним всегда мазал, никак не мог приоровиться к их неожиданному появлению и потому огорчался. Однажды, после очередного расстройства, подстрелил со зла дятла. Минуту назад красавец что-то наковыривал в стволе огромной пихты, потом скатился, как по ступенькам с веток и, раскинув крылья, упал навзничь. В такой позе птица одновременно напоминала гербовое изображение какого-то государства и крылатое чудовище времён динозавров, только маленько.

На следующий день лодка Васьки после быстрого речного переката, не успев вырулить на повороте, попала в водоворот. Она накренилась, и ружьё, лежавшее на запакованном грузе, чуть не свалилось в воду. Васька потянулся за ним, подсунул ствол под обвязку, но сам вдруг поскользнулся и свалился в неспокойную муть, очутившись почему-то сразу под днищем. Моментально и спасательный жилет, и бродни сделались чугунными...

...Сквозь непоборимую дрёму Васька подумал: «Смешная у нашего сержанта фамилия – Пух. Хохляцкая что ли? Весь день нас сегодня подзуживал с ехидной улыбочкой; завтра, мол, тени*, ваш первый прыжок. С неба высоко падать – всё может случиться, на кого-то по рублику скидываться будем, письма домой все написали, с мамочками успели попрощаться?»

А страха особого и не было. А жизнь вся была впереди. А потому было – всё равно.

Ирландские танцы

Сначала десять человек, потом двадцать, потом ещё и ещё. Мужчины и женщины в самом расцвете выкладывают по полной программе. Очень впечатляет, когда огромная масса людей, словно запрограммированная, как один...

Откуда они берутся? Где росли? Воспитание что ли особенное? Откуда рвение, энергия? Во имя какой такой цели? Ведь и страдают и идут с потерями. До пенсии доживают единицы, часто в нищете и болезнях. Не знаю, как там у них на Суде происходит, но, думаю, тоже не без напряга. А вот, поди ж – глаза горят, трясутся от предвкушения и вожделения, сочатся даже.

Их можно сравнить с травой, прущей из-под асфальта, на грядках, сквозь битум на крыше. Поделать что-либо невозможно. Полумеры не годятся, а внимания не обращать – врать самому себе. Главное ведь что? Самому себе не врать. Фантазировать и сочинять можно. Врать – нельзя. Раз соврёшь – считай сорвал клапан, всё. Дальше начинается борьба, и побеждает всегда вранье. А они вот не врут. Они знают, что врать нельзя. Мужчины и женщины в самом расцвете. Выкладывают по полной программе. Очень впечатляет, когда огромная масса людей, словно запрограммированная, как один... Стучат, стучат, стучат, стучат, стучат, стучат...

* «Тень» – в некоторых воинских подразделениях уничижительное обращение к солдатам-новобранцам.

Сущность эпохи

Не знаю, в чём она. Петрович вот настаивает, что сначала надо определить её временные отрезки и только потом вести разговор о сущности. Логично, вообщето.

Его, теперь уже бывшая, считает, что сущность эпохи в научно-технической революции. Тоже вроде верно.

Моя жена склонна думать, что в поголовном безбожии. (Опять-таки, если без определения временных границ, то я согласен и с ней).

Мы эту тему подняли как-то в лесу, на привале. Пошли в начале августа разведать про грибы. Ходили, ходили, нашли в общей сложности два белых, три с половиной красноголовика, ещё несколько похожих на галлюциногены лисичек. Не сезон ещё. Давно уже заметил, если в городе грибы начинают торговать, тогда и в лес можно отправляться. А так, на удачу – результата не жди. Разве что воздухом подышать, да пообщаться.

Где-то далеко в холодном Баренцевом море лежала на брюхе русская подводная лодка. Отовсюду несли ахинею, что с моряками перестукиваются через стенку, всё, мол, в порядке.

– Интересно жизнь устроена, – закусив, заговорил Петрович, – где-то люди под водой гибнут, а мы на природе, отдыхаем красиво. Хотя, каждого из нас ждёт своя подлодка.

Потрясающий стоял день, без примесей, прозрачный и лёгкий. Комары наперебой пронзительно отзывались (тоже о катастрофе?) друг другу, время расслабилось и остановилось. Сущность эпохи тоже.

На посёлках

О нём всё ещё судачат. Уважаемый человек, и вот как поступил. У некоторых в голове не укладывается, иные уже относятся более или менее спокойно, но осадок, осадок-то остался у каждого. О чём, бишь, я?

Ну вот. Жил-был уважаемый человек со своей молодой женой. Он руководил, она учительствовала: дом, машина, ребёнок – полный порядок. Но пришла непривычная пора, уважаемый влюбился в другую. Да, помоложе она, да, поярче, но зачем так-то? План уважаемый продумал досконально. Поехал со своей учительницей в воскресенье как бы по магазинам в город. На грузовом пароме поставил свою машину у самого борта, не закрепил никак. Нашёл предлог, чтобы жёнушка из машины вышла (стоп-сигнал проверить или поворотники), и с ручника снял, тронулся «Уазик», проехал уважаемый полтора метра. Она за борт. Середина реки, поздняя осень...

Потаскали его маленько по ментурам, но ничего в итоге так и не доказали.

О чём, бишь, я? А, да, осадок, осадок-то...

Подслушал

— Я со старшим братаном первый раз на охоту пошёл в четырнадцать лет ещё, сразу на лося.

— Ты гонишь.

— Не, мля буду. Потом ещё с ним ходили.

— А щас чё не ходите?

— А он в тюрьме же.

— А чё?

— Мы баню истопили, а к братану Силя пришёл, друган его с детства. Он уже поддатый пришёл, ещё с родаками они накатили чуть-чуть, потом в баню пошли. Братан вдруг голый домой забегает, ружьё схватил и в баню опять. Потом приходит в трусах уже, ружьё поставил и говорит, что Силя его в таз с горячей водой саднул. Типа пошутить хотел.

Мать потом батю заставила другую баню рубить. Братан Силе всю дыню жаканом разнес на хер. Двенадцать лет дали. Он там нормально живёт, бульдозеристом работает. Полторы штуки в месяц имеет, калымит ещё. Пишет, что тачку купит, когда приедет.

— И чё, когда откладывается?

— Ещё восемь лет и сорок шесть дней.

Полупустой, тёплый, зимний автобус, хочется ехать дальше и дальше. Читать в полуздёме нацарапанные на светлой спинке предыдущего сидения разности. За каждым словом — какие-то жизни, люди, земляки, души: «Шняга», «Гуцул», «RAMSTAIN — ЛОХ», «Мартиты», «ДМБ-98», «ЛЮБУШКА», «Мы здесь были».

Тургенев

Мы познакомились в Москве, в общаге Литературного института. Паренёк зашёл к нам в комнату стрельнуть закурить. Слово за слово, познакомились, пошутили над его говорящей в этих стенах фамилией. Сказал, что родом он с Дальнего Востока, двадцать пять лет. Потом, когда Тургенев ушёл, никто почему-то не понял, кто он. Я предположил, что — поэт. Для драматурга — больно легковесен, для прозаика (хотя рассказывает умело) пока молод, а на поэта, в общем-то, тянет. Дальше ещё не раз и не два он коротал у нас угрюмые общежитские вечера. Судя по всему, с деньгами у него не ладилось и как-то так получилось, что столовался он почти каждый раз с нами. Иногда было видно, что уходить ему неохота, а мы после каждого его визита клялись в очередной раз узнать — кто же всё-таки он таков? Болтает о чём-то, вроде и смешно даже, а наутро никто и вспомнить не может, с чего мы так поздно спать улеглись. У меня вообще сложилось впечатление, что у Тургенева есть небольшой дар к гипнозу. Не то чтобы зомбирует, но как-то легко с ним, и проблемы отступают. Так казалось не мне одному.

Когда начались экзамены, мы немного отстранились от Алексея, (его звали Алексей, слово «Лёха» применительно к нему, он категорично, попросил не упот-

реблять), зубрили и нервничали, ужины не готовили, сутки напролёт гоняли крепкие чаи с сигаретами. Тургенев не наведывался. Один раз заскочил, сказал, что приехала какая-то его землячка, занял денег на шампанское и конфеты и исчез. Мы порешили, что денежки наши ушли без возврата, а Тургенев – фраер.

Прошло пара дней. Землячка фраера оказалась великолепной барышней с глянцевых обложек, благоуханно пропефилировав мимо меня по коридору, когда я шёл из кухни с кастрюлькой сиротского пачкового супчика. Богиню догонял шикарный бойфренд: элегантный костюмчик, стрижечка, все дела. Я даже не сразу понял, что это Алексей. Он улыбнулся мне и кивнул. Понятие «тургеневская женщина» обрело новую реальность и неожиданно новый смысл. Понятие «ЧМО» тоже. Я – жалкий, вонючий, затхлый мужичонка, почти с наслаждением констатировал своё ничтожество. Парочка скрылась из вида, сиятельные каблучки, размеренно нехотя, стукали по лестнице – чмо, чмо, чмо, чмо, чмо. Супчик мы кушали в гробовой тишине.

Прошло ещё несколько дней, мы сдали последний экзамен. Денег только на обратную дорогу, но отметить успешное окончание сессии – дело святое. Тургенев со своей дамой куда-то запропастился. Мы подумали, что так даже и лучше. Ну как он с этой богиней припрётся на наши-то обильные хлеба да в наши-то вонючие хоромы. Неудобно. Прикупили на скучные гроши поллитровку на троих, примитивную закуску и, в который раз договорились, если Лёха объявится, расколоть-таки напоследок фраерка. Чьих, всё же, хлопец будет.

Вахтёр вместе с нашим ключом отдал нам ключ и от тургеневской обители. Сказал, что хозяин комнаты попросил нас немедленно зайти и забрать у него нашу печатную машинку. Ни о какой печатной машинке мы и слыхом не слыхивали, но зашли, раз просил. На общарпанном общежитском столе покоились: три бутылки коньяка, пиво, всякие фрукты, колбаска и много чего ещё. Ко всей этой красотице и объединению прилагалась записка. «Пацаны, это вам. Дождаться не получилось, дела позвали в путь. Никогда, наверное, уже не увижу сразу трёх поэтов в одной комнате. Вы – нормальные пацаны, но какие-то не нормальные. Денюшки распилите, чтобы по домам веселей ехалось. Учитесь хорошо, пацаны. Пока. Тургенев». Он оставил ещё и деньги...

Следующий день, день отъезда, был тёплым во всех отношениях. Мы расставались на «площади трёх вокзалов». Классически. Одному – на Казанский, другому – на Ленинградский, мне – на Ярославский. В муравейниковой вокзальной суете каждый из нас мог ещё раз повидать Тургенева и его великолепную незнакомку. Они несколько раз ловили наши взгляды с казённой ментовской листовки о розыске «опасных». Взгляды не пересеклись.

Производство

Я как с армии пришёл, сразу на мебельную устроился. Платят прилично, девок в лакокрасочном много симпатичных, матерей одиноких...

Монотонный труд, конечно, конвейер. Оттого там и дебилов хватает. Ну, они не совсем дебилы, просто тормознутые слегка пацаны, интересов мало. Со слабых школ. Спросишь у него, что, мол, в отпуске делал, а он – бухал, мол, отвечает.

Типа, а что ещё делать? У меня напарник тоже из этих, просветлённый, короче, только что не бухарик. У нас система с ним такая была. До обеда он доску подаёт через циркулярку, а я принимаю, а после обеда – наоборот. Для баранов, в общем, работа-то. Вся фишка в том, чтобы не замешкавшись, доску со станка убрать, а то она может вылететь со страшной силой. Вот один раз так и случилось после обеда. Если бы я был не метр семьдесят один, а на пять сантиметров выше... Короче, если бы я такой «косяк спорол», то напарника бы в живых не было. Прикинь, боковая стенка для книжного шкафа взлетает и летит как «Стингер», нормально? В бетонной стене даже вмятина небольшая осталась. Я прямо в цеху, не сдержался, отпинал его, потом вырубил к херам. Бабы меня успокаивают, в курилку отвели. Сидим там, курим вчетвером, а я смотрю у одной фаланги на большом пальце правой руки не хватает, а другая года на три старше меня, а выглядит, как старуха. Лицо в морщинках, все дела. Тоже попадают бабы ради заработка. Мастер прибежала, кудахчет, охает. Домой, мол, иди, сегодня можешь не работать, но как-то всем видом показывает, что смену до конца надо бы простоять для табеля. Подневольная тоже, понятно. Просветлённый мой зашёл, прощения просит. Подучили, наверное, сам бы никогда не додумался. Я уже для хохмы, удар ему в репу сымитировал не в контакт. Он глаза зажмурил и стоит. Тормознутый, что с него взять. А так – нормально, работать можно.

Колдун

Сидишь вот так на скамеечке, в большом-большом городе, тёплым июнем, пивко тянешь, созерцаешь. Хорошо. Подсаживается какой-то траченный, но опрятный мужичок и просит сначала закурить, потом оставить пива глотнуть, потом что-то болтать начинает. Не жалко, конечно, на здоровье. Просто разговор поддерживать неохота, а молчать дундуком тоже неловко. Начинаешь сразу чувствовать себя перед ним виноватым. Должно-то быть наоборот, а ему хоть бы что. С чего? Кто он такой? Так себя ведёт, будто мы с ним сто лет знакомы, а я только и ждал тут сидел, чтобы его базар послушать. Помаленьку он напрягать стал, а потом вдруг и говорит:

– Братишка, у тебя как с деньгами? Не думай, я не прошу. Слушай сюда. Когда тебе будет тugo в этом плане, то вспомни меня, «лаврики» появятся. Спасибо, что угостили.

Он пробормотал ещё какие-то неразборчивые слова и ушёл восвояси. Я тогда подумал ещё грешным делом, раз ты такой колдун мощный, что же ты покурить да пива глотнуть стреляешь. Прошёл год или полтора года, мы с дочерью шагаем вечером домой. Она просит пить. Просит сока или лимонада. А у меня в кармане денег только на минералку и то на самую маленькую и на самую дешёвую. Ни с того, ни с сего память подкидывает давешнего того мужика. Идём дальше, я про себя ворчу «ну и где дензнаки, дядя?». Навстречу рулит старинный знакомец, улыбается, здороваемся. Он лезет в карман и протягивает мне сторублёвую. Я оторопел слегка, а он извиняется, что долг задержал. Я и забыл давно про эти деньги, а вот поди ж ты...

Попила дочь, чего хотела.

Своеобразные

Всегда с ружьями. Приходят если на какой-нибудь праздник – ставят их у стены. Сосредоточенно пьют, закусывают, потом начинают палить в потолок, в стены, в то, что на столе. Потом, если никого не задели, снова пьют, стреляют и так до тех пор, пока не попадают кто куда. В коротких перерывах, до предела жестоко, дерутся. Калечат друг друга почём зря, убивают. Строго говоря, ни один праздник не обходится без жертвоприношений. Могут дом запалить. Интересно и немного дико смотреть, как полсела мечутся вокруг пылающей избы, поливая из вёдер набирающее силу пламя, суетятся, бегают, будто не понимают, что любое движение теперь бесполезно. На следующий день эти же бегальщики приходят растаскивать пепелище, а ещё через день начинают всем миром отстраиваться по новой. Неразговорчивы, строги и угрюмы, потому как знают цену себе и своим односельчанам.

Был у них такой случай, парень на срочной поучаствовал в первой чеченской, вернулся без царапинки. Домашние, понятно, стол сделали, сидят, как полагается. Пока всё село в доме перебывало и по второму кругу не начало отмечать возвращение, прошло дня три. Никто и не вспомнил, из-за чего затопотала в сенях драка. Дембеля едва откачали, остался инвалидом на всю жизнь. Лежит теперь на печи, что твой Муромец, а летом на улицу выползает и там лежит, покуда комары не закусают. Глаза пустые, никого не узнаёт.

Женщины от мужиков мало в чём отличаются. Недоверчивые, мстительные, с дурчинкой, но красивые, и деток красивых рожают исправно и легко. Мужей своих держат жёстко, поколачивают, те их побаиваются и ревнуют даже к деревьям. Страсти не шуточные, тёмные, звериные страсти. А что с них взять – кержаки.

Антифашист

Олега об этом не любят. Один раз раскололся в расслабленном состоянии, когда речь зашла о том, кто, как и кем в армии служил и кто кого круче. Теперь же эту историю рассказывает редко, только на «бис», только в компании близких друзей, только в пограничном состоянии между забытьём и явью. А пересказ простой.

Попал в танковые войска. После «учебки» отправили служить в Германию. Туда-сюда, начальники видят, что паренёк с мозгами, ну и стал он командиром Т-80. На первых же крупных учениях отличился Олега по полной программе. Его танк по ошибке выстрелил в сторону немецкого хутора. Там всего-то пять домов, но снаряд угодил и разнёс именно владения бургомистра, вместе с хозяином.

Командование части худо-бедно назревающий конфликт погасило, немца похоронили, все ущербы возместили без особого шума. Родных у старика не было, в Москву, до главкомов, не дошло ничего, замяли, пронесло. Ну, а Олегу от греха подальше отправили в отпуск, на побывочку. Такая вот ерунда, только Олега об этом не любят.

Межсезонье

Стал почему-то острее замечать, что время всё чаще и чаще прикасается ко мне. К рукам, лицу. Я чувствую эти прикосновения, но уже всегда потом понимаю, кто это был на самом деле.

Череда межсезоний катится словно убитое «восьмёркой» колесо. Зима с признаками глубокой осени или средней весны; снежное, потом дождливое преддверие лета, влюблённого в осень. Похоже, что только осень способна воплотить все состояния погод, жизни, эмоций. Осеню и прикосновения чаще, будто подготовка к чему-то, будто напоминание. Или завет?

Менталитет

В Уфе есть монументальный памятник Салавату Юлаеву. На высоком берегу реки Агидель, лихой всадник взял под уздцы скакуна. Выглядит всё очень впечатляюще; мгновение, и лошадь с седоком взлетят над рекой ввысь. Но это в том случае, если смотреть со стороны реки.

Но берег крут, а гостей города, молодожёнов и разных праздношатающихся, на теплоходах круглый год не катают. Шикарная аллея, что ведёт к Салавату длиной примерно в километр. Встречный ветер. Преодолев расстояние, подходишь и обнаруживаешь, что, как ни задирай голову, как ни выбирай ракурс для фотографии, всё равно находишься под животным. Точнее, под задней его частью (передняя выступает за обрыв). Ничего не остаётся, кроме как полюбоваться жеребиной мужской мощью и задранным вверх хвостом. Ещё видно, во что обут Юлаев, ну и всё, просмотр, в общем-то, окончен. Назад идти уже легче. Назад – по ветру.

Наверное, всё дело в том, что у авторов памятника был ещё один, невидимый помощник, который и расставил всё по своим местам. Менталитет его имя. Он вполне справедливо решил, что памятник памятником, пафос пафосом, но настоящему башкиру необходимо, прежде всего, то, что любой иноземец может легко почувствовать, идучи по аллее, и увидеть вблизи. Читай: свобода, сила, движение. Вряд ли я ошибаюсь. Бабы потом.

Александр Чувьюров

Александр Алексеевич Чувьюров. Старший научный сотрудник отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья Российского этнографического музея. Родился в Республике Коми (23 февраля 1961 г. – с. Соколово, Печорский район). В 1994 году закончил Сыктывкарский государственный университет (исторический факультет). В 2003 г. в НИИ МАЭ им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) защитил кандидатскую диссертацию по теме «Локальные группы коми Верхней и Средней Печоры: проблемы языковой, историко-культурной и конфессиональной самоидентификации». Автор около

70 научных трудов по традиционной духовной культуре коми (старообрядчество, православие и т.д.). В журнале «Арт» (1997) опубликован рассказ «Париж» (редакция 1992 г.).

Восточный вопрос

Рассказ

Секретарь, услышав шум, вышла в коридор. В коридоре она увидела постового милиционера и странно одетого мужчину, в котором узнала писателя Ченусова. На Ченусове была ярко-красная рубашка, на которую был надет тёмно-синий пиджак с большими блестящими пуговицами, напоминающий пиджаки дерево-люционных гимназистов. Брюки чёрного цвета были заправлены в высокие хромовые сапоги. Вокруг шеи был обвязан ярко-жёлтый платок. Ченусов был невысокого роста, худощавого телосложения. Рядом с рослым милиционером он смотрелся как щупленький подросток.

Ченусов, яростно жестикулируя руками, что-то доказывал постовому. Секретарь подошла поближе.

– Не могу. Мне велено никого не пускать. У секретаря собирались руководители районов, идёт совещание, – отвечал рослый постовой, стоя в проходе напротив щупленького Ченусова.

– Моя фамилия Ченусов, – громко и выразительно сказал Ченусов, – Ченусов, – по слогам повторил он. Иди и так и доложи, что по срочному делу пришёл литератор Ченусов. Ченусов.

– Не могу. Никого не велено пускать.

– Вот заладил. Ты что других слов не знаешь. Как попугай. Не велено пускать, – передразнил постового Ченусов.

Секретарь подошла к ним.

– Святослав Георгиевич, успокойтесь, – вмешалась секретарь. – У Егора Тимофеевича сейчас действительно идёт очень серьёзное заседание. Собрались руководители районов, решаются важные вопросы. Подождите немного, Святослав Георгиевич. Посидите в приёмной. Пропустите Святослава Георгиевича, – обратилась она к постовому милиционеру.

Милиционер отодвинулся в сторону, освободил проход. Ченусов прошёл в приёмную, сел на диван. За дверями раздавались громкие голоса заседающих. Ченусов некоторое время посидел на диване, затем порывисто встал, прошёлся по кабинету, постоял у окна и вновь сел на диван. Его поведение и внешность говорило о нём как о человеке нервном и беспокойном.

Секретарь пододвинула к себе бумаги, стала что-то в них записывать, украдкой наблюдая за Ченусовым.

У Ченусова было узкое лицо, с характерными для коми с остро выступающими скулами. Глубоко посаженные светло-голубые глаза, стремительно перебегающие с предмета на предмет, выдавали в нём ум острый и быстрый. Маленький, остренький подбородок позволял предположить, что их обладатель скорее человек мягкий и не очень решительный. Вся мимика его лица говорила о том, что какие-то мысли глубоко волнуют и беспокоят Ченусова: его густые треугольные брови в такт мыслям, то поднимались вверх, то сосредоточенно хмурились над глазами. Столь же подвижные манипуляции происходили и с губами: Ченусов то вытягивал их в трубочку, то нервно начинал покусывать их. Пальцы своих маленьких рук он то сжимал в кулак, то начинал нервно отстукивать ими по подлокотнику дивана. Ноги, так же, время от времени, отстукивали дробь в такт пальцам и лицевым манипуляциям. И всё это состояние глубокой сосредоточенности, которое выражали его мимика и жесты, как-то особенно дисгармонировало с его невероятно взлохмаченной причёской, торчащими в разные стороны волосами, из-под которых провокационно комично торчали большие оттопыренные уши.

«Странный, странный тип этот Ченусов», – подумала секретарь. – «А может, и впрямь дело у него какое-то серьёзное, что он так волнуется».

Спустя некоторое время Ченусов вновь поднялся с дивана и начал нервно прохаживаться по приёмной.

«Какой всё-таки беспокойный», – с раздражением про себя подумала секретарь.

Ченусова она знала плохо. В основном она знала о нём из разговоров, которые время от времени происходили в кабинете и приёмной секретаря идеологического отдела обкома. Основная мысль этих бесед, если сублимировать всё сказанное, сводилась к простой фразе, «что Ченусов человек с весьма большими странностями». Собственно, самого Ченусова до этого секретарю довелось видеть только раз, когда она, по поручению своего непосредственного начальника – секретаря идеологического отдела, принимала участие в заседании местного краеведческого музея, где проходило обсуждение недавно вышедшего сборника рассказов Ченусова «Царство Войпеля».

Ченусов сидел за столом на сцене, рядом с представителями местной интеллигенции. Он был одет в точно такую же рубашку красного цвета, в этот же самый тёмно-синий пиджак с большими блестящими пуговицами. Только отсутствовал платок.

Заседание в краеведческом музее открыл местный краевед, который представился как учёный-этнограф и археолог Максимилиан Правдин. Речь его была восторженной и пылкой:

– Святослав Ченусов, – начал оратор, – в нашей литературе уже достаточно известный человек. Правда, до сих пор мы знали его только как прекрасного

публициста. Я думаю, многие из присутствующих читали его замечательные путевые очерки – о поездке в Ижмо-Печорский район и в Летскую волость. Уже в них проглядывал тонкий лирик и прекрасный знаток народной культуры и истории своего народа. И вышедший недавно сборник его рассказов открыли Святослава ещё с одной стороны. В лице Ченусова мы получили нового, яркого, самобытного писателя. В отличие от буржуазной литературы, – заметил оратор, – где всё повествование сводится к описанию жизни богатеев, герои Ченусова простые труженики – охотники, оленеводы, рыболовы. Святослав прекрасный лирик. Яркое свидетельство тому заглавная повесть сборника «Царство Войпеля». Вот как описывает Святослав снежные вершины Саблинского хребта, – оратор развернул одну из страниц сборника, – «Оленья упряжка выскочила на белоснежную равнину. Перед взором Вавлея предстали покрытые снегом горные вершины. Подобно застывшему исполну над ними возвышалась островерхая Сабля. У подножья гор, словно невеста в подвенечном платье, застыли покрытые снегом лиственницы. Всё дышало покоем и миром».

Я не побоюсь сказать, – продолжил Правдин, – что в лице Ченусова мы обрели своего Пришвина, певца нашей северной природы. Но он не только прекрасный лирик, но и тонкий психолог, знаток народной души. С каким тонким психологизмом Святослав описывает маленького пастушонка мальчика Вавлея и старую шаманку Мандо! На первый взгляд, сюжет кажется банально простым: весенняя перекочёвка ненецкой семьи от отрогов Саблинского хребта в Большеземельскую тундру. Но из этого банального сюжета у Святослава вырастает литературное произведение с большой буквы. Ченусов показал себя прекрасным знатоком народной культуры. Я как этнограф, краевед могу засвидетельствовать глубочайшее знание автором оленеводческой культуры.

Поэтические легенды старой шаманки Мандо, которые она по вечерам передает мальчику Вавлею, – о хозяине горы Сабли, о зырянском боге северного ветра Войпеле, обитающем на горе Телпоз-из, о ненецких божествах – о могущественном творце Нум и его сопернике Нга, показывают, что Святослав не только прекрасно знает фольклор коми народа, но и фольклор наших северных соседей – ненцев. В заключение я хотел бы выразить надежду, что это лишь первый шаг Ченусова в коми литературе, и мы вправе ожидать, что следующим произведением Святослава Ченусова станет большое крупное полотно народной жизни. Коми литература заждалась своих романистов, – патетически закончил свою речь оратор Правдин.

Зал оглушительно и громко зааплодировал. Лишь сам Святослав Ченусов сидел безмолвно, как будто всё происходящее в этом зале не касалось его.

После Правдина слово взял известный критик, литературовед Балин.

– Я не соглашусь с тем, что сказал предыдущий оратор, – яростно начал своё выступление Балин, – что Ченусов знает душу народа. Каким же предстаёт душа народа и сам народ в его рассказах: мы видим запуганного человека, верящего во всяких лесных духов, всяких там божеств. Такова ли душа народа? – Балин строго посмотрел в зал. Среди сидящих в зале возникло некоторое замешательство: с одной стороны никто не знал, обращён ли этот вопрос к кому-то конкретно, с другой сам ответ на этот вопрос для многих присутствующих представлялся затруднительным...

– Предыдущий оратор, – продолжил своё выступление Балин, – заметил, что Ченусов прекрасно знает фольклор. Но так ли это? – Балин вновь сделал паузу. Гнетущая тишина вновь нависла над залом.

– И что из фольклора выбрал Ченусов? Глупые невежественные религиозные рассказы. А разве фольклор народа состоит только из этих рассказов? – большинство сидящих в зале партийных работников не знало, из чего состоит фольклор народа, и много другого, о чём спрашивал Балин, поэтому всякий раз вздрагивали, услышав очередной вопрос оратора.

– Мы знаем, – продолжал Балин, – прекрасные антирелигиозные народные сказки, в которых народ высмеивает глупых невежественных попов, яркие социальные исторические песни о народных героях, предводителях крестьянских восстаний. А что выбрал Ченусов? Он выбрал худшее из народного фольклора, от чего народ, за исключением отдельных невежественных элементов, давно уже отказался и предал забвению...

– Я хочу Вас спросить, – возвысил свой и без того звучный голос Балин, – Вас, своих товарищей по партии, почтаете ли вы хозяина горы Сабли или бога северного ветра Войпеля? – в зале вновь наступила гнетущая тишина. Некоторые из сидящих в зале испуганно озирались по сторонам: а не означают ли слова Балина, что вышла какая-то директива обкома, в которых призывалось почитать Войпеля и хозяина горы Сабли.

– Нет, – прервал молчание Балин. Зал облегчённо вздохнул.

– Нет, ещё раз нет, – решительно выкрикнул Балин. – Никто из сидящих здесь в зале не почтает Войпеля и хозяина горы Сабли, и народ уже отказался от этих заблуждений. Все эти анимизмы, тотемизмы, – при этих словах в зале вновь возникло кратковременное замешательство, так как большинство сидящих не знало, что означают эти вычурные «измы», но Балин на сей раз продолжал речь без всяких передышек, и вскоре состояние всеобщего одобрения и восхищения речью выступающего вновь воцарилось в зале, – давно уже забыты народом. Они остались только в головах некоторых учёных да таких псевдописателей как Ченусов. Народ давно уже ушёл вперёд. И фольклор народа тому подтверждение: народ создаёт былины про Ленина, Сталина, про Чапаева. А наши горе-писатели, такие как Чисталёв, Ченусов пытаются столкнуть народ в пропасть невежественного прошлого.

Балин сделал короткую паузу.

Зал, который ещё недавно рукоплескал Правдину, теперь восторженно гудел и дружно аплодировал Балину.

– Я хочу спросить: есть ли какая польза от рассказов Ченусова? – продолжил своё выступление Балин.

– Никакой, – раздалось несколько голосов из зала.

– Я скажу больше, – Балин угрожающе посмотрел в сторону Ченусова, но Ченусов продолжал сидеть всё также недвижно, как будто речь в зале шла о событии, которое его совершенно не касалось.

– Это вредительство, – после минутной паузы сказал Балин. – Представьте лесоруба, который работает на лесозаготовках. И представим, что этот человек ещё не до конца освободился от религиозных заблуждений. И вот ему в руки попадает книга Ченусова, со всей той религиозной мутью, которой заполнен его

сборник: о всяких там деревьях-двойниках, о том, что в них тоже есть душа... И что будет происходить в душе этого лесоруба, учитывая, что наш народ ещё не научился критически относиться к печатному слову: ведь для многих всё, что напечатано и есть истинная правда... И что будет происходить в душе этого лесоруба? Какая, скажите мне, будет у этого лесоруба производительность.

– Вредительство, – крикнули из зала. – Это настоящее вредительство.

– Я совершенно с вами согласен. Это настоящее вредительство, – продолжил свою речь Балин. – Ну, давайте посмотрим на его рассказы ещё и с другой стороны, – Балин сделал паузу:

– Чему учат рассказы Ченусова? Что благополучие человека зависит от почтительного отношения к духам предков. А чему учим мы: что человек кузнец своего счастья, что человек вооружённый передовыми идеями партии может не только осуществить свои планы и мечты, но и преобразовать жизнь сотен тысяч людей. Один поэт, апологет того самого старокрестьянского быта, о котором с такой болью и ностальгией пишет Ченусов, в одном из своих стихов так охарактеризовал своё состояние: «остался в прошлом я одною ногою, скользжу и падаю другою». Именно такая жизненная позиция литераторов вроде Ченусова: скользить и падать в прошлое двумя ногами и увлекать других... Нашему народу требуется новая литература. Нужны новые герои: герои гражданской войны, защищавшие Советскую власть здесь, на Севере, колхозники, рабочие...

Зал восторженно гудел:

– Верно, верно...

После Балина было ещё несколько выступающих, каждый из которых пытался подтвердить справедливость слов оратора.

Так, один речник, в своей краткой речи заметил, что совершенно согласен с товарищем Балиным, что нужны новые герои.

– Вот, например, мы речники. Никто не знает как тяжело на пароходе, например, осенью, когда уже начинается ледоход и приходится растапливать топку сырьими дровами.

Его поддержал председатель колхоза:

– Хватит писать только про охотников да рыбаков и разных там буржуев, надо про нас – колхозников: доярок и трактористов.

Секретарь не знала, чем закончилось это обсуждение, так как заседание затянулось, и ей пришлось уйти, так и не дождавшись его окончания...

Спустя несколько дней в центральной республиканской газете «Светлый путь» появилась статья Балина: «О задачах современной коми литературы». Собственно сама статья представляла собой повторение того, что было сказано Балиным на заседании Краеведческого музея.

Секретарь слышала, что Ченусов вроде бы тоже написал покаянную статью, в которой вслед за Балиным призывал обратиться от мелкотемья к насущным задачам строительства новой социалистической жизни... В последнее время секретарь идеологического отдела несколько раз при ней в разговоре с другими обкомовскими работниками упоминал фамилию Ченусова. Она не знала, по собственной ли инициативе пришёл сегодня Ченусов или же он получил официальное приглашение от секретаря идеологического отдела. «Конечно, она не помнит никаких распоряжений относительно Ченусова, но вполне могло случиться, что

приглашение на приём секретарь идеологического отдела сообщил Ченусову через каких-то других людей».

Междуд тем в зале, где проходило заседание, стихло. Через некоторое время из зала стали выходить руководители районов. Для большинства из них литератор и писатель Ченусов был неизвестен, и они удивлённо смотрели на посетителя в столь странном костюме... Вслед за руководителями районов из кабинета вышел сам секретарь идеологического отдела. Увидев Ченусова, секретарь удивлённо вскинул брови. На мгновение на его лице отразилось недоумение, которое тотчас же сменилось доброжелательной улыбкой:

– Святослав Георгиевич, Вы ко мне? – обратился он к Ченусову.

– Да, Егор Тимофеевич. По очень срочному делу.

– Ну что ж, проходите, – после короткой паузы сказал секретарь, приглашая Ченусова в свой кабинет.

Кабинет секретаря представлял прямоугольную комнату, в центре которой располагался длинный стол, по бокам которого стояли стулья. Напротив входа на стене висел огромный портрет вождей мирового пролетариата, написанный одним из местных художников. Секретарь указал Ченусову на один из стульев в кабинете, сам сел в кресло под большим портретом. На столе секретаря лежало несколько номеров газеты «Светлый путь», среди них был и номер, со статьёй Ченусова. Статья произвела самое благоприятное впечатление на секретаря идеологического отдела. Некоторые места из статьи Ченусова секретарь даже специально выделил для себя, подчеркнув понравившиеся места карандашом. На сегодняшнем заседании с руководителями районов, на котором как раз обсуждались вопросы усиления идеологической работы на местах, секретарь, наряду с фамилией Балина и других партийных литературоведов, несколько раз упомянул фамилию Ченусова.

В своей статье Ченусов самым решительным образом критиковал своих коллег по литературному цеху, обвиняя их в том, в чём его ещё совсем недавно столь яростно и беспощадно упрекал критик Балин – в безыдейности и мелкотемье. «Коми литература, – писал Ченусов, – должна перестроиться и стать рупором революционных преобразований. Литература должна идти в авангарде происходящих в стране преобразований». Было видно, что критика Балина и партийных литературоведов положительно подействовала на Ченусова. Смущал только один странный пассаж в конце статьи. Эти два абзаца секретарь также выделил, а на полях поставил вопросительный знак. «Перед Советской Россией, – писал в этом абзаце Ченусов, – стоят грандиозные задачи, и для решения этих задач она раз и навсегда должна решить восточный вопрос, – вернуть себе, на правах наследницы Византии, Константинополь, проливы Босфор и Дарданеллы и, таким образом, прорубить ещё одно окно в Европу. Решение этого вопроса сулит молодой Советской республике огромные экономические выгоды». Далее следовал абзац, в котором Ченусов приводил некоторые факты из истории Турецкого государства, интерпретируя их с националистически-религиозных позиций. В истории мировой культуры, писал Ченусов, турки отметились лишь уничтожением христианских святынь и бесценных рукописей античной и христианской культуры, уничтоженных в пожаре Константинопольского погрома. Напоминал также Ченусов о резне турками болгар в 1876 году и армян в 1915 году и ещё о ряде неприглядных

моментов истории Османской империи. Заканчивалась статья патетически: что за решение этого вопроса в годы первой мировой войны отдали свои жизни сотни тысяч солдат России. Европа, писал Ченусов, в долгу перед Россией: Россия спасла Европу от прусского сапога. Свобода нынешней Европы, отмечал Ченусов, куплена кровью русских солдат, погибших на полях Восточной Пруссии и во Франции. Эти два абзаца совершенно выбивались из общего контекста статьи и совершенно не были связаны с его замечаниями, касающимися задач коми литературы.

— Читал Вашу статью, Святослав Георгиевич. Своевременная, нужная статья. Правильные мысли высказаны. Вот только один момент меня слегка озадачил,— секретарь сделал паузу.— Я имею в виду,— продолжил он,— окончание Вашей статьи, два последних абзаца, в которых Вы упоминаете о восточном вопросе.

— Я как раз по этому поводу,— ответил Ченусов.

— Ах, вот как,— удивился секретарь.

— Понимаете, недавно я написал новую статью, которую целиком и полностью посвятил этому вопросу.

— Какому это такому вопросу,— настороженно спросил секретарь отдела.

— Восточному вопросу,— ответил Ченусов.

— Восточному вопросу? — переспросил секретарь идеологического отдела.

— Да, восточному вопросу. Но в редакции у меня отказались взять статьи для публикации.

— И что же это Вы там такое написали, Святослав Георгиевич, позвольте полюбопытствовать,— ехидно спросил секретарь.

Ченусов достал папку, открыл её и вытащил из папки машинопись и передвинул секретарю:

— Вот здесь у меня всё, что касается восточного вопроса.

— Вы уж лучше расскажите основную суть Вашей статьи, только покороче, у меня было серьёзное заседание и мне бы хотелось ещё и немного отдохнуть.

— Здесь у меня всё,— Ченусов кивнул на свою папку с машинописью,— история, экономические расчёты и даже планы как всё это осуществить.

Ченусов сделал короткую паузу, затем продолжил свою возвышенную речь, полную различных цифр и фактов. Издавна в русском народе, заметил Ченусов, жила мечта о Константинополе. В русских летописях, продолжил он, Константинополь так и назывался Царьград — царь городов. Затем, кратко упомянув о походе Аскольда и Дира, Ченусов подробно и обстоятельно пересказал летописные описания походов венчего Олега на Константинополь — о русских кораблях, которые под парусами, поставленные на колёса, по суще были переброшены Олегом под стены города, о щите Олега прибитого на воротах Константинополя. При этом Аскольда и Дира, как и венчего Олега, Ченусов представил как народных вожаков древних русичей. Упомянул Ченусов и о Софье Палеолог. Правда, в этом случае он ограничился лишь кратким упоминанием о браке между племянницей последнего византийского императора и московского князя Ивана III, опасаясь, что излишнее внимание монархическим связям может быть неправильно истолковано секретарём идеологического отдела.

Затем последовал уже известный пассаж о русских солдатах, отдавших свои жизни за решение восточного вопроса на полях Франции, Галиции и Восточной Пруссии.

Если в начале секретарь идеологического отдела слушал речь Ченусова с улыбкой, то по мере того, как Ченусов разворачивал свои мысли, секретарь всё с большей и большей настороженностью смотрел на Ченусова. «Вид у него совершенно безумен», – подумал во время очередного пассажа Ченусова секретарь.

Между тем, Ченусов перешёл к изложению военной операции, которая должна была привести к разгрому Турции. Необходимо, заметил Ченусов, создать антитурецкую коалицию, в которую должны войти Греция, балканские славянские государства – Югославия, Болгария. Для успешной реализации этих планов внутри Турции, продолжил он, необходимо организовать восстания армян и курдов. Послевоенная Турция, подытожил Ченусов, расчленялась: Босфор и Дарданеллы отходили к России, остальная часть разделялась между союзниками.

Здесь секретарь решил, что наступило самое время прервать многословную тираду Ченусова. Его ответ был не менее витиеватым и искусственным. В начале секретарь отметил, что восхищён эрудицией и начитанностью Ченусова, но к сожалению, он вынужден отметить, что в данном случае его эрудиция и знания применены не совсем в нужном направлении.

Идеолог обкома объяснил, что Турция теперь нам дружественная страна и Кемаль Ататюрк – наш большой друг, борец с международным империализмом. И такие разговоры – о турецких погромах, о резне армян, о расчленении Турции и передаче Советской России проливов, подчеркнул идеолог обкома, не только отвлякают граждан от насущных задач, которые партия поставила перед народом, но и опасны и провокационны и могут сильно повредить международной репутации Советской России. Кто-нибудь из наших недругов, сурово заметил идеолог обкома, прочитав вашу статью, решит, что какие-то горячие головы в руководстве нашей страны действительно озабочены решением восточного вопроса. Но Вы-то знаете, подчеркнул секретарь идеологического отдела, что это не так. И сейчас совсем излишне напоминать о разных неприглядных страницах истории турецкого государства. Если Европа, ехидно заметил идеолог обкома, которой всегда до всего есть дело, давно уже забыла о резне армян и болгар, то нам тем более не нужно напоминать об этом. Нашей страной взят курс на политику мирного сосуществования с государствами с различным общественным строем, подытожил беседу идеолог обкома.

Как только Ченусов покинул кабинет секретаря идеологического отдела, то он пригласил своего секретаря и дал ей задание обзвонить редакции местных газет и журналов и передать указание, чтобы впредь до особого предписания не брать в публикацию какие-либо статьи Ченусова и пока отказаться от его услуг в качестве корреспондента.

– И ёшё, – идеолог обкома сурово посмотрел на своего секретаря, – свяжитесь с начальником ОГПУ и передайте от меня лично поручение, чтобы за Ченусовым установили самое строжайшее наблюдение.

Ченусов между тем побывал в редакциях ёшё нескольких газет и журналов, но везде получал вежливый отказ. Как знать, как долго бы продолжалось хождение Ченусова по разным редакциям, если бы не один знакомый журналист, который доверительно сообщил ему, что из обкома получено указание до особого предписания не брать в публикацию какие-либо статьи Ченусова.

Огорчённый Ченусов уехал в свой родной Усть-Кулом. Поселился он в отцов-

ском доме и устроился сельхоззаготовителем, но проработал недолго. Во время сельхоззакупок, сообщал местный сотрудник ОГПУ, Ченусов вёл беседы о восточном вопросе, в частности, как отмечалось в одном из донесений, ругал Советскую власть за недальновидность внешней политики. После таких обращений в один из дней на пороге дома Ченусова появился местный оперуполномоченный, и в сопровождении уполномоченного Ченусов последовал в неказистое здание местной милиции. Его поместили в небольшой комнате с зарешётёнными окнами, где Ченусов провёл несколько дней. Затем его перевезли в Сыктывкар, в местную психиатрическую больницу. Главврач психиатрической больницы, после нескольких бесед и ряда медицинских экспертиз, составил подробнейший отчёт о психическом здоровье Ченусова. Врач отмечал, что Ченусов воспитывался в жёсткой, суровой обстановке деспотичным отцом. В силу этого он в своих детских фантазиях пытался реализовать то, чего он был лишен в жизни, компенсировать в них свои детские неудачи. Поэтому, отмечал в отчёте врач-психиатр, в детстве подэкспертный (Ченусов) отождествлял себя со странами и государствами, которые экономически и политически были задавлены более сильными державами. В своих детских фантазиях он мечтал о том времени, когда те или иные государства, вопреки всем сложившимся обстоятельствам, поднимутся из руин и вновь обретут самостоятельность. Следует отметить, писал главврач, что до недавнего времени симпатии Ченусова были на стороне проигравшей в Первой мировой войне Турции. Он приветствовал Кемаля Ататюрка, а затем, когда Турция вновь обрела свою самостоятельность, он потерял к ней интерес, и мало того, он почувствовал антипатию к Турции и правительству Кемаля Ататюрка и стал разрабатывать планы отторжения от Турции проливов Босфор и Дарданеллы. В жизни и в политике, отмечал главврач, он руководствовался одними и теми же принципами: он чувствовал любовь и сострадание к таким же, как и он сам, слабым и униженным, но как только те, кому он выказывал сострадание, избавлялись от своих комплексов и им удавалось обрести уверенность и достичь благополучия, его симпатии сменялись неприязнью и ненавистью. Людей, сильных и уверенных, живущих в благополучии, отмечал главврач, Ченусов не только не любил, но и как сам признавался в личной беседе с главврачом, желал им различных бедствий. В заключение главврач отмечал, что Ченусов, безусловно, психически не здоров, но социально не опасен, хотя определённое наблюдение за ним требуется.

После ряда бесед, проведённых главврачом, а также представителем милиции, Ченусов был выписан. Ему было предписано без особого разрешения за пределы Усть-Куломского района не выезжать. После всех этих медицинских процедур и обстоятельных бесед с сотрудниками милиции больше Ченусов попыток идти с восточным вопросом в массы не предпринимал. За былье заслуги в развитии коми культуры Ченусова устроили сторожем в местный МТС, где он и проработал до самой пенсии. Гостей он не принимал, жил тихо и скромно. Раз в неделю к нему приходила его сестра Пелагея, забирала грязное бельё и убиралась в доме Ченусова. Соседи Ченусова иногда останавливали её и спрашивали: «А чем твой брат занимается по ночам: у него всё время горит свет?» «Пишет, — отвечала сестра, — карты рисует». «Карты рисует?» — удивлённо переспрашивали соседи.

— Да, карты. Про этот, как его, Истамбул или Константинополь. Ну, город, где эти нехристи, турки живут. Он же головой из-за этого города и тронулся, — сокру-

шённо начинала вздыхать Пелагея.— А ведь какой умный был, писатели к нему приходили, всякие важные люди за руку с ним здоровались, и вот ведь как всё обернулось. Всё из-за этого города. Захватить его, говорит надо,— и тут она испуганно начинала озираться по сторонам:

— Только вы никому не говорите, а то ведь его, бедного могут посадить. А он ведь безвредный, рисует и только. Как ребёнок. Он не буйный, вы же его знаете, совсем не буйный,— она переходила на шёпот.— Он очень боится, что его за это посадят. Он ведь слово дал следователю.

Соседи клялись, что говорить об этом никому не будут, а сами при первом же удобном случае рассказывали про своего чудаковатого соседа и, как всякие бдительные граждане, сообщали в органы обо всём том, что им по наивности сообщала сестра Ченусова. Время от времени на адрес оперуполномоченного приходили письма от бдительных граждан, в которых сообщалось, что у гражданина Ченусова, который ранее уже арестовывался, по ночам горит свет, и, по слухам, он составляет карты для каких-то иностранных секретных служб. Оперуполномоченный пару раз наведывался к Ченусову, сделал ему внушение, что свет, который горит у него по ночам, вызывает тревогу у соседей. На это Ченусов отвечал, что отныне он даже в случае крайней нужды не будет зажигать свет по ночам и будет вести себя так, чтобы ни в чём не доставлять тревог своим соседям. Для профилактики оперуполномоченный провёл также беседу и с соседями Ченусова, доверительно сообщив им, что Ченусов рисует карты по заданию министерства сельского хозяйства. Об этом же он сказал сестре Ченусова, предупредив:

— Если будут спрашивать, чем занимается твой брат, скажи, что рисует карты для министерства сельского хозяйства. Иначе,— оперуполномоченный грозно хмурил свои брови,— твоего брата посадят, и ты его больше не увидишь.

Для простой и испуганной сельской женщины этого было достаточно, и теперь при всяком вопросе о брате она отвечала заученными фразами, что он рисует карты для какого-то министра. Ну, а Ченусов, несмотря на заверения, данные оперуполномоченному, что он прекратит всякие ночные деяния, по ночам, плотно закрыв шторы, всё так же рисовал свои карты и схемы разгрома Турции силами Красной Армии и союзных с Советским Союзом держав. Подробно описывалось и послевоенное устройство Турции, которое за прошедшее время в планах Ченусова претерпело ряд незначительных изменений: часть территории Турции отходила Греции, другая Болгарии, а Константинополь объявлялся особой территорией. На востоке должны были быть образованы курдское и армянское государства. Каждая деталь предстоящей военной операции подробнейшим образом обрисовывалась на карте и расписывалась в специальных приложениях. Предусматривалось несколько вариантов военной операции. Согласно одним планам, первоначально намечалось нанести отвлекающий удар на Кавказе, а затем силами союзных держав, ударом с суши и моря, захватить Константинополь. После захватов проливов предполагалось высадить десанты на малоазиатском побережье и перенести боевые действия вглубь Турции и захватить Анкару. В других разработках удары производились одновременно и на Кавказе, и в европейской и малоазиатской частях Турции. Всякий раз, рассматривая готовые проекты, он находил в них изъяны и вновь с усердием принимался чертить свои карты-схемы. Он чертил до утра, а утром в изнеможении падал на кровать и спал весь день, до вечера. А

вечером, поужинав, он с огромной папкой карт и схем, под удивлённые взгляды соседей, уходил на дежурство в МТС.

Из-за «болезни» его не взяли на фронт. Так он всю войну и проработал сторожем на МТС. На него перестали обращать внимание. У людей были дела поважнее, чем чудаковатый Ченусов. Правда, один раз он вновь напомнил о себе. Рассказывают, что однажды в 1948 году, на приём к местному секретарю партии пришёл мужчина. Выглядел он весьма странно: на голое тело была надета фуфайка, на ногах старые, стоптанные кирзовые сапоги, а на голове картуз, какие носили до революции. Пряди седых волос выбивались из-под картуза и длинными космами опускались на плечи, борода была взъерошена и взлохмачена. Яркие голубые глаза смотрели пронзительно и смело. Постовому милиционеру странный посетитель представился как литератор и общественный деятель Святослав Ченусов. Милиционер был молод и фамилии такого писателя не слышал. Хотя вид посетителя был странноват, тем не менее, он доложил секретарю, что к нему на приём пришёл литератор и общественный деятель по фамилии Ченусов. Секретарь также был молод, бывший фронтовик, недавно назначенный на должность секретаря местного райисполкома, и ещё не успел обрасти бюрократическими замашками. Фамилия была ему незнакома, но, услышав от постового милиционера «литератор и общественный деятель», сразу же попросил пропустить Ченусова.

Вид Ченусова отчасти смутил секретаря, но он, не показав виду, приветливо указал ему на кресло. Ченусов сел и после небольшой паузы сообщил цель своего визита. Впрочем, начал он издалека.

Вначале Ченусов напомнил секретарю, что согласно резолюции ООН недавно образовано государство Израиль. Коль скоро есть такой прецедент, отметил Ченусов, почему бы не поднять в ООН вопрос о Константинополе.

Секретарь в силу различных обстоятельств не получил полноценного образования и в вопросах географии и истории был мало искушён, поэтому упоминание о Константинополе вызвало у него некоторое замешательство. Он переспросил у Ченусова:

– Как вы сказали, Кон... Константинополь?

– Да, Константинополь, – и Ченусову пришлось сделать небольшое историческое отступление, рассказать о Византии, Византийской империи, о крестовых походах и о последующем взятии Константинополя турками. Секретарь с увлечением слушал вдохновенную речь Ченусова.

– И вот, в свете всех этих последних событий с государством Израиль, – продолжил Ченусов, – в ООН можно было бы поставить вопрос об организации особой территории Константинополя со своим особым статусом, как Ватикан.

При упоминании Ватикана секретарь поморщился: хоть он был человеком не искушённым в географии и истории, но про Ватикан слышал, и весь ход рассуждений Ченусова вдруг показался ему подозрительным. И тут Ченусов сказал фразу, которая привела в окончательное замешательство секретаря:

– Ведь мы православные.

У секретаря при этих словах мелькнула мысль, что этого придурковатого мужика послал кто-то из его недругов, чтобы затем обвинить его в потворстве религии, и он самым решительным образом заявил Ченусову:

— Лично я ни в какого Бога не верю. Я верю во всеобщую победу коммунизма и светлое будущее новой коммунистической эры.

— Вы меня не поняли,— попытался оправдаться Ченусов.— Конечно, и Вы, и я, и всё прогрессивное человечество не верим в Бога. Я имел в виду не религию как таковую, а то, что наша культура, что мы, так сказать, православные по культуре.

Теперь секретарь уже полностью был уверен, что этого человека послали специально, чтобы опорочить его, поэтому он с тем же суровым голосом заявил:

— С религией в нашем государстве окончательно покончено.

— Я имел в виду, что мы русские,— запинаясь, проговорил Ченусов и тут же поймал себя на мысли, что в этом случае он сказал неправду,— он не русский, а коми, и Ченусов в замешательстве стал говорить о православных святынях Константинополя и его окрестностей, о надругательствах мусульман над этими святынями, о резне турками православных христиан.

Спустя некоторое время прохожие видели, как постовой милицейский вёл по улице Ченусова. Несколько дней Ченусова продержали в местном отделении милиции. С ним была проведена обстоятельная беседа, после которой он был отпущен домой. Прожил после этого Ченусов ещё десять лет и умер в 1958 году, в возрасте 65 лет. Последним радостным событием для него было создание Варшавского блока. В дневнике у себя он записал: «Может быть, теперь наконец-то решится восточный вопрос».

На похоронах была лишь небольшая группа родственников. Из посторонних на них присутствовал лишь литератор Заславский, друг юности Ченусова.

На поминках никто не вспоминал об усопшем, ели и пили, без всяких разговоров. Лишь небольшую речь сказал Заславский, напомнил присутствующим о причине, по которой они все собрались вместе:

— Святослав был прекрасный писатель, тонкий лирик. Но, к сожалению, чуждая идея увлекла его, увела от настоящей работы. На извечный русский вопрос: что делать,— он показал, как не надо жить.

Родственники Ченусова ничего из этой речи Заславского не поняли. Похоронили Ченусова на местном кладбище. Одиноко стоял крест со скромной надписью: «Святослав Ченусов. 1893-1958». Крест со временем сгнил. Чьи-то заботливые руки выбросили его, место со временем сровнялось. Так жил и так умер великий поборник восточной идеи Святослав Ченусов.

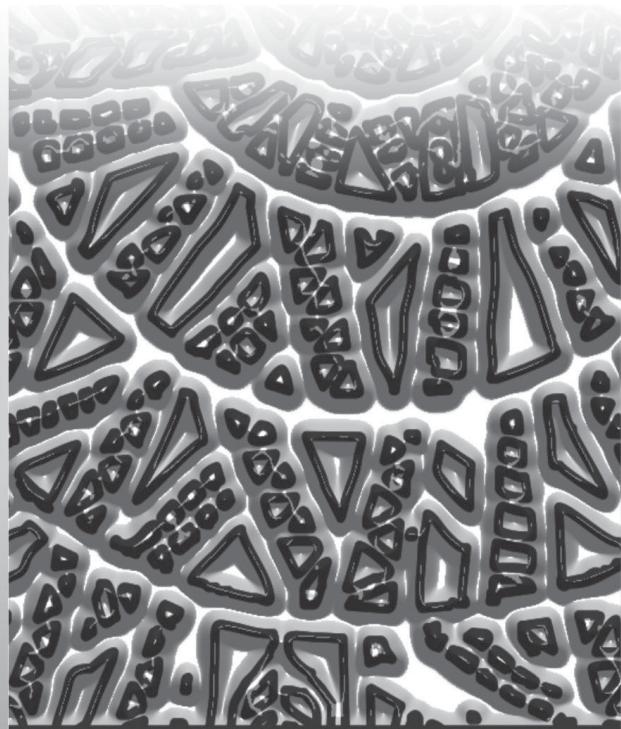
1999, 2004, 2005 гг.

СОРОКИН

120 лет

КУЛЬТУРА В XXI ВЕКЕ КАТАСТРОФА ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ ?

Игорь Федорович

Федорович Игорь Вячеславович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Сыктывкарского госуниверситета.

Евгения Шеболкина

Шеболкина Евгения Петровна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой педагогических технологий Коми республиканского института развития образования и переподготовки кадров.

Проблема актуализации теоретического наследия П.А. Сорокина

Если мои книги что-нибудь значат, они завоюют признание,
если не имеют ценности, то о них со временем и не вспомнят.

П.А. Сорокин

Введение

«Всё течёт, всё изменяется» (Гераклит) и каждое новое поколение с большей или меньшей степенью радикальности подвергает переосмыслинию, обновлению, развитию различные «культурные тексты», в том числе и концептуальные системы «ярких» учёных, пытаясь с их помощью объяснить и, возможно, спрогнозировать ход развития различных процессов.

Обращаясь к теоретическому наследию Питирима Александровича Сорокина (1889-1968) или других выдающихся учёных, зададимся вопросами: а какие кри-

терии, «координатные сетки» необходимо применить для актуализации (анализа с позиций современности) их научного творчества? Какова сегодня эвристическая ценность социологических теорий П.А. Сорокина? Почему в отечественной гуманитарной науке не очень интенсивно обращались к его творческому наследию? Имеют ли его теории «прямой выход» в контекст социальных технологий? Возможно, его работы трудны для восприятия, идеи утопичны, а выводы в силу их предельной обобщённости (к примеру, закон поляризации¹) не соответствуют всему многообразию проявлений личности, микро- и макроколлективов? Эти и другие вопросы возникают у учёного-гуманитария, преподавателя вуза или школы, научного сотрудника музея, когда он пытается оценить и «включить» творческое наследие П.А. Сорокина в процесс осмыслиения происходящих в обществе изменений.

П.А. Сорокин – выходец из малого народа коми, что уже предопределяет стереотип восприятия его личности: в малом народе «вызревает» самородок, который становится ведущим социологом США, и это «автоматически» требует уважения и почитания. К примеру, другой известный учёный с коми корнями, В.В. Налимов (1910-1997) видел «что-то мессианское в том, что примерно в одно и то же время из зырянского народа вышло трое учёных: Василий Петрович Налимов, Питирим Александрович Сорокин и Каллистрат Фалалеевич Жаков»². Мессианское – значит, пророческое, судьбинное, мистическое. Стали ли пророками эти, без сомнения, талантливые люди, сбылись ли их предсказания, сумели ли они своим интеллектуальным трудом повлиять на улучшение качества окружающей нас жизни, сделать её чище, лучше, добре, ведь именно этим благородным пафосом проникнуты их труды?

Это очень серьёзный вопрос, на который нет однозначного ответа. Отдавая должное нашим выдающимся землякам, попробуем оценить актуальность их идей на предмет «объяснительной силы» в трактовке сегодняшних жизненных реалий и нашего ближайшего будущего.

«Коми корни» П.А. Сорокина

«Ранняя» биография П.А. Сорокина весьма драматична: мать умерла, отец спился и умер в одиночестве, брата расстреляли, самого учёного от родины отлучили... Свои бедствия и фрустрацию П.А. Сорокин преодолел (согласно им же выведенному закону поляризации) путём выхода на позитивный полюс, окрепнув и возмужав, поставив чёткие жизненные цели и выстроив механизм их достижения. Что же помогло ему в этом?

То, что П.А. Сорокин боролся за свою жизнь, «ушёл от смерти» (покаялся в контрреволюционной деятельности), благодаря своему титаническому труду и могучему темпераменту стал ведущим социологом США, вызывает искреннее восхищение и заставляет задуматься о роли традиционной культуры в формировании личности индивида.

¹ Согласно которому любая личность, преодолевая невзгоды, либо «мужает», либо деградирует.

² Налимов В.В. Канатоходец. М., 1994. С.46.

Весьма выразительно обрисовать социальные детерминанты личности удалось Э. Фромму, полагавшему, что поведение человека может быть понято только в свете влияний культуры. Социальный характер, по Э. Фромму, призван оформить энергию членов общества таким образом, чтобы при выборе способа поведения им не приходилось осознанно принимать решение, стоит ли следовать социальному образцу или нет, но чтобы людям *хотелось действовать так, как они должны действовать*, и в то же время, чтобы они находили удовлетворение, действуя в соответствии с требованиями данной культуры³.

П.А. Сорокин считал, что социальное устройство коми народа и религиозная атмосфера ранних лет жизни сыграли важную роль в становлении его личности, целостной системы ценностей и кристаллизации ранних философских взглядов: «Я рад, что прожил детство в этой девственной стране». Воспитавшие его близкие люди «были дружелюбными, умными, честными и работающими людьми, в ладу с миром, соседями и самими собой»⁴.

Индивидуализм, самодостаточность, упрямство – основные черты национального характера коми. П.А. Сорокин в своих воспоминаниях писал, что воспитываясь в зырянской социальной среде, он естественным образом впитывал бытующие в ней верования, моральные нормы и нравственные принципы: дух независимости, справедливости, уверенности в себе. Себя в науке он определяет как «волка-одиночку», способного самостоятельно, без помощи персонала и научных сотрудников, а также без финансирования делать свою работу: «Будучи по природе упрям, я ценил независимость и свободу мыслить слишком высоко, чтобы приспособливать мои научные интересы к интересам менеджеров фондирующих институтов».

П.А. Сорокин отмечает, что семейное ремесло, предназначеннное для нужд церкви, общение со священниками также в значительной степени повлияли на формирование его личности и системы ценностей. Он стал чем-то вроде учителя-проповедника на соседских посиделках долгими зимними вечерами. Возможно, это был первый «синдром» будущей профессии – университетского профессора, педагога. Таинства Христовы открыли П.А. Сорокину таинственную и загадочную реальность и трагические моменты жизни, дали неприятие концепции, что всё сущее – есть «материя, данная нам в ощущениях». Мистические и трагические черты его теорий были заложены именно в детские годы⁵.

Во всём своём научном творчестве П.А. Сорокин стремился хоть немножко приблизиться к раскрытию этого «тайного», «иного», выявить скрытые пружины событий и процессов. Видеть скрытый, глубинный смысл событий и фактов – научное кредо П.А. Сорокина. Смыслы «распаковываются» каждый в своё время. П.А. Сорокин пишет: «тысячелетиями такие формы энергии, как электричество и электромагнитные волны, действующие в радио, находились так сказать, у нас под носом, а мы, тем не менее, не воспринимали их». Смыслы раскрываются через творчество: «Любое истинное творчество – это реальное познание, как любое истинное открытие есть творчество. Великие актуали-

³ Фромм Э. Душа человека М., 1992. С.331.

⁴ Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С.10, 19.

⁵ Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С.13, 33-34, 218-219.

зировали скрытый потенциал, существующий в реальности, они обнаружили и раскрыли нам то, что мы сами не видели и не знали»⁶.

П.А. Сорокин и сам попытался на обширном историко-культурном материале выявить (сделать тайное явным) в мировой истории некие суперсистемы, отличающиеся друг от друга основополагающими ценностями, и описал их в своей крупнейшей работе «Социальная и культурная динамика».

Миропонимание коми является коэволюционным и целостным, и это не могло не отразиться в содержании познавательных систем выдающихся мыслителей земли коми К.Ф. Жакова, П.А. Сорокина, В.П. и В.В. Налимовых, А.С. Сидорова. Целостность и глобальность познавательных систем мыслителей земли Коми является отражением важнейшего архетипа коми культуры, связанного с целостностью мировосприятия её носителей⁷.

Так, К.Ф. Жаков создал оригинальную синтетически-эволюционную теорию лимитизма, объединяющую науку (изучение различных граней реальности), философию (изучение потенциальной реальности) и религию (поиски первопричины). Лимитизм должен был обобщить все направления нашего знания, стать связующим звеном между науками и религиями, завершить построение единой картины мира. В философии К.Ф. Жакова пространство, время, материя, душа, разум, доброе, прекрасное составляют один эволюционный ряд, развиваясь из первопотенциала – величественной силы, к познанию которой как к своему пределу приближается человеческий дух⁸.

Семиотика, знаковое опосредование человеческой деятельности – суть творчества В.П. Налимова, который стремился проинтерпретировать миропонимание малых народов как систему ценностей, норм, моделирующую поведение, дающую структуру.

Всё мировоззрение П.А. Сорокина пронизано интегральным синтезом. Социология П.А. Сорокина – попытка комплексного рассмотрения человеческого бытия, в котором самым тесным образом переплетены аналитика (исследующая социальные субкультуры), механика (определяющая систему космо-био-социально-психологических факторов социальных процессов), генетика (фиксирующая основные линии развития в сфере общественных процессов)⁹. «Чтобы пройти сквозь хаос вакханалии бездуховности и не изменить себе, я создал собственное интегральное мировоззрение – целостную систему знаний и убеждений из естественных наук, религии, философии, социологии, психологии, этики, политики, экономики и изящных искусств. Воссоединивший в одном Suntum bonum¹⁰ Верховную Троицу – Правду, Добро и Красоту, – интегрализм дал мне твёрдую

⁶ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.475, 478.

⁷ Целостность миропонимания допускает мистицизм как связь физического и семантического миров. Ещё одним важнейшим архетипом коми культуры является оценка человека не как хозяина природы, вершителя и творца, а как приспособляющегося к миру, ученика природы. Подобное чуткое и постоянное приспособление порождает гибкость мышления и осознание относительности знания (Шеболкина Е.П. Личность в межкультурной коммуникации. Сыктывкар, 2002).

⁸ Федорович И.В. Философия К.Ф. Жакова // «Тайё сыылём – коми олём» (В этой песне коми жизнь), Сыктывкар, 2008. С.232-243.

⁹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.533.

¹⁰ Высшее благо, Бог (лат.).

основу для сохранения собственной цельности и мудро направлял меня в дебрях разлагающейся бездуховной цивилизации»¹¹.

В.В. Налимов не видел преград для построения всеединой модели Мироздания, понимая, что такая модель должна быть *метафоричной, может, даже мифологичной и, конечно, не единственно возможной*. Он пытался выстроить модель нового типа, объединяющую в себе как опыт философских построений нашей культуры, так и опыт построений теоретической физики и космологии, стремился осмысливать мир с синтетических позиций, привлекая всё богатство мысли как Запада, так и Востока, не чуждаясь ни многообразия религиозных представлений, ни научных построений, ни философских изысканий¹².

Сегодня актуально развитие заложенной известными учёными с «коми корнями» интеллектуальной традиции целостного и гармоничного мировосприятия, базирующегося на этноментальных установках и поведенческих программах, закладываемых коми культурой. Это «прививка» против узкой специализации в науке и образовании, зашоренности учёных и педагогов, порождающих и транслирующих фрагментарное, раздробленное мировосприятие, препятствующее установлению причинно-следственных связей, реальному и объективному просчёту результатов действий и поступков.

Раздробленность, фрагментарность культуры порождает нищету мировоззрения, человек нуждается в постоянном штате интерпретаторов, комментаторов, потребляет неосмыслившиеся пласти масс-культуры, становится легко управляемым объектом социально-политического манипулирования, жертвой и заложником той самой чувственной культуры, которую беспощадно критиковал П.А. Сорокин.

Обрисовывая контуры формирующейся интегративной культуры и страстно желая ускорить её появление, П.А. Сорокин предлагал практические рецепты моральной трансформации человечества, имеющие здравый смысл и достаточно функциональные. Их можно и нужно обсуждать и, главное, следовать им¹³.

Не менее важным для понимания природы творчества П.А. Сорокина является то обстоятельство, что определяющими ценностями коми культуры являются ценности свободы, анархизма, акратии, ненасилия. Формируемая на протяжении веков автономность личности и изолированный образ жизни коми не способствовали становлению специальных институтов регулирования человеческого общества, основанных на насилии. В коми культуре не принято утверждаться за счёт других и использовать их в своих целях – каждый сам за себя, нет духа стяжательства и агрессии, принято избегать конфликтов. Сложилось гуманистическое понимание природы человека, свободно и ответственно делающего свой выбор среди предоставленных возможностей, являющегося главным архитектором своего поведения и жизненного опыта.

П.А. Сорокин отмечает, что *«В политическом и социальном отношении коми никогда не знал рабства или крепостного права. Зыряне всегда были свободными людьми и решали свои дела самостоятельно, при помощи непосредственного самоуправления... Здесь не существовало ни слишком богатых привилегирован-*

¹¹ Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С.265.

¹² Налимов В.В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М., 2000. С.247.

¹³ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997. С.312.

ных «верхов», ни особенно бедных или бесправных «низов»... В результате здесь не было «классовой борьбы» и сформировавшихся политических партий, отстаивающих свои законные интересы».

События 1914-1922 гг., когда П.А. Сорокин увидел слишком много ненависти, лицемерия, слепоты, зверств и массовых убийств, грубо разрушили сформировавшееся в «зырянском прошлом» гармоничное мировоззрение начинающего учёного. П.А. Сорокин описывал революционные события, насилие с позиций «другого», отстранённого наблюдателя, для которого всё происходящее противоестественно. Война и другие социальные катаклизмы подтолкнули П.А. Сорокина к изучению воздействия войн, голода, эпидемий и кровавых революций на образ мысли и поведение людей, на экономические, политические институты, семью, на социальную мобильность, мораль, верования, культуру, на её творческий потенциал. Мыслитель был глубоко убеждён в том, что «жестокость, ненависть и несправедливость не могут и никогда не смогут создать ничего вечного ни в интеллектуальном, ни в нравственном, ни в материальном отношении»¹⁴.

Безусловно, в обращении к творческому наследию наших выдающихся земляков есть большой воспитательный и патриотический потенциал, их жизнь и творчество – прекрасный материал для воспитания у подрастающего поколения чувства гордости за своих земляков, за свою малую родину. Но нужно методически грамотно, системно и чётко выстроить линии «подачи» весьма непростых для восприятия идей учёных поколению «Next»¹⁵.

Всему своё время

Как творческая личность П.А. Сорокин становился в период перехода к ярко выраженному bipolarному устройству мира, в его творчестве как в зеркале отражались взаимоотношения двух общественно-политических полюсов мирового устройства – России и Америки.

П.А. Сорокин как социолог был особенно актуален именно в годы противостояния двух супердержав, дал отпор «левым» идеям в США в её трудные годы и за это был поддержан властями. Ведь он был яростным противником и беспощадным критиком советской власти, революций, насилия. А в годы «великой депрессии» в Америке пошли в рост левые настроения, марксистские идеологемы и нужно было выставить им плотный идеологический заслон. Совпали потребность государства и личная позиция учёного (останься П.А. Сорокин в Старом Свете, возможно, и не было бы той поддержки и признания, какие он получил в Америке).

Серьёзный учёный, блестящий трибун и публицист, непримиримый борец с «коммунистической заразой», П.А. Сорокин в 1929 году становится главой первой в истории Гарвардского университета кафедры социологии. Его ученики вырастают в известных учёных-социологов, общими усилиями обеспечивая стабильность в политической, культурной жизни США.

¹⁴ Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С.12, 161.

¹⁵ Шеболкина Е.П. Личность в межкультурной коммуникации. Сыктывкар, 2002.

Интересна творческая эволюция учёного. В 1925 году вышла его первая книга на английском языке «Социология революции», в которой подробно препарировался этот процесс, в 1927 году появляется «Социальная мобильность», дающая трактовку социальной стратификации и моделей перемещения индивидов в обществе, а в 1928 – «Современные социологические теории», обобщающая историю этой науки. Но мыслителю не давал покоя вопрос о глобальных движущих силах человеческой истории, и в 1931 году он «запускает» колossalный исследовательский проект, оформленный в 1936 году в труд под названием «Социальная и культурная динамика».

В этой работе автор представляет закон мировой истории как смену трёх культурных суперсистем – чувственной, идеациональной (религиозной) и интегральной. Основной раздел книги П.А. Сорокин посвятил описанию кризиса современной чувственной культуры.

В наши дни кризисная ситуация ещё более обострилась: крайне высока опасность терроризма и ядерной катастрофы. Растут количество населения и индивидуальные потребности людей, увеличивается нагрузка на природу планеты. Материальные резервы дальнейшего роста цивилизации близки к исчерпанию. Цивилизованное человечество готовит себе экологическую катастрофу, слепо, варварски опустошающая окружающую и кормящую его живую природу. Разводы, одиночество, суицид, уход в иллюзорный мир алкоголя и наркотиков, маргинализация или отторжение на обочину жизни – такова печальная статистика социального недорожья¹⁶.

П.А. Сорокин путём нравственного и интеллектуального обновления растерянного и деморализованного человечества видел в соединении в единое целое истины чувств, истины веры и истины разума в соответствии с принципом дополнительности. *«Если в культуре начинает господствовать одна из трёх систем истины, она обедняется и может погибнуть, став жертвой собственной ограниченности. Западная культура сейчас на распутье. Чтобы выжить, она должна прийти к целостной и синтетической системе истины и ценностей. Системы Платона и Аристотеля, Альберта Великого и Фомы Аквинского – лучшие примеры попыток синтезировать в одном целом божественную, чувственную и диалектическую истину»*¹⁷.

В своей работе «Главные тенденции нашего времени», изданной в США в 1964 году, мыслитель наметил контуры формирующейся интегративной культуры. Её формирование идёт не так быстро, как хотелось бы автору, но, тем не менее, изменения очевидны. К примеру, явно наблюдаются интегративные тенденции в науке, меняется исследовательская парадигма.

К примеру, скрытые участки спектра нашего сознания не могут быть изучены со стороны, в них надо войти, открыть в себе. Ведь мы уникальны и одиноки, и никто не заглянет в нас, кроме нас самих. Нужна огромная смелость, чтобы заглянуть в своё нутро, своё «Я», встретившись со странными и непонятными явлениями, легче или, может быть, естественнее по-детски препарировать этот мир. Люди, похоже, не доросли ещё до «внутренней» гносеологии, поэтому в современной науке доминирует гносеология «внешняя», утилитарная, pragmatичная.

¹⁶ Шевяков Г.С. Человек и его судьба. М., 2004. С.106-112.

¹⁷ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.463, 473.

Наверное, социальный организм развивается нормальным эволюционным путём, аналогично взрослению ребёнка, когда он, постигая мир, вначале играет с ним, осваивая, преобразуя и созиная своё жизненное пространство, и лишь накопив критическую массу знаний, становится способным к рефлексии, к самопознанию. Может быть, мы и пошли по пути утилитаризации знания потому, что не знаем своей природы, не сложилась у человечества подлинная «внутренняя» гносеология.

До сих пор Нобелевская премия вручается за «элементарные частицы», существуют комитеты по антисcience, хотя их лидеры в душе отдают отчёт, что совершили свои открытия посредством сверхсознательной интуиции. Н.П. Бехтерева, крупнейший исследователь физиологии мозга, приходит к выводам о том, что наука вошла в ту фазу, когда она нередко подтверждает, прямо или косвенно, по крайней мере, ряд положений религии и её истории, которые в период младенчества науки не принимались или могли быть приняты только на веру. *«Сейчас и в обозримом будущем понимание целого ряда обычных – и уникальных – возможностей мозга для науки о живом мозге человека в прямом нейрофизиологическом и нейрохимическом исследовании невозможно. Надо идти в обход, подходить «с другой стороны», в том числе и с той, которая достаточно разработана религией. Я знаю, как опасно двинуться в это «Зазеркалье». Я знаю, как спокойно оставаться на широкой дороге науки, как повышается в этом случае «индекс цитирования» и как снижается опасность неприятностей – в виде разгромной, уничтожающей критики... Но кажется мне, что на земле каждый, в меру своих сил, должен выполнить свой долг».*¹⁸

Долг учёного (по Сорокину) не просто фиксировать какие-либо факты, тенденции, но предлагать практические шаги по решению проблем. После публикации в 1941 году книги «Социальная и культурная динамика» П.А. Сорокин делает крен от науки в сторону публицистики, пытаясь привлечь внимание «интеллигентного читателя-непрофессионала» к обсуждению проблем прошлого, настоящего и будущего человеческой цивилизации.

Подтвердилаась сорокинская теория о конвергенции России и США, правда Россия, резко, буквально в одночасье, отбросив целые социальные институты, получила «дикий капитализм», а сорокинская теория лифтов весьма причудливо сработала в российском обществе, когда на одних лифтах «вверх выехали» абрамовичи, а на других «вниз упали» учителя, учёные. Несмотря на то, что в российском обществе обнаруживаются тенденции положительной религиозной поляризации, увеличилось число искренне верующих и следующих нормам Нагорной проповеди, значительно возросло внимание власти и общества к православию как к фундаментальному основанию русской культуры, а духовно-нравственное просвещение приравнено к рангу государственных задач, проблема каждого индивидуального выбора в пользу веры, добра и красоты – утопический идеал и для нашей страны, и для других сообществ.

В 1942 году П.А. Сорокин занялся исследованием роли бескорыстной альтруистической любви. Социолог пришёл к выводу, что историей движет альтруистическая любовь, которая изменяется, оставаясь универсальным двигателем. Его «чисто русская» теория творческого альтруизма была подвергнута обструкции со

¹⁸ Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. М., СПб, 2007. С.231-233.

стороны академических кругов США. Многие его оппоненты издевались над деятельностью центра, считая эту деятельность глупым, ненаучным и бесполезным исследованием.

Но цивилизационный кризис превращает в императив выживания те нравственные нормы и ценности, которые прежде были уделом чудаков. Придётся не только «взорвать ближнего», но и «взорвать дальнего» гораздо в большей мере, чем в предшествующие эпохи¹⁹.

Анализу путей выхода из кризиса посвящено множество работ, объединяемых идеей построения новой целостной культуры, новой этики, нового миропонимания на основе синтеза различных способов отражения реальности. Во множестве концепций, подходов можно усмотреть инвариантный образ совмещения аналитического опыта западной культуры индустриальной эпохи с большей выразительностью синтетического мышления традиционных природосообразных культур.

Так как сущность социального процесса составляет мысль, мир понятий, то, очевидно, он же и является основным первоначальным фактором социальной эволюции²⁰. Это означает, что можно и нужно конструировать будущее путём активного содействия реализации его наиболее благоприятных сценариев. Концепция стратегического управления доказывает, что существующее сегодня положение дел в любой сфере человеческой жизнедеятельности оценивается со стороны образа желаемого будущего, который позволяет наметить изменения в настоящем и критично оценить прошлое. Движение к образу желаемого будущего выстраивается на основе ряда специальных политик (социальной, культурной, образовательной, финансово-экономической, кадровой и т.д.), демонстрируя системоохраняющую роль качества духовной культуры, человеческого сознания и воли.

К сожалению, эти разумные мысли не поддерживаются «власть имущими» – особой кастой, которая, по П.А. Сорокину, не проявляет даже минимума интеллектуальной, нравственной и социальной квалификации, а её нравственные и умственные способности несут больше признаков ментальной и моральной шизофрении, чем таковые у населения. Этот особый правящий слой в большей мере состоит из личностей агрессивных, эгоистичных, авантюрных, людей жестоких и лишённых чувствительности, лицемеров, лжецов и циничных махинаторов, а поведение правящих групп более преступно и безнравственно, чем поведение других слоёв общества²¹.

Идеалист П.А. Сорокин хотел заменить правительства политиков правительствами «учёных, святых и мудрецов», что в условиях низкого культурного и образовательного уровня большинства избирателей – послушных жертв «чувственного» пиара невозможно.

Сейчас мировая цивилизация переживает острейший экономический кризис, с «плюсом» или «минусом» выйдет она из него – большой вопрос? Быть может, кризис станет могильщиком чувственной культуры, заставив включить каждого обычного человека в сферу своих ближайших смыслов состояния Земли и Космоса.

¹⁹ Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М., 1997. С.6.

²⁰ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.53.

²¹ Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С.34-35, 241-243.

Очень важным в этой связи является то обстоятельство, что даже после своей физической смерти личность присутствует в связях с другими людьми, влияя на поведение других людей через идеи, стили мышления, фрагменты переданного другим индивидуального опыта, а значит – существует в культурном пространстве. Личность, став носителем смыслового поля культуры, оставляет в нём следы своей активности и таким опосредованным образом сохраняет бытие. Наши предшественники продолжают в нас свою жизнь, оставаясь косвенными агентами мирового полилога²². Поэтому П.А. Сорокин актуален и нужен в гуманитарном пространстве Республики Коми, России, мира.

Заключение

Безусловно, П.А. Сорокин был уникальным исследователем (иногда трудился почти в нечеловеческих условиях), который «не дрожал» ни перед какими авторитетами и умело пользовался складывающимися обстоятельствами для выдвижения нетрадиционных взглядов.

Можно попытаться оценить вклад П.А. Сорокина в гуманитарную науку с точки зрения наукометрии В.В. Налимова. Наукометрия показала, как числом можно мерить научную деятельность: индекс цитируемости, частоту употребления важных для данной книги слов, диаграмму цитируемых авторов. Таким образом, замеряется «вес» учёного в научном мире, диагностируются как познавательные интересы самого учёного, так и степень интереса к его творчеству²³.

Сегодня теоретическое наследие П.А. Сорокина изучено и актуализировано в столь незначительной степени, которая не позволяет исследователю или группе исследователей выступать под знаменем непрекращаемых истин. Нужно понять, что истинный вклад П.А. Сорокина в развитие гуманитарной науки может быть определён только при условии всестороннего теоретически-критического анализа, свободного от политических, национальных и конъюнктурных предпочтений. Необходимо серьёзное исследование и «новое издание» работ П.А. Сорокина с учётом того, что происходит сегодня в науке и мире.

* * *

P.S. 2009 год – год 130-летия со дня рождения Василия Петровича Налимова (1879-1939) и 70-летия со дня его смерти, «Республика Коми обязана обращаться» и к этим датам.

²² Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического процесса) М., 1996. С.173.

²³ Налимов В.В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М., 2000. С.196-197, 201-202.

Питирим Сорокин

Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) родился в селе Турья, что на Выми.

В 1930 году основал первый в Гарвардском Университете (США) факультет социологии. В 1964 году избран президентом Американской социологической ассоциации.

Автор фундаментальных трудов «Система социологии», «Современные социологические теории», «Социальная и культурная динамика».

Три главные тенденции нашего времени*

Три наиболее важные тенденции нашего времени это, во-первых, перемещение творческого лидерства человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку; во-вторых, продолжающаяся дезинтеграция до сих пор преобладающего чувственного типа человека, культуры, общества и системы ценностей; в-третьих, возникновение и постепенный рост первых компонентов нового, – интегрального – социокультурного порядка, его системы ценностей и типа личности.

1. Перемещение творческого лидерства

Все мы знаем, что творческое лидерство, малого и крупного масштаба, в узкой и широкой сфере деятельности, перемещается с течением времени с места на место, от группы к группе, от института к институту, от страны к стране. Поэтому во времена У. Джемса, Дж. Ройса, Пирса, Пальмера и Мюнстерберга философское отделение Гарварда было, конечно, лидирующим среди философских отделений всех американских университетов. После смерти этих философов Гарвардское отделение потеряло своё былое превосходство и отделения философии других университетов присвоили себе лидерство. Около тридцати лет тому назад университет Чикаго, несомненно, имел лидирующую отделение социологии в этой стране.

* Раздел книги «Главные тенденции нашего времени». М.: «Наука». 1997. Стр.11-53.

В конечном счёте он потерял свою лидирующую роль. То же можно сказать и о других отделениях университетов и любых других видах лидерства. Около сорока лет тому назад Новая Англия была центром текстильной и других индустрий. Позднее центры текстильной, стальной и других индустрий переместились в другие регионы Соединённых Штатов. С 800 до 1600 г. Италия сделала примерно от 25 до 41% всех научных открытий и изобретений в Европе; с 1726 г. до настоящего времени этот вклад Италии снизился приблизительно до 2-4%. Вклад Соединённых Штатов составил только 1,1% всех открытий и изобретений за период с 1726 по 1750 гг.; эта доля увеличилась до 25,3% за период 1900-1908 гг.; в настоящее время она ещё более возросла*.

История сообщает нам, что когда-то великим центром политической власти был Египет; в другой период он переместился в Вавилон или Персию; затем в Индию или Китай, затем в Рим или Европу; и в самой Европе он продолжал переходить от одного народа к другому. Также и великие центры музыкального творчества в Европе были в какой-то период в Спарте; затем в Риме и Милане; затем, после средневекового периода, в Италии и Франции, Нидерландах и Англии, Австрии и Германии; и наконец, в России, Норвегии, Финляндии и Соединённых Штатах. За последние десять веков творческие центры экономических империй Европы были в Испании, Португалии и Италии, затем в Нидерландах, Франции, Англии, Австрии и Германии; теперь этот центр переместился в Соединённые Штаты и Россию.

Эти примеры ясно показывают, что подразумевается под перемещением творческих центров лидерства.

Наилучшим свидетельством этой мобильности является перемещение творческого центра человеческой истории, или лидерства всего человечества. Приблизительно до четырнадцатого века творческое лидерство удерживалось народами и государствами Азии и Африки. В то время как наши предки на Западе имели ещё самый примитивный образ жизни и культуры, в Африке и Азии великие цивилизации – египетская, вавилонская, иранская, шумерская, хеттская, индийская, китайская, средиземноморская (крито-микенская, греко-римская, арабская) и другие – возникали, росли и переживали колебания расцвета и упадка в течение тысячелетий. Западные – евро-американские – народы были самыми последними, кто принял на себя творческое лидерство человечества. Они несли свой факел лишь в течение последних пяти или шести веков.

В течение этого короткого периода они блестяще выполнили свою творческую миссию, особенно в области науки, технологий, чувственных изящных искусств, политики и экономики. В настоящее время, однако, европейское монополистическое лидерство можно считать почти завершившимся. Настоящая и будущая история человечества уже представлена на гораздо более обширной сцене азиатско-африкано-американо-европейского космополитического театра. И звёздами следующих актов великой исторической драмы готовятся стать – помимо Европы, Америк и России – возрождающиеся великие культуры Индии, Китая, Японии,

* См. подробную статистику научных открытий и изобретений, сделанных разными западными странами с 700 до 1908 г.: Р.А. Сорокин, *Social and Cultural Dynamics* (New York: Bedminster Press, 1962). II, 141 ff; Р. Сорокин, *Society, Culture and Personality* (New York: Cooper Square Publishers. 1962), pp. 570-572.

Индонезии и исламского мира. Этот эпохальный сдвиг уже начался и проявлял себя в распаде великих европейских империй, таких как британская и французская, в уменьшении политического и культурного влияния Европы в международных отношениях, в перемещении творческой активности некоторых европейских народов на другие континенты: англо-саксов – в Соединённые Штаты, Канаду и Австралию; испанцев и португальцев – в Латинскую Америку; в творческом росте азиатской России по сравнению с европейской частью и так далее. Ещё более сильным показателем этого сдвига является несомненное возрождение великих культур Азии и Африки: индийской, китайской, японской, индонезийской, арабской, еврейской и других. Успешное освобождение этих народов от колониального рабства – быстрый рост их политической и социальной независимости, их влияния в международных делах, их научного и технологического развития (включая рост числа нобелевских и других лауреатов); успешное распространение их религиозных, философских, этических, художественных и культурных ценностей в западном мире и многие другие явления свидетельствуют о начале этого возрождения. Всё это и многие другие очевидные факты безусловно указывают на сдвиг в творческом лидерстве человечества от монополистического господства Европы в Америку, Азию и Африку. Этот сдвиг чреват важными изменениями во всех областях культуры и в социальной жизни всех наций. Его влияние на будущую историю человечества будет, несомненно, больше, чем влияние альянсов и дезальянсов западных правительств и правящих групп. Такова первая основная социокультурная тенденция нескольких последних десятилетий. (Дополнительную информацию об этой тенденции см. в следующем очерке «Диагноз и прогноз взаимоотношений между Востоком и Западом».)

2. Чувственный (sensate), идеациональный (ideational) и интегральный социокультурные типы общественного строя

Другие две тенденции, продолжающийся распад чувственной социокультурной системы Запада и возникновение и рост нового – интегрального – социокультурного строя, возможно, ещё более важны для настоящего и будущего человечества. Для того чтобы в полной мере раскрыть значение этого положения, я должен дать definicijii этих терминов.

Около тридцати лет тому назад я поставил подробный диагноз современному положению западной культуры и общества с предсказанием грядущих тенденций, включая повторные предостережения о надвигающихся ужасных войнах, кровавых революциях, нищете и «высвобождении» в человеке «худшей из бестий». В форме резюме этот диагноз выглядел следующим образом:

«Каждый значительный аспект жизни, организации и культуры западного общества находится в чрезвычайном кризисе... И тело, и душа его больны... Мы – живём, по-видимому, между двумя эпохами: умирающей чувственной (секулярной) культурой нашего великолепного вчера и наступающей (новой) культурой творческого завтра. Мы живём, думаем и действуем в конце блестящего шестисотлетнего чувственного дня. Косые лучи солнца

ещё освещают славу уходящей эпохи. Но свет гаснет и в углубляющейся тьме, в тумане сумерек становится всё труднее видеть и безопасно ориентироваться. Ночь переходного периода с её кошмарами, пугающими тенями, разрывающими сердце ужасами начинает неясно выступать перед нами. Однако вдали, вероятно, поджидает заря новой великой культуры, чтобы встретить людей будущего».

Несмотря на враждебную критику моего диагноза кричаще оптимистичным общественным мнением 1920-х годов, мои предсказания в течение последних тридцати лет оказывались верными. Таким образом, история подтвердила мою правоту.

Поскольку переходное состояние современной евро-американской культуры и общества в значительной мере определяет его существенные черты, целесообразно обрисовать более тщательно природу кризиса, в котором они находятся в настоящее время.

Короче говоря, главные элементы кризиса следующие: он заключается в распаде чувственной формы нашей культуры, общества и образа жизни, которые преобладали в западном мире в течение последних пяти столетий; кризис охватывает все сферы этой чувственной культуры и общества; в этом смысле он всеобщий, эпохальный и величайший из всех кризисов в истории западного мира.

Чувственная культура

Чувственная форма культуры и общества базируется на том основополагающем принципе, что истинная реальность и ценность является чувственно воспринимаемой и что за пределами реальности и ценностей, которые мы можем видеть, слышать, ощущать во вкусе, прикосновении и запахе, нет другой реальности и нет реальных ценностей.

В целом система чувственной культуры представляет собой артикуляцию и «материализацию» этого основного принципа в её науке и философии, немного в религии, в её праве и этике, её экономике и политике, изящных искусствах и социальных институтах. Этот основной принцип становится также главной детерминантой доминирующей ментальности, стремлений и образа жизни чувственного общества. Достаточно последовательно чувственная культура делает свидетельство наших чувств критерием того, что есть истина и что есть ложь. Она интенсивно развивает научное познание физических и биологических свойств чувственной реальности, которая мало способствует творческому развитию мысли в сверхчувственных сферах религии и теологии.

Хотя чувственное общество вполне успешно производит множество технологических открытий, имеющих целью увеличение телесного комфорта чувственной жизни, оно не достигает успеха в разработке эффективной техники для преображения душ и «производства» сверхчувственных ценностей Царства Божия. В то время как оно весьма покровительствует развитию материалистической, эмпирической, позитивистской и других чувственных философий, оно не поощряет развитие идеалистической, мистической и сверхчувственной систем философии. Не-

смотря на своё поверхностное служение ценностям Царства Божия, оно заботится, главным образом, о чувственных ценностях благосостояния, здоровья, телесного комфорта, чувственных удовольствиях и жажде власти и славы. Его доминирующая этика неизменно утилитарна и гедонистична. Оно рассматривает все этические и законодательные правила как простые изобретения человеческого ума, в высшей степени относительные и изменчивые. Его политика и экономика также чрезвычайно утилитарны и гедонистичны. И как мы увидим, его изящные искусства отличаются подобными же чувственными характеристиками.

Чувственная форма возникла в западной культуре в конце двенадцатого столетия и постепенно, после пятнадцатого века, стала доминирующей, вытеснив предшествующую ей религиозную, или идеациональную, форму, которая преобладала в средневековый период в западной культуре и обществе примерно с седьмого до тринадцатого века.

Идеациональная культура

Идеациональная культура и общество средних веков базировались и были артикулированы во всех своих аспектах на том основном принципе, что истинная реальность или ценность – это сверхчувственный и сверхрациональный Бог и его Царство, как определено в христианском Символе Веры; в то же время чувственная реальность или ценность либо просто мираж, либо даже что-то негативное и греховное. Более того, идеациональная культура признавала Божественные откровения как критерий истины и не признавала свидетельство чувств. В соответствии с этим, идеациональная культура мало заботится о научном подходе к исследованию чувственных феноменов или об изобретении технологических приспособлений; поскольку чувственный мир в целом это просто мираж и такая деятельность – лишь траты времени и энергии, исследование не более чем теней реальности и ценности.

Вследствие этого, идеациональная культура является нетворческой в области науки и технологий, так как она сосредоточивает свою познавательную энергию на изучении Царства Божия и реализации ценностей во время краткого земного путешествия человека к вечности. Слова Св. Августина «*Deum et animam scire cupio. Nihilne plus? Nihil omnino?*» («Я хочу познать Бога и душу. Ничего больше? Абсолютно ничего») ярко выражают это свойство идеациональной культуры. По этой причине она является творческой в сфере религии: теология логически становится царицей наук, а наука функционирует лишь как служанка религии. Только идеалистическая, мистическая и сверхчувственная философия процветают в её границах, в то время как материалистическая, механистическая, эмпирическая, позитивистская и другие чувственные философии в этом типе культуры не пользуются признанием. Она озабочена прежде всего спасением душ и ценностей Царства Божия и рассматривает как грех и искушение привязанность к материальным и чувственным ценностям. Её истины и её этические и законодательные правила считаются откровением Божественных заповедей, универсальным и безусловным в своей истине и обязывающей силе, её правление осознанно теократическое и её духовный авторитет верховенствует над секулярными сила-

ми. Вдобавок, её экономика обусловлена её религиозными и моральными заповедями.

Наконец, для чувственной и идеациональной культур характерны совершенно различные типы изящных искусств, каждая из них творит в соответствии с основным принципом культуры. Два типа искусства отличаются друг от друга как по предмету, так и по стилю.

В соответствии с основными принципами идеациональной культуры, предметом идеационального искусства является сверхчувственное Царство Божие. Его «герои» – Бог, ангелы, святые и душа, а также таинства Творения, Воплощения, Искупления и другие трансцендентальные события. Это насквозь религиозное искусство. Оно уделяет мало внимания личностям, объектам и событиям чувственного мира. Поэтому в живописи мало пейзажа, жанра, спокойной жизни или портретов действующих лиц. Её объект не должен доставлять наслаждение, удовольствие, развлекать, но приводить верующего к более тесной гармонии с Богом. Её искусство священно и не допускает никакого сенсуализма, эротики, сатиры, комедии или карикатуры. Её эмоциональный тон благочестивый, нравоучительный и аскетичный.

Доминирующий стиль идеационального искусства символический, оно лишь видимый, слышимый или чувственный знак невидимого или сверхчувственного мира ценностей. Поскольку Бог и сверхчувственные реальности не имеют каких-либо специфических материальных форм, их нельзя воспринять и изобразить натуралистически; их можно изобразить лишь символически. Изображения голубя, якоря или оливковой ветви в раннехристианских катакомбах были эзимыми символами ценностей незримого Божьего мира. Погружённое в трансцендентальный мир вечности, идеациональное искусство статично, иератично, внешне просто и архаично, оно избегает чувственных приправ, помп, показных проявлений. Будучи искусством общения человеческой души с Богом и с самой собой, оно не нуждается в профессиональных посредниках-художниках и является творением анонимного коллектива верующих, общающихся с Богом и своими собственными душами.

Все мы знаем, что высшие образцы средневековой архитектуры – это великие кафедральные соборы, посвящённые Богу. Их внешние формы – крестообразное основание, купол или шпиль, и почти каждая архитектурная и скульптурная деталь символичны. Это поистине Библия в камне. Средневековая скульптура, в свою очередь, полностью религиозна и воспроизводит сюжеты Ветхого и Нового Заветов, «застывшие» в камне, глине, дереве или мраморе. Более того, средневековая живопись является художественным воплощением этих Заветов; она почти полностью символична и потустороння. Средневековая литература берёт начало, главным образом, из Библии. Средневековая музыка состоит из амвросианского, греко-иранского пения и других незамысловатых мелодий, с их *Kyrie eleison*, *Agnus-Dei*, *Credo*¹ и полурелигиозными песнями пилигримов. Она облечена в форму одноголосную, неземную, избегающую любых чувственных украшений. Ведь это музыка общения человеческой души с Богом. Религиозные службы и церемонии – главные формы средневековой драмы. Это искусство не создавалось для рынка, для целей выгоды, для славы, популярности или чувственного наслаждения. Оно было создано, как сказал Феофил, «*pec humane laudis amore*,

нec temporalis premii cupiditate ... sed in augmentum honoris et gloriae nominis Dei» (не ради любви человека к похвале, не из алчности к мирской награде, но ради умножения чести и славы имени Господа). Короче говоря, господствовавшее в средние века искусство было поистине великим идеациональным искусством.

В соответствии с основным принципом чувственной культуры, чувственное искусство живёт и развивается полностью в пределах эмпирического мира чувств. Эмпирический пейзаж, жанр, объекты, события и приключения, эмпирическая портретная живопись и чувственные ценности являются его предметом. Политические и деловые руководители, фермеры, рабочие, домохозяйки, девушки и другие человеческие существа – это его модели. Цель чувственного искусства – доставить утончённое чувственное наслаждение, отдых, стимуляцию усталым нервам, удовольствие, радость и развлечение. По этой причине оно должно быть сенсационным, страстным, патетическим, сладострастным и непрестанно новым. В похотливости и эротике своей перестойной фазы, оно отделяется от религии, морали, часто даже от науки, философии и других ценностей и называет себя «искусством для искусства». Поскольку оно должно развлекать, оно широко использует карикатуру, сатиру, комедию, фарс, разоблачения, смех и тому подобные средства. На перестойном этапе оно становится эклектичным и предлагает на своих выставках и в бестселлерах грубую банальную стряпню.

Его стиль натуралистический, визуальный, свободный от какого-либо сверхчувственного идеализма. Оно воспроизводит эмпирические феномены так, как они смотрят, звучат, пахнут или как-то иначе являются нашим органам чувств. Оно динамично в самой своей природе, в своей эмоциональности, в своих неистовых страстиах, действиях и зрелищах. Оно вынуждено быть непрерывно изменяющимся в последовательности своих стилей и прихотей, иначе оно станет нудным и безрадостным. Это искусство поверхностных шоу, разодетое напоказ. Поскольку оно не символизирует никакие сверхчувственные ценности, оно, подобно шикарной девице, зависит от своей внешности. Чтобы сохранить своё очарование, оно должно обильно использовать «пудру и румяна», помпу и случай, грандиозность, ошеломляющую технику и другие средства внешнего украшения. Это искусство профессиональных художников, угождающих своим патронам и инертной публике, а на перестойном этапе – требованиям рынка и различных коммерческих дельцов в искусстве.

Интегральная культура

Изредка появляется и расцветает на сравнительно короткое время третий основной тип культуры и изящных искусств, промежуточный между чувственным и идеациональным. Его основной принцип гласит, что истинной реальностью-ценностью является Неопределенное Многообразие (Infinite Manifold), которое имеет сверхчувственные, рациональные и чувственные формы, неотделимые одна от другой. Этот тип культуры можно назвать интегральным. Все его компоненты и его социальная жизнь выражают этот принцип. Он обращает внимание как на эмпирические, так и на сверхэмпирические аспекты истинной реальности-ценности. Наука, так же как философия и теология, начинают расцветать в нём, и они

гармонично сотрудничают друг с другом. Предметы изящных искусств здесь частично сверхчувственные и частично эмпирические, но только в самых благородных и возвышенных аспектах чувственной реальности. Его герои отчасти боги, отчасти в высшей степени героические человеческие существа. Это искусство, намеренно пренебрегающее всем вульгарным, низким и безобразным в эмпирическом мире чувств. Оно облагораживает недостойное, украшает безобразное, омолаживает старое и увековечивает смертное. Его стиль отчасти символический и аллегорический, отчасти реалистический и натуралистический. Его эмоциональный тон спокойный, мирный и невозмутимый. Художник здесь просто *primus inter pares*² в обществе, членом которого он является.

Каждый из этих трёх типов культуры и изящных искусств был реализован несколько раз: среди племён, не имевших письменности, в Древнем Египте, Вавилоне, Иране, Индии, Китае, Греции и Риме и в западном мире. В жизнеописаниях греко-римской и западной культуры и искусства доминирующей формой греческой культуры и изящных искусств от девятого до шестого века до н.э. была идеациональная; со второй половины шестого до конца четвёртого века до н.э. они были преобладающими интегральными; в течение последующих веков греко-римская культура и искусство стали преимущественно чувственными; после третьего века н.э. они дезинтегрировались в эклектичную смесь разных типов, и так было до тех пор, пока эклектизм не был заменён, после шестого века, христианской идеациональной культурой и изящным искусством, которые сохраняли своё господство до конца двенадцатого века.

В конце двенадцатого века идеациональное искусство и вся идеациональная культура начали дезинтегрироваться, возникли и стали развиваться новые чувственные культура и искусство. В тринадцатом веке эти два потока встретились и произвели чудесную европейскую интегральную культуру и искусство тринадцатого и четырнадцатого веков. В конце пятнадцатого века чувственный тип культуры для большинства европейских изящных искусств (кроме музыки, интегральный тип которой сохранял своё хрупкое превосходство почти до девятнадцатого века) стал доминирующим и господствовал до конца девятнадцатого века. В течение столетий его господства чувственная культура беспрецедентно прогрессировала в науке, технологии, экономике и политике, она создала огромную сокровищницу великолепных произведений чувственной музыки, живописи, скульптуры, литературы и драмы. Однако в конце девятнадцатого века эта творческая культура начала проявлять симптомы усталости и дезинтеграции*.

*Вспышка войн, революций и преступлений
как последствие
дезинтеграции чувственного строя*

В двадцатом веке великолепный чувственный мир западного человека начал быстро разрушаться и затем гибнуть. Произошла, среди прочего, дезинтеграция моральных, правовых и других ценностей, которые изнутри контролировали поведение индивидов и групп и управляли ими. Когда прекращается контроль глубо-

* См. подробную разработку и документирование этого очерка: Sorokin P.A., Social and Cultural Dynamics. 4 vols. (New York. Bedminster Press, 1962).

ко интериоризированных религиозных, этических, эстетических и других ценностей над человеческими существами, то они, и индивиды, и группы, становятся жертвами обмана и грубой силы, которые получают наивысший контроль над их поведением, отношениями и судьбами. В таких обстоятельствах человек превращается в человеческое животное, управляемое, главным образом, своими биологическими побуждениями, страстями и вожделением. Вспыхивает индивидуальный и коллективный неограниченный эготизм; борьба за существование становится интенсивнее; сила становится правом; и войны, кровавые революции, преступность и другие формы межчеловеческих раздоров и жестокости вспыхивают в беспрецедентном масштабе. Так это было во все великие переходные периоды от одного базисного социокультурного строя до другого; и так это происходит в настоящем столетии. Заметная дезинтеграция чувственного порядка возбудила вспышки первой и второй мировых войн, множество войн меньшего масштаба, кровопролитнейших революций, мятежей, преступлений и насилия в их наихудших формах. Эти вспышки сделали наше столетие самым кровавым из всех предшествующих двадцати пяти веков греко-римской и западной истории.

Войны, революции, мятежи и преступления, в свою очередь, ускорили дезинтеграцию чувственного строя. Она продолжается и в настоящее время, являясь одной из трёх основных тенденций нашего века. К счастью для всех тех обществ, которые не погибают в период такого перехода от одного базисного порядка к другому, процесс дезинтеграции часто вызывает мобилизацию оппозиционных сил. Слабые и незначительные вначале, эти силы медленно растут и затем начинают не только бороться с дезинтеграцией, но также планировать и затем строить новый социокультурный порядок, который может более адекватно разрешить гигантскую задачу критического перехода и постпереходного будущего. Этот процесс возникновения и роста сил, планирующих и строящих новый порядок, уже заявил о себе и сейчас медленно развивается. Это третья главная тенденция нашего времени.

Эпохальная борьба между всё более возрастающими бесплодными и деструктивными силами умирающего чувственного строя и созидательными силами возникающего интегрального социокультурного строя характеризует все сферы современной культуры и социальной жизни и глубоко влияет на образ жизни каждого из нас.

Эпохальная борьба в науке

В науке этот двойственный процесс проявил себя: с одной стороны, (а) всё нарастающей разрушительностью морально-бездейственных научных достижений чувственного типа, подобных ядерным средствам войны, изобретённым и продолжительное время совершенствовавшимся учёными чувственного типа; с другой стороны, (б) всё возрастающим числом учёных, которые отказываются сотрудничать в этом разрушительном злоупотреблении наукой и научным творчеством, в установлении и росте научных организаций, подобных нашему Обществу за социальную ответственность в науке, и наконец, в преобразовании базисных теорий науки в морально ответственном, интегральном направлении.

Всё это уже сделало современную науку менее материалистической, механис-

тической и детерминированной – или менее чувственной, чем это было в предшествующие два столетия. Для современной науки материя стала лишь конденсированной формой энергии, которая дематериализуется в излучение. Материальный атом уже распался более чем на тридцать нематериальных «загадочных, таинственных, ошеломляющих, непостижимых, колдовских» элементарных частиц: электрон и антиэлектрон, протон и антипротон, фотон, мезон и т.д., или на «образы» волн, которые превращаются в волну вероятности, волны сознания, которые наша мысль проецирует вовне. Эти волны, подобно тем, которые ассоциируются с распространением световых квантов, не нуждаются для распространения в пространстве-времени ни в каком материальном субстрате; они не волнообразны ни в жидкости, ни в твёрдом теле, ни в газе. В современной квантовой механике и электронике основные понятия «материалистической и механистической науки», такие как материя, объективная реальность, время, пространство, причинность, уже не применяются, и свидетельство наших чувств во многом теряет своё значение. Детерминированная причинность в субатомном мире уже уступила место принципу неопределённости Гейзенberга, забавным «прыжкам квантов», просто случайной связи, а в психосоциальных феноменах «волюнтаристским», «добровольным законам подчинения», или имманентной самодетерминации, свободной от причинности и случая. Эта последняя точка зрения подчёркивается такими лидерами в физических науках, как Макс Планк, Альберт Эйнштейн, А. Эддингтон, Е. Шредингер, В. Гейзенберг, Х. Маргенау, П. Дирак и многими другими.

Подобные преобразования имели место в новых, лидирующих теориях биологических, психологических и социальных наук. В противоположность устаревшим, хотя ещё и используемыми, клише механистической, материалистической и детерминистской биологии, психологии и социологии, восходящие значительные теории в этих дисциплинах ясно показывают, что феномены жизни, организм, личность, разум и социокультурные процессы не редуцируемы и не могут быть поняты как чисто материалистические, механистические и чувственно воспринимаемые реальности. Согласно этим теориям, они имеют, кроме своего эмпирического аспекта, гораздо более важные рациональные и даже сверхчувственные и сверхрациональные аспекты. В этих и других формах самая современная наука стала уже весьма интегральной по сравнению с той, что была в девятнадцатом веке. Что означает всё возрастающее замещение отмирающих чувственных элементов науки новыми интегральными.

Интегральная концепция истинной и абсолютной реальности

Это замещение становится ясным, если мы рассмотрим некоторые главные проблемы в физических, биологических и социальных науках. Мы можем начать с проблемы истинной и абсолютной реальности. Как отмечено выше, чувственная наука предшествующих столетий явно и скрыто проявляла склонность редуцировать реальность или к материи, или к тому, что воспринимается нашими органами чувств. Такая наука или отрицала или имела агностическое отношение к любой нечувственной реальности. В настоящее время эта концепция реальности

во многом уже отвергнута всеми науками как узкая и неадекватная. Она уже вытеснена несравненно более широкой и более адекватной концепцией абсолютной реальности. Сегодня эта абсолютная реальность есть размыщение о бесконечном пространстве Х бесчисленных качеств и количеств: духовного и материального, временного и вневременного, постоянно изменяющегося и неизменного, личного и сверхличного, пространственного и внепространственного, единичного и множественного. В этом смысле она постигается как истинная *coincidencia oppositorum*³ и *mysterium tremendum et fascinosum*⁴. Она является бесконечностью бесконечного. В своей абсолютности она не может быть адекватно описанной или обозначенной словами, идеями, определениями, знаками или символами, которые могли бы указывать, обозначать, описывать и определять конечные, ограниченные, специфические различия или пульсации бесконечного океана абсолютной реальности-ценности. Они могут определить некоторые из пульсаций этого океана, но не сам океан; он содержит в себе все пульсации и в то же время не идентичен ни с любой, ни со всеми ними.

Даже самые общие категории нашего мышления, такие как материя, количество, качество, отношение, время, пространство, субъект-объект, причина-следствие, бытие-становление, пригодны лишь для идентификации пульсаций, но не адекватны для определения абсолютной космической реальности-ценности. Высказывание И.С. Эриугены «Бог Сам не знает, что Он есть, потому что Бог не есть что» хорошо выражает эту неадекватность наших терминов и обозначений для определения абсолютной реальности-ценности. Она не идентична ни с что, ни с кто, ни с он, она, оно, ни с материей, ни с духом, ни с субъектом, ни с объектом, ни с какой-либо иной из её дифференциаций; и в то же время она заключает в себе все известные и неизвестные её качества. Это объясняет, почему множество мыслителей называли её «Неизъяснимой», «Невыразимой», «Божественным Ничто», в котором постепенно сливались все предметы и их различия (*omnia exent in mysterium*⁵ этой реальности, по словам св. Фомы).

С другой стороны, будучи сами одной из значительных пульсаций абсолютной реальности, мы можем грубо воспринять некоторые из её важных аспектов. Из её бесчисленных модусов бытия, три формы представляются существенными: (а) эмпирически-чувственная, (б) рационально-разумная, и (с) сверхрациональная-сверхчувственная. Новая концепция не отрицает чувственную форму реальности, но делает её только одной из трёх её главных аспектов. Эта новая концепция истинной реальности, будучи несравненно богаче и адекватнее старой, в то же время гораздо ближе к истине и абсолютной реальности практических всех религий, особенно их мистических направлений.

Интегральная теория познания и творчества

В соответствии с этим изменением, научная теория познания истинной реальности также изменилась. Хотя некоторые голоса ещё твердят классическую формулу Джона Локка: «*Nihil esse in intellectu quod non fuerit prius in sensu*» (ничего нет в нашем разуме, чего не было прежде в нашем чувстве) и монотонно повторяют старый рефрен, что чувственное восприятие и наблюдение – это единственное

пути научного знания и познания, эта теория познания также устарела и во многом заменена более адекватной теорией, соответствующей новой концепции абсолютной реальности. В соответствии с новой интегральной теорией познания мы имеем не один, а, по крайней мере, три различных канала познания: чувственный, рациональный и сверхчувственный-сверхрациональный. Эмпирический аспект абсолютной реальности воспринимается нами через наши органы чувств и их продолжения: микроскопы, телескопы и т.д. Рациональный аспект реальности постигается нами, главным образом, через наш разум: математическое и логическое мышление во всех его рациональных формах. Наконец, мимолётные впечатления от глубочайших сверхрациональных-сверхчувственных форм реальности даны нам истинной сверхчувственной-сверхрациональной «интуицией» или «божественным вдохновением», или «вспышкой просветления» всех творческих гениев: основателей великих религий, мудрецов, пророков и проповедников, титанов философии и этики, великих учёных, художников, моральных лидеров и других выдающихся творцов во всех областях культуры. Они единодушно свидетельствуют о том факте, что их открытия и их шедевры были созданы благодаря «благодати интуиции» – совершенно отличной от чувственного восприятия или логико-математического рассуждения – и затем развивались и проверялись в сотрудничестве с другими двумя путями познания и творчества, чувственным и рациональным.

Роль сверхсознания в научных достижениях и творчестве

Поскольку сверхсознательный способ познания и творчества ещё подвергается сомнению мыслителями чувственного типа, которые непростительно смешивают его с бессознательным или подсознательным, целесообразно кратко обрисовать современный взгляд на эту проблему. О сверхсознании известно очень мало. То, что известно, можно суммировать следующим образом:

(а) Сверхсознание, по-видимому, является первоисточником величайших достижений и открытий во всех областях творческой активности человека: науке, религии, философии, технологии, этике, праве, изящных искусствах, экономике и политике. Без его гения и руководства, просто посредством сознательной и бессознательной деятельности, возможны только заурядные достижения. И никогда величайшие. Профессор английского языка или музыкальной композиции может досконально знать все рациональные правила и технику, необходимые для соединения литературного или музыкального шедевра; и всё-таки, если он лишён сверхсознательного гения, он не сможет никогда стать даже дальним родственником Шекспиров и Чосеров, Бахов и Бетховенов.

(б) Сверхсознание творит и делает открытия посредством сверхсознательной интуиции. Она отличается от всех форм чувственной интуиции (восприятие, наблюдение) и от логического, математического и силлогического мышления. 1) В противоположность чувствам и разуму, интуитивное вдохновение, или познание, приходит как мгновенная вспышка, отличная от терпеливого чувственного наблюдения или математического, логического анализа. 2) Момент времени и обстоятельства этой вспышки едва ли можно предвидеть, предугадать или созна-

тельно вызвать. 3) Вспышка часто происходит в наименее ожидаемый момент и в наиболее неожиданных условиях. Это справедливо как в отношении наций и других организованных групп, так и в отношении индивидов. Поток их творчества в какой-то одной и во всех областях ослабевает и течёт, возрастает и спадает, перемещается от одной группы к другой в непредсказуемой и беспорядочной манере. 4) Интуитивная вспышка выявляет центральную или наиболее существенную природу интуитивного феномена, ноумена или связь с новой творческой ценностью. 5) Сверхсознательная интуиция лежит в основе всего чувственного и логического познания или ценностного опыта. 6) Сверхсознание лишено эгоизма. Оно переступает границы эго полностью и безусловно. Руководимый сверхсознанием индивид становится его безличным инструментом, поднявшись над ограничениями эго. 7) Сверхсознание с его творческой интуицией и другими характеристиками было замечено давно и обозначалось различными терминами. «Самость» (*self*) (vs. «эго»), «атман», «пуруша», «Просветление», «Вечный разум», «Божественная Незыблемость» (*Sublime Stupidity*), «не-знание» (*no-knowledge*), «божественное безумие» (*divine madness*), «нус» (*nous*), «Божья благодать», «божественное или мистическое откровение», «пневма», «*docta ignorantia*⁶», «внутренний свет» являются для него терминами, используемыми многими мыслителями и школами; «гений», «вдохновение», «творческий порыв», «наивысший разум, который во мгновение ока видит истину всех вещей в противоположность тщетному познанию», «божественное вдохновение» и «сверхразумная мудрость, которая выходит за пределы всех знаний», и ещё другие его наименования.

Обрисовав сущность сверхсознания, взглянем на конкретные свидетельства его существования и действия.

Так называемые *«calculation boys*, или «математически одарённые дети», являются собой пример мгновенного действия сверхсознания, совершенно отличного от сознательного математического вычисления. Эти субъекты, зачастую низкого интеллекта и сознательно не способные к элементарному математическому рассуждению или пониманию, могут мгновенно производить сложные математические вычисления, такие как определение логарифма какого-либо числа седьмой или восьмой степени, или интуитивное нахождение того, «какие множители составили бы любое большое, но не простое число»; так, если дано число 17.861, они могут мгновенно сказать, что оно равно 337×53 . Когда Араго на заседании Французской академии попросил Вито Манджиамеле (которому было десять лет и в других отношениях он был не образован) извлечь кубический корень из 3.796.416, ребёнок примерно через полминуты дал ответ «156». Его спросили: «Что удовлетворяет условию, чтобы куб числа плюс его квадрат, взятый пять раз, равнялся этому числу, взятыму 42 раза и увеличенному на 40?» Менее чем за минуту Вито ответил, что 5 удовлетворяет условию. И так далее.

Среди тринадцати таких одарённых детей мы имеем двух выдающихся способностей (Ампера и Гаусса) и трёх, способности которых оцениваются как хорошие. Остальные имеют низкий или средний интеллект. Некоторые из них не могли понять элементарную математическую теорему или теорему Евклида. Следует также заметить, что талант у большинства из них проявлялся, главным образом, в юности, лишь в течение нескольких лет. Какова бы ни была природа этого дара, одно несомненно: она совершенно отлична от обычного арифметиче-

ского вычисления и познания. Это операции сверхсознательного типа, непостижимые и иным путём невозможные.

В математических открытиях роль сверхсознательной интуиции огромна и необходима. А. Пуанкаре, Дж. Биркгоф, Араго, и целая интуитивистская школа математиков утверждают, что «интуиция и вера» служат «основаниями для рациональной сверхструктуры, воздвигнутой средствами дедуктивного и индуктивного мышления», что они обладают «эвристической ценностью», «чрезвычайно важны» и «превосходят разум».

Как Адамар, сам хорошо известный математик, недавно провёл специальное исследование психологии математических открытий. Наряду с другими источниками, он использовал ответы на свой вопросник ныне живущих выдающихся математиков.

Все эти математики утверждают, что их открытия были «внезапными и спонтанными», «без времени на обдумывание, тем не менее быстрыми». Они сообщают случаи, похожие на опыт Гаусса. Гаусс в течение многих лет бесплодно бился над математической задачей. Наконец, он сообщает:

«Я преуспел не за счёт своих мучительных усилий, но Божьей милостью. Подобно внезапной вспышке света, загадка оказалась разрешённой. Я, сам, не могу сказать, что было ведущей нитью, которая связала то, что прежде я знал, с тем, что сделало мой успех возможным».

То, что было сказано о роли интуиции сверхсознания в математике, ещё с большим основанием может быть отнесено и к другим естественным наукам. Интуиция сверхсознания даёт начало наиболее важным открытиям в этих науках.

Открытие Исааком Ньютона математического метода бесконечно малых, закона гравитации и структуры света являются классическими примерами великих открытий такого рода.

То же самое верно относительно открытий Галилео, Галлера, Блэка, Гаусса, Ампера, Либиха, Хемфри, Фарадея, Е.Г. Моора, Макса Планка, Дэви, Бертло, Бертрана Рассела и других. В биологии роли интуиции придавал большое значение К. Бернар. 83% из 232 учёных естественных наук, опрошенных Американским химическим обществом, допускали вероятность непредсказуемой вспышки проницательности, которая решила бы их научные проблемы адекватно и окончательно.

Неудивительно поэтому, что многие великие учёные – такие как Паскаль, Кеплер, Ньютон, Галилео и другие – были не только интуитивистами, но и мистиками, в узком смысле этого слова.

Философия также признаёт интуицию. Начиная с Упанишад в Индии и даосизма в Китае, включая все мистические философии Востока и Запада; Платона, Аристотеля, неоплатоников (Плотин, Порфирий, Прокл), неопифагорейцев и гностиков; Св. Августина и Отцов Церкви; Псевдо-Дионисия, И.С. Эриугену, Николая Кузанского, большинство великих схоластов позднего средне-вековья (включая Св. Фому Аквинского, особенно в последний период его жизни); вплоть до более современных философов – даже таких явных рационалистов, как Декарт и Спиноза, таких скептически-критических философов, как Юм и Кант, не считая Шо-

пенгауэра, Фихте, Шеллинга, Ницше, и таких объективных идеалистов, как Гегель, и вплоть до В. Соловьева, Л. Толстого, А. Бергсона, Н. Лосского, У. Джемса (в его последний период), Уайтхеда, Гуссерля и других «феноменологов»; Н.Бердяева, С. Кьеркегора, Ж. Маритена и неотомистов; М. Шелера, К. Ясперса, М. Хайдеггера и некоторых других экзистенциалистов – названные и многие другие философы, практически в подавляющем большинстве, признают некий род интуитивных аксиом, «форм разума» или интуитивных истин как основы всех математических, логических и чувственно-наблюдаемых истин во всех областях человеческого познания и творчества.

Интуиция сверхсознания играет, возможно, ещё более важную роль в инициации технологических изобретений, чем в научных открытиях. Детальное изучение того, каким образом изобретателям случается постичь свои открытия, безошибочно показывает роль интуиции; в большинстве этих случаев первая идея открытия пришла как вспышка, неожиданная, часто в особых условиях и прочих обстоятельствах интуитивной проницательности.

«Истинно гениальный человек – тот, кто действует импульсивно... И гениальность есть благодать». Так Ж. де Местр сжато подытоживает ситуацию в своём блестящем критическом очерке о *Novum Organum*⁷ Бэкона.

Ещё более важна роль интуиции сверхсознания в открытиях и творческой деятельности в языкоznании, изящных искусствах, гуманитарных и социальных науках.

Язык является необходимым условием человеческого мышления и творчества во многих областях. Его изобретение и создание – одно из величайших чудес человечества. Поскольку он является условием рационального мышления, он не мог быть изобретён сознательно и рационально. Создание всех естественных языков было в значительной степени сверхсознательным.

Ведущие философии, основные этические системы, главные кодексы законов и основные гуманистические и социальные научные теории в их самой возвышенной форме были сформулированы давно, когда не существовало ни лабораторий, ни статистики, ни рациональных методов, ни огромной массы эмпирических фактов.

Только благодаря сверхсознанию Платон мог создать свою великую философскую систему, к которой, уверяет А. Уайтхед, последующая история философии была лишь примечанием. То же самое можно сказать о месте сверхсознания в других великих философских системах прошлого, так же как и в великих теориях социальных наук, в этических и (до некоторой степени) юридических кодексах. Самые возвышенные этические системы великих религий были сформулированы давно. Все интеллектуальные этические теории не создали ничего равного нормам Нагорной Проповеди или подобного наставлению даосизма, конфуцианства, Упанишад, Бхагавад-Гиты, йоги, буддизма, джайнизма, иудаизма или ислама. Все последующие этические теории и кодексы – всего лишь примечания к этим великим этическим системам.

Ницше прекрасно описывает эту роль интуиции, или «вдохновения». В состоянии творческого вдохновения:

«...некто становится только медиумом для сверхмощных влияний. То, что происходит, можно назвать лишь откровением; нужно сказать, что внезап-

но с невыразимой уверенностью и деликатностью нечто становится видимым и слышимым и потрясает и раскалывает до глубины существа. Внимаешь, не ищешь; принимаешь, не спрашиваешь, кто есть тот, кто даёт; подобно свету вспыхивает мысль, неизбежная, совершенная по форме. ... Это экстаз... состояние бытия совершенно за пределами самого себя... Всё происходит в высшей степени непроизвольно, как в вихре чувства, свободы, энергии, божества».

Многие великие поэты описывали подобным образом главное превращение, которое они испытали, «вдохновлённые» или одержимые сверхсознанием.

И то же утверждают великие творцы музыки. «Вы спрашиваете, каков мой метод в написании и разработке моих крупных и громоздких произведений? – пишет Моцарт.– Действительно, я не могу больше ничего сказать об этом, кроме того, что я не знаю самого себя и могу никогда не узнать. Когда я нахожусь в особенно хорошем состоянии... тогда мысли спешат ко мне, и самые лучшие. Когда и как, я не знаю и не могу узнать».

Бетховен утверждает: «Вы спросите меня, откуда я беру свои идеи. Я не в состоянии ответить на этот вопрос положительно... То, что мы посредством искусства завоёвываем для самих себя, это от Бога, божественное вдохновение... Каждое подлинное создание искусства независимо, в нём больше мои, чем в самом художнике, и оно возвращается к Божеству посредством своей манифестации. Общее с человеком у него только в том, что именно оно свидетельствует о Божественном посредничестве».

Бетховен ясно подчёркивает неэффективность для творчества рационального склада мышления. «Короли и принцы, возможно, способны создавать профессоров и личных советников... но они не могут создавать великих людей...» «Новое и оригинальное рождается само, без чьего-либо размышления об этом».

Ещё более подробно описывает этот процесс Чайковский:

«Обычно семя будущего музыкального произведения прорастает мгновенно и в высшей степени неожиданно. Если в удачный момент, главная трудность миновала. Остальное вырастает само... (Новая идея даёт Чайковскому безграничную радость...) Забываешь всё, становишься безумен... Иногда вдохновение исчезает, снова ищешь его – зачастую тщетно. В такой ситуации следует опираться на совершенно холодный, неторопливый технический процесс работы. И это неизбежно. Возможно, именно в такие моменты в произведениях великих мастеров появляются те места, где нарушенна органическая связь, где можно обнаружить связь искусственную, грубые швы и обрывки мысли. Если бы это одухотворённое состояние художника, называемое вдохновением... продолжалось непрерывно, художник не смог бы прожить и одного дня... Струны порвались бы и инструмент разлетелся на куски. Одна вещь, однако, не допускает исключений; главная идея произведения, вместе с общим контуром отдельных частей, должна быть найдена не посредством поиска, но должна просто явиться как результат той сверхъестественной, непостижимой, не поддающейся анализу энергии, называемой вдохновением».

Подобные заявления делаются большинством писателей и поэтов. Шеллинг резюмировал их так:

«Как человек фатальной предопределённости судьбы исполняет не то, что он хочет или намеревается, но то, что он обязан выполнить под влиянием непостижимого рока, точно так же, по-видимому, художник ... находится под влиянием силы, которая ... заставляет его заявить о произведениях, которые он сам полностью ещё себе не представляет и суть которых бесконечна».

Наконец, роль сверхсознания имеет чрезвычайное, решающее значение в сфере религиозного творчества и морали. Лао-цзы, Зороастр, Будда, Моисей и еврейские пророки, Махавира, Христос, Магомет – все великие учителя в сфере морали вплоть до более современных харизматических религиозных лидеров – открыто признают эту роль.

«Я и Отец одно» (Иисус, Иоанн 10:30)

«Ты (Бог) есть созидатель этого» (Джайминийя Упанишады)

«И уже не я живу, но живёт во мне Христос» (Ап. Павел: Гал. 2:20)

«Деяния человека, которого ведёт Дух Святой, больше деяния Духа Святого, чем его собственные» (Св. Фома Аквинский)

«Если какой-либо человек должен прийти к Богу, он должен быть порожним от всех трудов и позволить Богу трудиться одному» (Джон Таулер, *Подражание Христу*, с. 16, 17)

«Не я, а Господь трудится через меня» (Св. Тереза)

«Это Ты, кто хотел моего прихода и кто взял существо моё, чтобы служить Тебе знанием для людей» (Аллах).

Та же идея подчёркивалась мистиками в утверждении о том, что это должно умереть прежде, чем сможешь достигнуть единения с Богом.

Мы видим здесь то же превращение человека в инструмент сверхсознания, которое мы наблюдали во всех сферах творчества. В религиозной и этической сферах эта «одержимость сверхсознанием» особенно заметна.

Я обрисовал наиболее существенное из того, что мы знаем о сверхсознании и его специфических функциях в истинно великом творчестве и глубоком познании. Его главная роль, по-видимому, – роль инициатора и верховного руководителя во всех значительных открытиях, изобретениях и шедеврах. Благодаря этой способности оно взаимодействует с чувственным и рациональным путями познания и творчества, чьи главные функции, по-видимому, состоят в развитии и проверке озаряющей идеи или образца, дарованного интуицией сверхсознания. Это означает, что каждое великое достижение или открытие всегда является результатом объединённых усилий всех трёх – сверхсознательного, рационального и чувственного – путей познания и творчества. Что предостерегает против принятия всех видов ложных «интуиций» в качестве сверхсознательных. В самом деле, благодать этой интуиции в её полной и чистой форме посещает лишь редко очень немногих «избранных и призванных».

Истина творческого шедевра, постигаемая путём интегрального использования всех этих каналов познания, полнее и величественнее, чем истина, достигнутая путём либо только чувственного восприятия, либо логико-математического рассуждения, либо интуиции. История человеческого познания – это кладбище, заполненноеискажёнными лирическими наблюдениями, ложными рассуждения-

ми и псевдоинтуицией. При интегральном использовании этих трёх методов они дополняют и проверяют друг друга. Интегральное познание означает также, что мы узнаём об абсолютной реальности не только от учёных-эмпириков и философов-логиков, но и от великих религиозных и моральных лидеров, подобных Будде, Иисусу, Конфуцию, Лао-цзы, и от творцов в изящных искусствах, подобных Бетховену и Моцарту, Гомеру и Шекспиру, Фидию и Микеланджело. Они взывают к нам, по выражению Рихарда Вагнера, *universalia ante rem*⁸. Итак, об интегральной концепции абсолютной реальности, познания и творчества сказано достаточно.

Интегральная теория человеческой личности

Подобная борьба продолжается между старой, чувственной и новой, интегральной теорией человеческой личности и человеческого разума. Чувственные теории рассматривали человека, главным образом, как животный организм вида *Homo sapiens* и были склонны интерпретировать его природу и поведение, прежде всего, в механистических, рефлексологических и других «физикалистских» терминах. Некоторые из этих чувственных теорий отрицали реальность человеческого разума. Другие видели в нём только две формы ментальной энергии: бессознательную и сознательную. Современная декадентская форма чувственных теорий, представленная «заметками» Фрейда, в значительной степени редуцировала разум или человеческий дух до бессознательного сексуального либидо, или соединила его с садистическим Эдиповым, Танатос и другими комплексами, с эпифено-менальной «эго» и «супер-эго», представляющими собой модификацию того же бессознательного под давлением семейной и общественной «цензуры». Этот род чувственной теории личности представляет собой лишь декадентскую и грубую разновидность предшествующих ей грубо чувственных концепций человека. В фрейдистской и подобных ей современных догадках порча и деградация человеческой натуры упали до её самого низкого уровня.

К счастью, возросшее знание о человеческой личности привело, в сущности, к отходу от декадентских чувственных теорий как научно-фантастических, эстетически безобразных и этически деморализующих, к возникновению и росту новых, более научных и адекватных концепций в этой области. В этих новых теориях человек постигается как чудесное интегральное существо. Он является не только животным организмом, но также и рационально мыслящим и деятелем: к тому же, он подтверждает своё сверхчувственное и сверхрациональное бытие как активный и важный участник высших творческих сил космоса. Он – не только бессознательное и сознательное творение, но, главным образом, сверхчувственный мастер-творец (*master-creator*), способный контролировать и переступать пределы своих бессознательных и сознательных энергий в моменты «божественного вдохновения», в периоды наивысшего и наиболее интенсивного творчества. Как отмечалось раньше, величайшие открытия и творческие достижения человека имели место, в значительной степени, благодаря человеку – сверхсознательному мастеру-оператору (*master-operator*), которому оказывал помощь человек-рациональный мыслитель и человек-эмпирический наблюдатель и экспериментатор. Если бы человек был организмом, мотивируемым и управляемым только

либидо или другими формами бессознательного, он имел бы так же мало шансов стать высочайшим творческим фактором во вселенной, как и другие биологические виды, управляемые лишь рефлексивно-инстинктивным бессознательным иrudimentами сознательного разума. Определённо, наделение *Homo sapiens*⁹ развитым рациональным умом и сверхсознательным гением ответственно за его истинно поразительное и всё возрастающее творчество. Как мы видим, эта новая интегральная теория человеческой личности вновь оказывается довольно близкой религиозной идеи человека как сына Божия, созданного по образу Высшего Творца (*Supreme Creator*). Она более чётко формулирует триадические концепции человека, преобладающие в великих религиях. Эти концепции рассматривали человека как создание, имеющее три формы бытия: (а) бессознательную (рефлексивно-инстинктивный механизм тела), (б) сознательную (рациональный ум), и (с) сверхсознательный творец («Нус», «Пневма», «Дух», «Душа», «Божественное Я»). В рациональном и сверхсознательном свойствах человека лежит ответ на древний вопрос: «Что есть человек, что ты заботишься о нём?»

Иноязычные выражения и слова

¹ Kyrie eleison (греч.), Agnus-Dei, Credo (лат.) – начальные слова христианских религиозных песнопений.

² primus inter pares – первый среди равных (лат.)

³ coincidencia oppositorum – совпадение противоположностей (лат.)

⁴ mysterium tremendum et fascinosum – тайна ужасающая и завораживающая (лат.)

⁵ omnia exeunt in mysterium – всё переходит в тайну (лат.)

⁶ docta ignorantia – знающее незнание (лат.). Понятие, введённое Николаем Кузанским. См.: Избр. филос. соч. М., 1937.

⁷ «Novum Organum» – сочинение Ф. Бэкона «Новый органон, или Истинные указания для истолкования природы» (лат.)

⁸ universalia ante rem – всеобщее прежде индивидуального (лат.)

⁹ Homo sapiens – человек разумный (лат.). Понятие, введённое К. Линнеем.

Питирим Сорокин

Кризис современной семьи

Семья, как и все общественные установления, на протяжении своей истории испытала ряд изменений. Её развитие не остановилось и на современных её формах. Вдумчивое изучение ряда явлений показывает, что в настоящее время семья, как социально-правовая организация определённого вида, переживает острый перелом; старые и отчасти современные её формы мало-помалу исчезают и уступают место иным формам, известным пока лишь в самых общих чертах. Коротко говоря, современная семья изменяется и переходит в наши дни к новой, грядущей семье.

Конечно, этот процесс изменения её стоит в связи с изменением всей остальной общественной жизни. По мере того, как изменяются основы современного общества, – изменяется и семья.

Но так ли это? Не есть ли сказанное простое заблуждение? Мне думается, что нет: в современной семье, действительно, происходит какой-то перелом, грозящий смести её основные черты. Кратко указать доводы, говорящие за это, – такова задача нижеследующих строк.

Современная семья представляет из себя союз, во-первых, мужа и жены, затем, родителей и детей, и в-третьих, более широко, – союз родственников и свойственников.

Основанием союза супружеских явлений является брак, признанный государством, заключаемый в определённой юридической форме и влекущий за собой определённые юридические последствия – личные и имущественные.

Церковь определяет брак, как таинство, посредством которого два существа сливаются в «единую плоть», в союз, наподобие союза Христа с Церковью. Юристы, следя определению Модестина, понимают под браком – состояние полной жизненной общности между супругами, пожизненную связь, основанную на божеском и человеческом праве. Переводя эти юридические положения на более простой язык, можно сказать, что в принципе современный брак означало полное слияние двух существ, пожизненное шествие их по дороге жизни и совместное осуществление поставленных себе задач. Эта связь была до сих пор достаточно прочной и для огромного большинства – *пожизненной*. Два существа, действительно, превращались в «плоть единую» и совместно с детьми представляли своего рода «государство в государстве».

Являясь такой самостоятельной ячейкой, современная семья и помимо брака, какового союза, была объединена и скреплена рядом других связей. Как союз родителей и детей, она была своего рода независимым *хозяйственным целым* («домашний очаг») и *первой школой и воспитателем*. На родителях, обладающих рядом прав по отношению к детям, лежали и обязанности – заботиться об их материальной обеспеченности и об умственном и нравственном воспитании.

* Статья была опубликована в журнале «Ежемесячный журнал», 1916, № 3.

Определённые права и обязанности лежали и на детях. Государство почти не вмешивалось в этот внутренний распорядок семьи. Она была ограждена своего рода запретной стеной, за черту которого, кроме случаев исключительных, носящих уголовный характер, государственная власть не переступала. Она предоставляла семье полную самостоятельность и ревниво оберегала её прочность, независимость и её основы. Посягательства на ослабление или разрыв супружеской связи (половая чистота, оскверняемая прелюбодеянием, и внебрачные половые связи) всячески преследовались и, особенно в древности, жестоко карались.

Чтобы сильнее закрепить эту связь, государство и церковь всячески мешали её разрыву, путём ли разводов или раздельного жительства. Католичество, исходя из слов Христа: «Что Бог соединил, того человек да не разлучает», и до сих пор не допускает никакого развода.

В тех же целях жена отдана была в опеку мужа, дети – в распоряжение родителей. Этую же задачу преследовало установление общности имущества супругов, солидарности их интересов и передача материальной и духовной заботы о детях в руки родителей.

Одним словом, семья была цельной общественной единицей, ведущей свою самостоятельную жизнь в государстве.

Что же мы видим в течение последних десятков лет? А видим, что время исподволь и постепенно подкапывается под все автократические основы семьи и мало-помалу разделяет все основные связи, делавшие её цельной единицей. *По мере приближения к нашему времени становится более слабым и союз мужа и жены и союз родителей и детей*, т.е. те две основы семьи, которыми исчерпывается её содержание.

2.

Займёмся сначала рассмотрением ослабления *связи супругов*. Из чего видно, что *союз супругов становится всё более и более непрочным и всё легче и легче разрывается*?

Доказательством служат многие факты¹:

1) Всё быстрее и быстрее растущий процент разводов и «разлучений от стола и ложа», 2) уменьшение самого числа браков, свидетельствующее о том, что всё больше и больше становится лиц, не желающих связывать себя современными узами «законного брака», 3) рост «внебрачных» союзов мужчины и женщины, 4) рост проституции, 5) падение рождаемости детей, 6) освобождение женщины из под опеки мужа и изменение их взаимных отношений, 7) уничтожение религиозной основы брака и 8) всё более и более слабая охрана супружеской верности и самого брака государством.

Эти факты, если они действительно верны, достаточны для того, чтобы сказать: дальнейшее существование семьи в современных принудительных формах и в самом деле становится весьма трудным. Совокупность их для того, кто умеет понимать язык «безгласных» цифр, говорит о том, что современная семья переживает глубокий кризис.

¹ Все приведённые ниже факты представляют не анализ причин, вызывающих изменение, а лишь совокупность признаков, долженствующих подтвердить указанное положение.

Остановимся подробнее на каждом из них.

1) Что число разводов и абсолютно, и относительно растёт, в этом нет сомнения. Приведём цифры. По Бертильону, число разводов и разлучений на каждые 10000 браков относилось так:

	в 1867—76 гг.	в 1877—86 гг.
Англия	9	19
Шотландия	16	20
Франция	72	127
Германия	107	152
Россия	18	22
Венгрия	—	64
Соед. Штаты	330	444 и др.

Как видно из этих цифр, % разводов на 10000 браков в позднейшее десятилетие всюду возрос.

По отдельным странам за более позднее время рост разводов гораздо резче. Так, в Бельгии в период 1905—09 гг. ежегодный % разводов по отношению к числу браков в 8 раз увеличился в сравнении с числом разводов в 1870 г.

По данным Лихтенберже, в Северо-Америк. Соединённых Штатах с 1870—1905 гг. население увеличилось вдвое, а разводы — в 6 раз, в период с 1890 по 1905 гг. число разводов по отношению к числу браков возросло в 3 раза.

То же увеличение наблюдается и во всех государствах, хотя и в иных цифрах.

Такое быстрое увеличение разводов за сравнительно короткий период само по себе уже весьма красноречиво. Оно станет ещё более красноречивым, если учесть тот факт, что чем плотнее заселена страна, тем % разводов выше. Отсюда — вывод, в крупных городах, в промышленных центрах разводы должны быть чаще, ибо это наиболее плотно заселённые области. В той же Бельгии, по данным Жакара, относительный % разводов в городах с 100000 населением в 10 раз выше, чем в коммунах с населением менее 5000. То же наблюдается и в Германии и Франции, по данным Майра, и в большинстве других государств, по данным Боско.

В Швейцарии, например, на 10000 пар в городе приходится 21 развод католиков и 40 протестантов, в деревне — 5 для католиков и 24 для протестантов.

Разновидностью того же фактора является тот результат, что % разводов быстро растёт в быстро растущих городах, с сильно развитой экономической жизнью. Подтверждением служат цифры развода в Берлине, Гамбурге и особенно в новых городах на западе Америки, с их лихорадочно растущей экономической жизнью.

А раз так, то, учитывая, что плотность населения в дальнейшем должна всё более и более расти, приходится думать, что всё быстрее и быстрее будут расти и разводы, что мы и видим. А это говорит ни о чём другом, как о том, что *брачные связи становятся всё более и более непрочными, всё легче и чаще разрываются, делаются короче и короче*. Раньше они связывали «по гроб жизни», чем дальше, тем на меньшее и меньшее время объединяют они двух людей и разрываются. В Бельгии $\frac{1}{2}$ разводов была менее, чем через 10 лет брачной жизни, $\frac{1}{5}$ — менее, чем через 5 лет супружества. Есть значительное число разводов и в течение 1—2 года

браха. Так, % разводов после одного года брака равняется 1% в Саксонии, Англии и Швеции, 10% – в Австрии и Италии и 15% – в Японии.

Не вдаваясь пока в дальнейшие подробности, из сказанного видно, что движение разводов вполне подтверждает начавшийся распад семьи.

2) Но в общественной жизни всё связано одно с другим. Раз брачная связь становится всё более и более слабой, то это ослабление её должно проявляться не только в росте разводов, но и в других формах. Так оно и есть. Одним из таких явлений служит *факт падения числа самих браков*. Он означает, что с ходом времени всё больше и больше становится лиц, не желающих вовсе этой связи и тем самым отрицающих как основу, так и самую сущность современной семьи.

Приведу данные:

На 1000 жителей приходилось браков:

	в 1872 г.	в 1895 г.
в Германии	10,3	7,9
Австрии	9,3	7,9
Франции	9,7	7,5
Англии	8,5	7,4

(Беру у М.Н. Гернета: Детоубийство, 119)

То же уменьшение мы найдём, если будем переходить от низших профессий (земледельцы и крестьяне) к высшим, особенно к свободным профессиям.

Наивно было бы думать, что это уменьшение брачности объясняется отказом от половой жизни. Дело обстоит иначе, половое чувство удовлетворяется, но удовлетворяется вне брака.

3) Отсюда сам собой следует вывод, что *число внебрачных половых связей должно расти*, что опять-таки говорит о том же факте распадения семьи и брачной связи, охраняемой законом. Само собой разумеется, что рост внебрачных связей пока что не поддаётся прямому статистическому учёту. Каждому известно, что это факт принадлежит к числу «интимных» тайн, и потому статистика беспомощна проникнуть в эту область. Но каждому, живущему в больших городах, это явление едва ли покажется спорным и сомнительным. Но помимо очевидности его есть и некоторые косвенные указания, позволяющие верить в правдоподобность данного роста. Такими *косвенными подтверждениями его являются*: 1) рост внебрачных рождений, 2) рост абортов (выкидышей) и растущее применение «предохранительных средств» и 3) рост проституции.

Если проследить рост внебрачных рождений за короткий промежуток времени, то он не выступает вполне ярко. Но если взять период более или менее длинный, то линия роста становится ясной. Приведём примеры.

В Швеции на 100 рождений приходилось внебрачных:

в 1791–1800	3,9
1801–1810	6,2
1811–1820	6,7

1821–1830	6,7
1831–1840	6,7
1841–1850	8,6
1891–1894	10,2

Во Франции на 100 рождений приходилось внебрачных:

в 1800–1805	4,75
1811–1815	6,04
1816–1820	6,62
1821–1825	7,16
1826–1830	7,21
1831–1835	7,36
1836–1840	7,41
1841–1845	7,15
1846–1850	7,16
1890–1895	8,67

И тут и там, как мы видим, этот % неуклонно растёт.

Тот же рост мы видим и при переходе от сёл к городам, от малых городов к большим, иначе говоря, от мест, заселённых менее плотно, к местам с большей плотностью населения. Так, на 100 рождений приходится внебрачных:

	в городах	в сёлах
в Швеции	27,44	7,50
Дании	16,05	10,06
Франции	15,13	4,24
Бельгии	14,49	5,81
Пруссии	9,88	6,60
России	11,00	1,80

Ещё резче эта высокая рождаемость внебрачных проявляется в крупных городах. Так, на 1000 рождений приходится внебрачных:

в Вене	453
Праге	438
Стокгольме	401
Париже	280
Копенгагене	223
Христиании	130
Петрографе	280
Москве	400

В Петрограде в период 1886–94 гг. из 1000 женщин, разрешавшихся в каждый данный год первым ребёнком, 437, т.е. более $\frac{2}{5}$, рождаают вне брака. (Данные беру из ст. В.Покровского в Энцикл. сл. Брокгауза, т. 40).

Раз увеличение плотности населения ведёт к увеличению внебрачных рождений, то в виду роста этой плотности приходится ждать и дальнейшего увеличения % рождаемых вне брака.

Но если бы даже и не замечалось увеличения внебрачных рождений, нельзя было бы ещё отсюда заключить об отсутствии роста внебрачных половых союзов. Дело в том, что % внебрачных рождений в значительной степени уменьшается и скрадывается фактом постоянно растущего производства *абортов (искусственных выкидышей)*. Если бы не было этого факта, кривая линии внебрачных рождений была бы гораздо выше, ибо чем дальше, тем больше и больше в целях избегания рождений город прибегает к абортам. Как известно, цифра ежегодных аборты в крупных городах возросла неимоверно. Так, в Нью-Йорке ежегодное число их определяется в 80000, в Париже – 50000, в Лионе эта цифра достигает 10000. В Германии, по данным Гутцайта, число ежегодных выкидышей не менее 400000. То же видим мы в Англии и в других странах. (См. Олейник, Преступный аборт, в «Трудах кружка угол. права» М.М. Исаева, 111–112).

В Петрограде за 1912 г. было в больницах вследствие аборта 4734 чел. А сколько аборты совершено «шито,крыто»! В больницы попадает лишь небольшой процент. (См. ст. А.Борхова в «Вестнике Права», № 16, 1914 г.).

При таком колоссальном росте аборотов естественно, что не малая доля их приходится и на внебрачные связи. Я думаю, что 50% абортов, по меньшей мере, совершается именно девушками или вдовами. Так, по данным того же Борхова, в Петрограде из 4734 абортов на долю последних приходилось 41,1%. Если учесть тот факт, что аборт часто совершается и замужними, зачавшими от «незаконной связи», то цифра 50 % – едва ли будет высокой.

А раз так, то само собой понятно, почему кривая внебрачных рождений растёт не столь резко, как следовало бы ожидать. Результатом «незаконного» полового сожития теперь является не ребёнок, а выкидыши.

Но мало и этого. Следует принять во внимание ещё и *всё растущее применение средств от беременности*. Широкое рекламирование их, желание избавиться от детей или от «неприятностей» аборта и от всех тяжёлых последствий того и другого (стыд, позор, заботы о ребёнке, уголовная наказуемость аборта и т.д. и т.д.), всё это приводит и привело к весьма частому и многочисленному применению их в жизни. А это, в свою очередь, понижает % внебрачных рождений, даёт возможность избавиться от них и скрыть в тайне внебрачные половые связи.

О том же факте роста внебрачных половых сношений говорит и *факт роста проституции в городах* и плотнонаселённых центрах. Каких ужасающих размёров достигла проституция, можно судить хотя бы по таким цифрам зарегистрированных проституток, фактически гораздо меньшим подлинного числа проституток.

В 70-х годах Лондон имел более 5000 публичных домов с 30000 проституток в них и, сверх того, до 40000 женщин, занимавшихся проституцией вне этих «учреждений». На каждые 7 женщин Лондона приходилась 1 проститутка. В Ливерпуле число проституток было около 3000, в Нью-Йорке – больше 10000, в Париже – до 100000, в Гамбурге на 8 женщин 9-я была проститутка и т.д. и т.д. (См. Oettingen, Moralstatistik. 1882, 198–199).

Но эти цифры и тогда были ещё далеки от действительности, а теперь армия

проституток в крупных центрах считается уже не десятками, а сотнями тысяч!!.. Хотя число «зарегистрированных» растёт и не так быстро, и кой-где даже понижается, однако, ряд исследований показывает, что число фактических проституток возросло до ужасающей величины и притом привело к занятию этим «ремеслом» не только взрослых девушек и женщин, но и детей (9–10 л.) и жертвами её стали даже и дети – 4–5 лет. (См., напр., ст. Гальперина в сб. М.Н Гернета: Дети-преступники).

Такой рост этого «цветка» современной городской культуры опять-таки говорит о том же увеличении внебрачно полового общения.

А всё сказанное о росте внебрачных детей, абORTa и проституции, вместе взятое, надеюсь, достаточно убедительно доказывает факт роста внебрачных связей и тем самым ослабления супружеской связи, иначе говоря, увеличивающееся разложение брака и семьи.

Уже само по себе развитие этих явлений служит признаком падения современных «устоев» семьи, применительно же к факту ослабления семейной связи – оно является неопровергимым доказательством.

4) Одновременно и причиной ослабления семьи, и в то же время признаком её распада, служит и факт уменьшения деторождения в браке. Как-никак, а по своему заданию супруги до сих пор вступали в брак, грубо говоря, не только «ради удовольствия», но и продолжения потомства. Иметь детей и быть отцом и матерью для семьи до сих пор было нормой. Семья без детей – была исключением, чем-то ненормальным. Что же мы видим в последствии десятилетия? А то, что рождаемость постепенно падает. В «моду входят» «бездетные» браки, иметь детей считается теперь «неудобным и непрактичным» по целому ряду соображений: говорят в этих случаях и о трудности жизни, и о материальных и экономических заботах, и о том, что дети – «роскошь», стоющая весьма дорого, и о трудности их содержания, воспитания, обучения, и о том, что они связывают руки, мешают работе или выездам на балы, портят бюст матери и её красоту, прежде всего её старят, заставляют отца надрываться в излишней работе и т.д. и т.д... Мотивы приводят разные. Но, как они ни разнообразны, факт остаётся фактом: процент брачной рождаемости падает. В ряде стран, как, например, Франция, – это явление общеизвестное. То же теперь наблюдается и во всём культурном мире. Приводить цифры, доказывающие этот факт, – излишне ввиду общеизвестности и неоспоримости данного явления.

Не входя здесь в оценку указанного положения дела, я должен подчеркнуть, что такое явление не безразлично для прочности семьи. Яснее говоря, оно способствует её разложению, и в этом смысле является одной из причин, ослабляющих семейные основы. Дети, как-никак, были одним из тех «обручей», которые сплачивали семейный союз, заставляли супругов терпеливо относиться друг к другу, мешали им расходиться из-за пустяков, давали смысл браку. Забота же о детях мешала и прямо, и косвенно неверности супругов, не допускала «измены», давила тяжестью, направляя поведение родителей в сторону сохранения интересов семьи и её цельности.

Иначе обстоит дело в браке без детей. Единственная связь супругов – это духовное и телесное единение. А то и другое, как известно, весьма часто бывает крупным и нередко подвергается искушениям и соблазнам. В этом смысле отсут-

ствие детей во многих формах ведёт к большому легкомыслию: там, где раньше забота о детях, о семейном очаге, его чистоте и т.д. могла остановить супруга от соблазна и от легкомыслия, при браке без детей – этот «тормоз» – отсутствует и не давит своей тяжестью на поведение человека. Супруг рискует только своей связью с другим супругом, которого он часто не прочь заменить новым и не прочь устроить «новое гнездо», так как эти «разрывы» и новые «связи» теперь не столь громоздки, не столь трудны и не связаны с судьбою детей. При браке с детьми неизменно вставал вопрос: «А как же дети?», вставал и нередко удерживал от посягательства на целостность семьи. При бездетности – этого вопроса нет, а потому – нет и этого скрепляющего семью цемента.

Помимо сказанного то же отсутствие детей сотнями других путей ведёт к тому же ослаблению семьи. В зажиточных семьях они заполняли досуг, особенно матери. Заставляли её работать и тем самым удаляли поводы для соблазнов. При бездетности – время ничем не занято, появляется пустота и скука, а в таких условиях весьма успешно процветает фантазия, игра воображения рисует ряд картин, устанавливаются всякие «выезды», визиты, балы, жур-фиксы и т.д., иначе говоря – появляется тысяча соблазнов, ведущих разными путями к одному итогу – к нарушению святости и прочности семьи.

Что это так, подтверждается, между прочим, и статистикой разводов. Оказывается, процент разводов обратно пропорционален проценту рождаемости: особенно высок в странах с малой рождаемостью (Франция и Швейцария) и низок, где рождаемость высока. Тот же факт, по данным Боско, подтверждается и тем, что относительный % разводов для браков с детьми гораздо ниже, чем % разводов бездетных браков. Тот же факт указывает и Жакар на основании статистики разводов Бельгии.

Таково значение этого факта.

5) Но пойдём далее и остановимся *на факте эмансипации женщины*. Спросим себя, как должен влиять на прочность современной семьи этот факт? Позитивно или отрицательно? Как это ни странно с первого взгляда, но несомненно, что факт эмансипации женщин при данных условиях является разлагающим семью фактором, а не укрепляющим её. Это подтверждается, между прочим, тем, что в странах, где женщина добилась больших прав и более свободна, более высок и % разводов, совершаемых по требованию и ходатайству женщин, и чем больше она приобретает прав, тем число разводов по требованию жены – всё более и более растёт. Примером могут служить данные, приводимые Лихтенберже (Pioorce) из изучения движения разводов в Соед. Штатах Северной Америки. Там % означенных разводов особенно высок (68–72 %) и всё более и более растёт. Те же выводы даёт и Боско.

И не трудно понять, почему это так. Раньше, когда женщина была «прикреплена к мужу», когда муж был «кормилец», «добытчик денег», а жена ведала кухней и пелёнками, пред ней все пути были закрыты. Она не могла занимать ни общественную, ни государственную должность, не принимали её и на частную службу, так как в большинстве случаев она не имела достаточных знаний и не готовилась к той или иной специальности. Сфера её деятельности была узка и ограничивалась ролью матери, жены и хозяйки. Вне семьи – пути к самостоятельному её существованию – были и юридически, и фактически закрыты. Куда

было ей деться? На что жить? И чем существовать, не жертвуя ни совестью, ни честью? Ответ – почти ничем. А потому, волей-неволей, ей приходилось дорожить семьёй, слушаться мужа, терпеть и выносить нередко его деспотизм и капризы, не противоречить и во всяком случае не разрывать связи с семьёй, – её единственным кровом и прибежищем.

Иначе обстоит дело при наличии уравнения её общественных и политических прав. В странах равноправия – перед ней все пути открыты. Она не поставлена в исключительную зависимость от мужчины и сама способна жить самостоятельно и добывать себе средства, путём ли общественной или государственной службы, или частной службой, или искусством, или литературой (женщины-чиновники, адвокаты, инженеры, врачи, артистки, писательницы, фабр. работницы, служанки, учительницы, телефонистки, кондуктора, извозчики и т.д. и т.д.).

Здесь уже она не вынуждена, из-за куска хлеба, выносить всё то, что терпела раньше. Перед ней, как и мужчиной, пути открыты. У ней есть и знания, и подготовка для того, чтобы безбедно существовать, а потому, раз ей муж или брак почему-либо не нравится, – она без труда может разорвать связь и заменить её новой или начать самостоятельное существование.

Раньше она была «рабой», теперь стала «госпожей». Раб терпит многое, что ему не нравится, свободная личность предъявляет повышенные требования и к себе, и к другим, и ревниво защищает свои права. Что раньше она вынесла было молчаливо, теперь она не переносит. Отсюда – увеличение взаимных столкновений с мужем, отсюда же – и лёгкость расторжения семейного союза. Облик этой «новой» женщины – иной, и мудрено ли, что литература уже выявила его (См. статью А. Коллонтай: «Новая женщина», где на основании литературных произведений автор сделал попытку характеристики свободной, «холостой» женщины, – «Совр. Мир». 1913 г., сентябрь).

Из приведённых штрихов видно, почему эмансипация женщин ведёт к ослаблению семейного союза.

А что освобождение женщины совершается с поступательным ходом истории, что она завоёвывает всё больше и больше прав – это общее место, не требующее доказательств. (См. историю падения подопечности женщин в моей книге: «Преступление и кара» и в моей статье «Законы развития наказаний» в «Новых идеях в правоведении», Сб. № 3).

Итак, и этот факт ведёт к тому же результату распыления семьи, раньше скреплённой властью «отца семейства», позже мужа, – властью, когда-то имевшей безграничный характер, обладавший правом жизни и смерти и, с ходом истории, постепенно ослаблявшийся и исчезавший, а в наши дни, при равноправии супругов, потерявший значение. Исчезновение этой власти означает тем самым и гибель одного из обручей, скреплявших храмину семьи, построенной на принуждении и власти.

6) Говоря о причинах и признаках падения семьи, нельзя пройти мимо и религиозных причин. Для каждого, занимавшегося историей правовых установлений, семьи и брака в частности, известно, какую громадную роль играла и играет религия в общественной жизни. Не мала была эта роль её и в области брака. Не будет преувеличением, если я скажу, что *одной из главных основ семьи и брака была религия и её покровительство браку и семье, как религиозному,*

священному установлению. На этом основании брак был объявлен «тайном», семья – учреждением божества, охраняемых церковью и государством, посягательства против неё – грехом и великим преступлением. Весь авторитет церкви, вся её святость и в силу этого вся сила государства были пущены в ход для защиты семьи и основ брака. Человек, собиравшийся посягнуть на семейный союз, должен был считаться не только с вопросом удобства и счастья, как теперь, но должен был пойти на великий грех, посягнуть на догматы и авторитет церкви, потерять душу, предать её дьяволу, и сверх того считаться с немалыми карами, налагавшимися государством.

Как видим, здесь препятствий и задерживающих факторов было не мало. Все они всем своим громадным весом давили на него и решиться перешагнуть их могли только единицы.

Этой религиозной основой брака и объясняется факт беспощадных наказаний за прелюбодеяние, налагавшихся государством на прелюбодеев.

А наказания эти были не малы. Почти во всех первобытных общинах за неразрешённые половые сношения назначалась смерть.

Библия гласит: «Если кто будет прелюбодействовать с женою замужнею, с женою ближнего своего, да будут преданы смерти прелюбодей и прелюбодейка».

Законы Ману гласят: «Если жена... неверна мужу, пусть король бросит её на съедение собакам на многолюдной площади и пусть присудят любовника к сожжению на раскалённой железной кровати».

Закон Гаммураби приказывает обоих бросить в воду, ибо «муж не позволит жить своей жене, а король – подданному».

То же было у арабов, в Египте, афинян, в Риме в эпоху XII таблиц и почти во всех древних законодательствах. То же было и у нас в древности. (См. подробно: Сорокин: «Преступление и кара», 365–368).

Такая же строгость наказаний была и за любодеяние и, шире говоря, за внебрачную половую связь вообще. (У франков женщина заживо сжигалась, у саксонцев её принуждали к самоубийству или забивали на смерть, у фризов за своё «падение» она платила такой же штраф, как и за убийство свободного человека, у римлян виновных наказывали ссылкой, телесным наказанием и конфискацией половины имущества и т.д.).

Но время шло и, плохо ли, хорошо ли, постепенно изменило старые верования и выветривало религиозные основы брака и семьи. Из религиозного установления брак стал «цивильным», т.е. гражданским, утратившим в большинстве стран свой религиозный характер, что формально выражалось в отнятии у церкви, со времён революции 1789 г., заведывания брачными делами и передаче его в руки гражданских властей в большинстве стран («гражданский брак», заключаемый в префектуре, и т.д.).

Потеря этой религиозной основы брака и семьи имела громадное значение. То, что раньше было божеским установлением, то стало обычным человеческим учреждением; то, что раньше окружено было ореолом святости, превратилось в дело рук человеческих; посягательство на брак, раньше бывшее грехом и преступлением, теперь стало вопросом житейского удобства.

Разрыв или осквернение брака прежде означал оскорбление божественного установления и заповедей, теперь – превратился в обычное явление. Если раньше

трудно было решиться на разрыв, то теперь все лишние препятствия пали. Говоря коротко, исчезновение религиозного характера брака дало возможность более легко и лишь с точки зрения удобства рассматривать и относиться к нему. Благодаря гражданскому браку исчез один из рычагов, ранее принуждавших более строго и серьёзно относиться и уважать «от Бога данную» связь. Мудрено ли поэтому, что параллельно с этим процессом исчезновения религиозной основы брака мы видим и постепенное ослабление его охраны со стороны государственной власти. Наказания за внебрачные половые связи, а равно и за прелюбодеяние становятся мягче и мягче, пока постепенно не вымирают. Сама по себе добровольная внебрачная связь, насколько в ней нет насилия, хитрости, обмана или « злоупотребления» невинности и т.п., связь двух дееспособных лиц – теперь не наказывается. (У нас окончательно отменена 994 ст. Уложения о Нак., каравшая за внебрачную связь, в 1902 г.). Наказания за прелюбодеяние свелись к минимуму (заключение в монастырь или краткосрочная тюрьма) и существуют скорее на бумаге, чем на деле.

Это падение наказаний говорит о том, что государство почти перестало охранять путём наказаний чистоту семейного очага и предоставило здесь лицу почти полную свободу.

А раз так, то понятно, что этим путём семья и брак потеряли две стены, защищавшие их от посягательств. Если личной воли не хватало раньше, чтобы противиться соблазну «незаконного» полового общения, то искушаемого могла остановить мысль о грехе («А грех?»), если не эта мысль, то соображение о грозящей жестокой каре, часто грозившей, помимо позора, смертью. С исчезновением того и другого «тормоза», исчезли и две громадные задерживавшие силы. А это, естественно, не может способствовать укреплению старой семьи, а способствует только её распаду, развивая «лёгкое» отношение к ней, превращая вопрос об её целости и чистоте в вопрос практического удобства.

Что развитая выше роль религии в деле поддержания семьи не есть плод фантазии, это, помимо всего, подтверждается и статистикой разводов. Так, католики, религия которых гораздо строже и догматичнее смотрит на «тайство брака», чем протестантство, дают и меньший % разводов в сравнении с последними. В Швейцарии в 1877–90 гг. на 10000 пар протестанты давали 26 разводов, католики – 6. Подтверждением того же служит и зависимость частоты разводов от моральных воззрений, всегда тесно связанных с религиозными верованиями. Там, где мораль не особенно порицает разводы – там последние часты, и обратно.

Не приводя других признаков распадения семьи, я думаю, что и указанных фактов достаточно, чтобы оправдать выставленное положение, что брак и семья, как юридическая, санкционируемая государством связь супругов, подтачивается целым рядом причин; эта связь, как видно из сказанного, всё более и более ослабляется, становится всё менее и менее прочной, более кратковременной и численно падает, заменяясь внебрачными формами половой связи. Принимая же во внимание, что *каждый приведённый выше ряд явлений, указывающих на разложение семьи, обнаруживает постоянство в своём росте, мы должны заключить, что и в дальнейшем, вероятно, они будут действовать и продолжать свою разрушительную работу, уничтожая оставшиеся устои современного брака и семьи.*

Геннадий Беляев

Геннадий Васильевич Беляев (1940–2008) пуктіс тәбдічаның пай литературоведениею да литературной критикаю. Түяліс М.Лебедевлысы, П.Шаховлысы, И.Тороповлысы, Г.Юшковлысы да уна мүкәддиги жысысьлысы олөмсө да творчествосо. Уна во корсыысис да тәбдімалыс коми гижысысьлысы псевдонимъяссо. Йәзәндегі «Коми литературалын кадпасъяс», кытчо чукортма литературной олөмьын медтәбдічаны ләймортъяс ынылысы юәръяс да стәча сәтәмә гижысысьлысы олан вояс.

Сылан и роман, комиён и рочён

Öти кадә чукорталі, а сәссе яйзәндегі Комиса гижысысьлысы сайёд нимъяссо – псевдонимъяссо. Кор нин быттың эновтчома таысы, а весъкалас син улад выль татшом ним, и бара на кыткө визниттө-чуткө. Неважон кызы книга видлалігөн быдса «шылыды» гижода лист бокын (снимок ни серпас абу лист бокас, сымын шыпас визъяс) видзәдлес виччысыттөг крукасис «подписано псевдонимом Вадим Вьюгов» кывъяссо. Вьюга – войыв; листала водзю и бёрё – «зыряне» пё, «поэт» пё, а код ынылысы сёрниыс? Вёләмкө, Питирим Сорокин!

Ми тәдам, мый миян тайо землякным дыр бёрйома аслыс туйсө, мед сәссе лоны Му шар пасытта кывсысьы учёнйён, мирас медыджыд социологон. 1907 веся арын, 18 арбаса зон, сәк кежжө мастер-реставратор нин, но сымын начальной школа на помавлёма, мәддәтчес сійө оз Яренскो ни Сыктывдін каро, весиг оз Вёләгдәо да Кардоро – весъкыда Санкт-Петербург. Кыдзкө да мыйкө воәдчома эськө, кызыын түйсүс мынтысыттөг, та пыдди вагонса проводники отсасьома. А юркарад чеччома поездсыыс да, зептас вёләмә, аслас казытыләм серти, шайт джын.

Сәссе – церковно-учительской школа-семинария, Черняевской общеобразовательной курсъяс, öти во – Психоневрологической институтын (сәні уджало коми профессор К.Ф. Жаков), кытысы вуджис Петербургса университеттө... Эсеръяс радын революционной удж, арест, тюрьма. Борындыхык, 1911 во пуксигён, студент Сорокинөс муртса оз йөршитни мөдьес; оз весъкав сымын сы вёсна, мый пышъяс да мыйкө дыра олас ийз мүни.

Ыңжыд учёныйлысы биографиясö оні, код көсйө, вермас тәдмавны уналысы. Медпасъкыда, гашкө, аслас «Долгий путь» повесъттыс, сійөс неважон на вёлі вуджәдома да ләдәмә рочён Сыктывкарын (английской вывесыс рочодігөн көнкө шүймәөсси и неуна мөд ногдыхык – «Дальнняя дорога» либо весиг «Долгое путешествие»).

С. Риччья. Кни "Ки-Кумион" виж (недостаюч).²
мач.. в.)

Веңт и (кет) и - равные, а тенде - Гасе) недстя
Бордю (снеговик - маки-это, борь, вак и т.д.).

Зарти. Когда поднималася пригубитсю - недстя
Гасешиа поднимаеться градинитсю и лескаль
Мотивышие вхид ау (Фрунзе, Борь, ветхие, Несиши,
без ящ мяш) и содейства стоят. бийнелик

Григория вең яве бурбаш... Тиричес ти гриши:

Нарин киев яни орши, а юлдан чижечекең иш аланын
(табыз киев и ванчыт). Вождяны, беджасын и кырт
Гасеши и среди кельти кырганыт. Нених ванчы, Улара
Кафед, сии шең шиах и күл шең. и содейств. в.
макомын порады: ветхие, жиших, пелтет, мяш б. и., ванчы
"Нених" Кобин сёй. Несиши шишикши (нояр; шарер).

мяш б. недстя

И киевт шишик и недстя бедчыт в. ош. но и. (появ.)
и чижечек.

На другом Гасе недстя пакшасын жиракт и ее сестрами
и Гасио. Их мяш: киев снеговик. Ошак шең и күл

и күл асуу аниш, шеңи сестра, киев тошын күл, то киришке,

недстячек, кырганышар со съясю и русак киев.
И Гасио и. шең бордю (киев) и бордю мяш - киев. И киев и то
и киевт шең: Кобин Н. пакшасын жиракт.

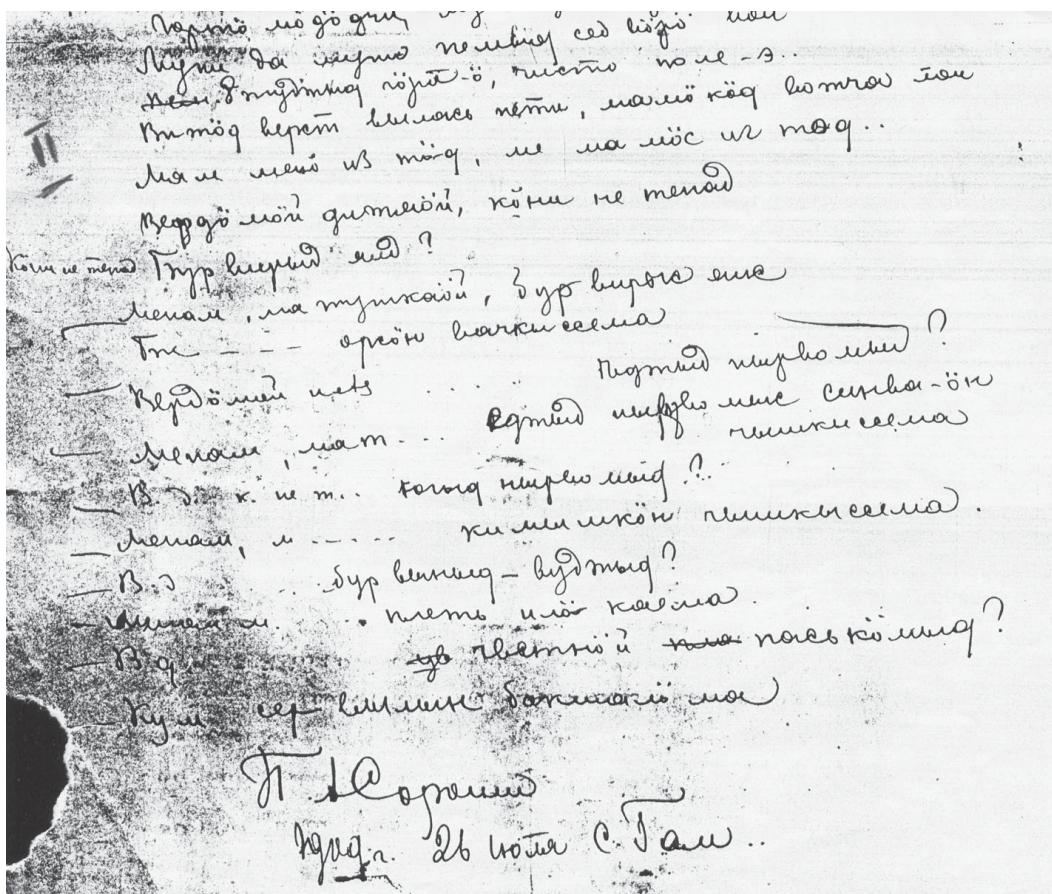
Недчорд - си ее ламыч

наиболее похожий кире эш и пакш

Григорий чижечек то и - бордю

лиш шишик шиах чижечек...

Кириш то и шишик. Григорий Гасе "недстя" - кириш ее недстя
и бордю. Их мяшиши. Их мяшиши "дем-чю", иш чириш
и из бордю шишик...

Некымын кыв көсийиссьö висъставны Сорокин-литератор йылысы. Ме чайта, татшомён сийös ми зэв омёля либо кос ог тёдой. Да съокыд и стöча шуны, ыджыд-ö сылон литературной наследиеыс: ассыс гижётъяссö кырымавлöма уна псевдонимён. Частоджык – Вадим Вьюговын. Медым көть неуна тёдмавны, көть муртса «кылыштны», кутшом жö поэт тайё Вьюговыс, вöзъя лыддыны сыйлыссыти кывбур комиёттöг (петёма Вологдаын 1913 воё, «Эхо» газет):

ПАЛАДИН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА...

(посвящается П.Н. Зепалову)

Моя душа родилась у истока
 Предвечных снов и пламенных молитв...
 Я паладин далёкого Востока,
 Я первый зов животворящих битв...

Косматых мыслей блещущую груду
В потоке слов я сею по пути...
И буйный вихрь разносит их повсюду...
Им суждено цветами расцвести!

Бесплодный сор, полынь пустых мечтаний,
Трусливых чаяний, обманчивых надежд –
Всё унесёт порыв живых восстаний
И под обломками склонит он невежд...

Раздастся гром далёкого раската,
Взметнётся вдруг животворящий шквал...
Пусть прошлое поёт свой гимн заката,
Ему конец: идёт девятый вал...

Я паладин далёкого Востока!
Я провозвестник пурпурной мечты!
Мои права – права самого Рока!
Я паладин нетленной красоты!

Кыдзи аддзам, гижёдис – революционной томдырся, гора чуксалана, сиёма сёйёс сэкся матыс другыслы, социалист жё, Югдінса (Устюг) зон Петр Зепаловлы, коді усьёлма ли виёмаёс сэсся гражданской войны дырии 1918 воё.

«Эхо» газет дінас П. Сорокинёс сибодома, тыдалё, К. Жаков жё, сэні сэсся (а тшотш и «Вологодский листокын») печатайтчома некымын во. Тайё «Паладин» бёрас (паладин – рыцарь) лун кызь мысти петёма «Мои песни» кывбур...

Сорокин, кор гижё зырянаяс йылысь научной статьяяс, вайёдалё сэні и коми юзкостса сыланкывъяс. И миян земляклысь творчествосө ёти туялысь, Л. Панов, на серти шоу «Мои песни» кывбур йывсыыс, сёйё по уськёдё тёд вылад коми сылантьяссё, торйён нин «Шондібаной, олёмой», эз по ёд весьшёрө вайёдлыв сэтысь, «Шондібансыыс», кывъяссё «Современные зыряне» статьяын да «Пёстрое кружевоын» (бёрьяыс – журналистон, а то и, колёкё, позьо шуны, художествоа проза гижыссыон туйын вочём пасйодъяс). Ог тёд, гашкё, и сідз... Видзёдлой тайё кывбурсыыс воддза нёль визьёс:

Взвейтесь стрелою вы, песни мои!
Яркою молнией небо пронзите.
Чёрные тучи скорбей отгоните,
Громом промчитесь вы, песни мои!

Кывбурсё сиёма сідзжё авторыслён томдырся бур друг Н. Д. Кондратьевлы, бёрын ыджыд советской учёной-экономистлы; 1938 воё лыйлёмайыс.

Л. С. Панов гижё, Сорокин по поэзиянас ноксьёма сёмын томдырыйыс, 26–27 арёссыядз. Сэсся, вермас лоны, ачыс гёйгэроис, мый тёдчана поэт сыясь оз артмы. Но кольёма дzonьён сылён кывбур тыра кык тетрадь, оні найёс видзёны ИРЛИ-ын (Пушкинский дом). Панов казялёма, кывбуръяасас по тёдчо мыйкё

Э.Верхарнсянь (зэв паськыда тёдса бельгийской поэт) вуджёмыс. Татшёнтторыйс зэв весиг вермас лоны: рочён гижысь коми том морт ёна пылди пуктылёма тайо поэтсö, сылён творчество йылысь гижавлёма статьяяс (литературовед! дай лыдьдывлёма лекцияяс). Со, колёкё, öти статья: «Гамсун и Верхарн» как выразители современных дум и настроений» – «Всеобщий журнал литературы, науки и общественной жизни», 1911, 10 №. Сийös жö и лыдьдывлёма мукöддырийис лекция пылди. Гижёма на Верхарн йывсыыс радейтана поэтыслён кулём бöрын. Эм и радейтчом йылысь лирической кывбуръяс, вель унаын авторыс шыасьё кутшёмкё «А.А.Р.» динё. Коди вёлт тайо А.А.Р.-ыс, Питиримлён сёлём косьтась али сылён том лира вылё сёмын некымыныс пölьыштыс морт, буракё, абу на тёдмалёма.

Колё шуны, лекциясён том Сорокин Вёлётгаса губерняё волывлёма некымын гожём. То каникул вылас гортас локтig да бёр мунig, то научной экспедициясён волывлiг, то Войывив край тёдмалысь Вологодской котырлён (ВОИСК) корём серти. Лыдьдывлёма Вёлётгдаас, Югдинаин, колё чайтны, Яренскын дай мукёдлалын. Сийös кызыны радейтлывлёмаёс, мичаа сёрнитны кужлёма и зэв уна тёдёма да, чукормывлёма уна йоз, торйон нин найё, кодъясöс шулывлiсны дамаясён да барышняясён. Со 1911 вося гожёмö том учёной (студент на эськё, дерт) лыдьдёма Югдинаин да Вёлётгдаин «Мый сэтшёмыс прогресс» лекция. Лекторыс, и збыльясь, зэв том (22 арёс), и шань, мича, кывзысьяссö ас дорас кыскысь зон. Та вёсна «Вологодский листок» газет йозёдёма татшён эпиграмма:

Юному лектору

Костюм, манеры – денди истый!
Чело сурьёзно, слог цветистый,
Познаний... так сказать, ушат...
И всё же верен я привычке
(Простит здесь лектор мне кавычки)
«Считать по осени цыплят».

Питерса «ассыныс» лекторсö радейтёмыс губерняас, позьё шуны, нюжалёма: арнас сильёпиянто арталомаёссылы бур вылё. Со 1913 вося арын сийös бара коромаёс Вёлётгдаё Кнут Гамсун да Эмиль Верхарн йылысь лекцияён. Лыдьдёма дворянской собрание залын. И бара газетын («Эхо») абу сёмын ёна ошкём, но сэтшён нюммунана строкаяс на йылысь, кодъяс торйон нин радейтёны кывзыны тайо лекторсö:

Жена моя – чистейший клад:
Не токмо любит пить и кушать,
Нет – и на лекцию порой
Идёт Сорокина послушать.
Но обязательно туда
Берёт с собой роман иль повесть,
И тихо пальчиком водя... (да с.в.)

Сійё жё вояж медбörтъя тöльсънас выльысь коромаёс Вöлöгдаö. Дерт, лекциён!

Питирим Сорокин – литератор. Сöмын танi, Россиянын, вöтлытöдзыс сiйёйёзöдöма 200 сайё рецензия, статья да обзор. Ачыс гижысь, поэт, и гöгрöвоана, на лыдысь унаос сиис художествоа, а ээс сöмын научной литературы.

Ми сылысьсы мында на гиждöд ог тöдöй...

1917 воё «Ежемесячной журналын» (2–12 номеръяс) петёма Н. Чаадаевлон «Предтеча» роман. Гиждöмтор и гиженног сертиыс по сiйё абу некутшом Чаадаевлон, а... Питирим Александрович Сорокинлон.

Нöшта быдса роман, нöшта оти псевдоним. Авторствою (П. Сорокинлыс тайё псевдонимсö либö) стöча тöдмалöма нöшта оти туялысь Юрий Дойков.

* * *

Ме эг босытчи ториён пыдö пырёдчыны, медым видлавны П.Сорокинёс кызды литературоведöс либö этнографöс. Критик да литературовед туйё сiйёс тырвыёй паськыда бергöдlöма – гöгрöбок донъялöма Альберт Ванеев – видзöд сылысь «Питирим Сорокин – литературовед» статья, «Север», 1999 во, мёд номер, 146–157 л.б. Сэнi жё абу этша сёрнитöма учёнойлöн томдырся философской, олём вылас видзöдластьяс ийлысь.

Неыджыд содтöд сы дiнö, ёна-о П.А. Сорокин туялiс коми фольклор. Тыдалö, вель ёна. Каллистрат Жаковлыс сэтшом геройясöс видлалiгöн, кызды Шыпича, Пам, Тунныръяк да мукöд кöлдун, Питирим Александрович пасйö, мый меным, этнографлы, ковмис аслым гижаңны зыряналысь уна татшом жё легенда и весиг аддзывлыны зыряна пöвстарь тайё тунъяс вылас ёна мунысь ийзöс. Но учёной гижалöма тшöтш коми майдъяс, обрядъяс, уна сылан да бöрданкыв.

Кызды эсъё тайёс позис вöчны, он кё тöд коми кывсö?

Кодкё и эскöмён шуас, Александр Сорокинлон ичёт пиыс по грэздас быдмис да, дерт, кужис и ачыс сэтчöс ног варовитны. Но та вылö регыд жё и воча кыв аддзыссö: öдвакё, ёнджыкасö сiйё век жё роч вöлi...

Бур, кольёмаёс Сорокинлон киён вöчöм коми гиждöдъяс. На серти стöча позьё шуны: том учёной кокниа вермёма сёрнитны Емва вожсакöд чужан кыв вылас. Гиждöдъясыс кыздкё веськалöмаёс СССР-са Октябрьской революциялон шöр государственной музейö. Сэттыс копияяс СГУ-лы корлöма профессор А.К. Микушев. Воёмаёс найдё некымын лун мысти Анатолий Константинович кулём бöрын.

Со тайё гиждöдъясыс кык лист. Отисё Римъя грэздын 1911 воё гиждöма. Кодкё висьталöма Питиримлы комилён кикутöм ийлысь, вермас лоны, и абу висьталöм серти гиждöма, а веськыда обрядсö «ворсанынын»-вöчанынын тшöтш пукалöмён. Ставсö лыддьёдlöма сьёрсöйн-бöрсöйн, кызды да мый вöчöны дружка, бать, вежай, жöник, сылон «бёжатка», ныв-зон, бöрдöдчыс... кодi нүöдö верёс сайё сетанторсö пывсянё, кодi сiйёс «невеста короёс ванас» пызйö, медым «еретничаяс оз вомдзавны», сэнi бöрдигас мый сiйё шуалö.

Медбörъя со ме лэччи и пывси
Батюшко пывсянын кералём пескён,
Дедушко мыльк пом вылас,
Воштём муса чойлён...

Быд мукöд сёрнисикаса мед гётёрвоис, «мыльк пом выв» сiёй – пывсянас корёсяянин, вылыс полка. Чойыс вöйтöма – ломтöма-ваймöдöма, чышкёма-мыськёма да кольмöдтöм вылö тупкёма пывсянсö.

Пывсöм бöрас бара ачыс обряд – кёса кыём. Сэки невеста синва сорён сылö:

Роч месаньёй да муса чойёй,
Пывсы да мыссы,
Тэ синав да мольёд, да ин пакмёд (эн дзуг),
Веськыд сой вылад узтöдлы...

Сэсся невеста аттьёалö быдёнöс да бурсиö налы, лыддьёдö бать-мамёй и вежа ай-аньсö, став рöднясö, весиг куломаяссö... Кикутём обрядыс зэв кузь, öттор бöрся вöчсöй мёдтор и с.в. и с.в. П.Сорокин ставсö тайёс гижалёма висьталыс бöрся кöть збыль кикутгён, но сылы лöёма тэрмасьны, шыпасъяс колялёмён либö весиг налысъя пöрадоксö торкалёмён. Но почеркыс вöлёма мича, и позьё гётёрвоны быд кыв. А тайё öд 1911 воё вöчёмтор, сэки кытысь вермин велöдчыны коми гижёдас? Ме чайта, колё вöлі аслыд быть лоны комиён, медым сяммыны тадзи гижны сэки нин.

Мёд лист вылас нöшта кык воён на водзджык вöчём гижёд – «Шондёй-мамёй» ѹёзкостса сыланкыв. П.Сорокин сiёйс кывзёма Гамын 1909 вося сора-июль 26 лунö.

Гортё мёдёдчи, мунi да мунi,
Мунi да мунi – пемыд сьёд вöрё вои,
Джуджыд гёраö, чистё полеö...
Витёд верст вылас петi, мамёкёд воча лоi,
Мам менё из тёд, ме мамёс иг тёд...
Вердомёй-дитяй, кёнi по тэнад,
Кёнi нö тэнад бур вирый-яйыд?
Менам, матушкай, бур вирый-яйыс
Биён сотысь орсон вачкассыёма.
Вердомёй менам, кёнi нö тэнад еджыд ныр-вомыд?
Менам, матушка, еджыд ныр-вомыс синваён чышкыссыёма.
Вердомёй-дитяй, кёнi нö тэнад югыд ныр-вомыд?
Менам, матушка, кимышкён чышкыссыёма.
Вердомёй-дитяй, кёнi нö тэнад бур выныд-вуджыд?
Менам, матушка, плеть йыло кайёма.
Вердомёй-дитяй, кёнi нö тэнад честной паськёмыд?
Кум сёр вылын бакшалёма.

П.А. Сорокин.
1909 г. 26 июля с. Гам.

Гижысълы бара жё лоёма тэрмасъны, медым вевъявны сылысъяс бёрсъыс, и сійё колялёма быдса кывъяс. Тыдалö, кыдзи бура тёдсатор, и сідзи кокния гёйрвоантор, кёсйёма пуктавны сёронджык. На пыдди рукописяс сёмын чутъяс тэчёма, да мыйлакö тай сідзи и кольома, кывъяс пуктавтöг. Тасянь бара позьё шуны: тадзи гижис коминас бура кужысь.

«Шондiой-мамöй» – абу вунёдём, весиг ёнöдз паськыда ветлысъ сыланкыв. Быд вожын сiйё, тёдомысъ, мыйёнкö да торъялыштö, весиг быд сиктын мыйёнкö аслыссикасджык («Мам менё из тёд. Ме мамös иг тёд») – татшöмторыйд меным моз жё быдёнлы, чайта, гёйрвоана. «Выныд-вуджыд» пыдди мукöдлаас сылыёны «выныд-вужжыд». Емвасаяс по «вуджсö» гёйрвооны кыдзи мортыслысъ пытшкös вын. Гёйрвотём, гашкö, жёниклён «бёжатка» (либо божатка – сідзкö, абу бож, а бог кывсянь) – тайё лоё вежань.

Сыланкывыйыслён Коми му пасьта ветлöдлём йыллысъ висьталё и со мый. Сылысъ вариантьяс то öтилаын, то мёдлаын аслас кадё, дерт, ёна сёронджык гижлёма уна фольклорист: П.Анисимов, П.Доронин, И.Осипов – Вокан, Кондратевъяс, Ф.Плесовский, А.Микушев да П.Чисталёв. Бёръя кыкыс – Сюзябын 1962 да Отыйн 1964 воё.

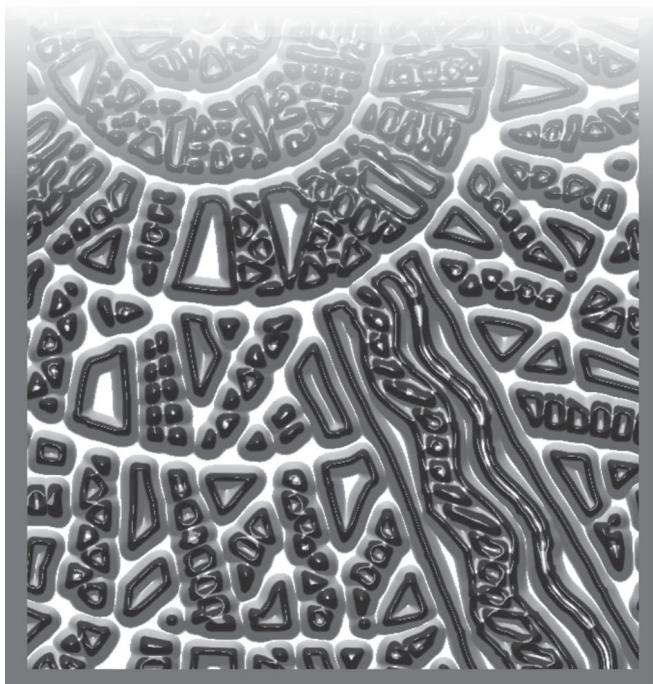

Основные вехи жизненного пути Питирима Александровича Сорокина

- 4.02.1889 г.** – родился в с. Турья (ныне Княжпогостский район)
(нов. стиль)
- 1901-1904 гг.** – учился в с. Гам
- 1904 г.** – поступил в церковно-учительскую духовную семинарию в с. Хреново Костромской губернии
- 1905 г.** – примкнул к партии социал-революционеров
- 1906 г.** – первый арест за революционную деятельность
- 1907 г.** – знакомство с К.Ф. Жаковым в Петербурге
- 1909 г.** – сдал экзамены на аттестат зрелости в г. Устюг
– осенью этого же года стал студентом Психоневрологического института
- 1909-1910 гг.** – экспедиции по Коми краю с К.Ф. Жаковым
- 1910 г.** – перевёлся в Петербургский университет на юридический факультет
- 1914 г.** – закончил университет
- 1916 г.** – сдал экзамены и стал приват-доцентом университета
- 1917 г.** – избран населением Вологодской губернии депутатом Учредительного собрания
- 1918 г.** – второй арест
- 1920 г.** – опубликовал двухтомную работу «Система социологии»
- 1922 г.** – защитил магистерскую диссертацию
– в том же году выслан за границу
- 1923 г.** – после непродолжительного пребывания в Чехословакии поселился в США. Опубликовал работы: «Социология революции», «Социальная мобильность», «Современные социологические теории», «Социальная и культурная динамика» и др. и стал признанным авторитетом в мировой социологической науке. Его избрали членом Бельгийской и Королевской румынской академии наук, президентом Международного института социологии и Американской социологической ассоциации и др.
- 10.02.1968 г.** – П.А. Сорокин скончался.

АРТ-ФАКТ

Olli Kuusisto

Куусисто Оlli. Директор Народного университета Каарина-Пиккие (Финляндия). Более 20 лет сотрудничает с российскими учреждениями культуры (музейное и театральное дело).

Прекрасная Коми

Вчера поздним вечером мы прибыли в столицу Коми Республики Сыктывкар на самолёте «Аэрофлот-Норд», не очень-то много зная о Коми. Мы представляем национальное училище г. Каарина и приехали для участия в фестивале декоративно-прикладного искусства «Зарни кияс». Без происшествий поезд доставил нас в Петербург и, на счастье, нас встретил служащий Представительства Республики Коми в г.Санкт-Петербурге с микроавтобусом. Иначе нам бы пришлось несладко. В особенности, голограммы художника Реймы Нурмикко заняли астрономически много места. И это неудивительно, поскольку в голограммы входит обширное количество информации.

Акварели Кристины Mether, напротив, вместились очень хорошо вместе с фотографиями фотографа Юхи Хаанпяя. Интересные рельефные фотографии Тей Langh и чаши, сделанные из современных материалов, были лёгкими. Но «Pyha hirvenpaa» (Голова священного лося), которая была начинена электроникой и снабжена аккумулятором на 12 вольт, занимала много места и была тяжеловатой.

...Перед нами большая площадь, заполненная ларьками и мастерами-прикладниками. Обходим её справа и идём вниз, к парку. Участники из разных регионов Севера России, держа таблички, располагаются по краям площадки.

Начинается прекрасный праздник. Министр культуры Республики Коми обращается с речью и затем на «сцену» выходят две красивые стройные женщины в национальных костюмах, которые аккомпанируют шаману на свирелях. Костюмы необыкновенно красивы, как те, кто их носит.

Праздник стремительно продолжается. Подходит очередь выступать детям. Выступления детей всегда смотришь с удовольствием. После открытия фестиваля у нас есть время прогуляться, чтобы познакомиться с предложениями мастеров-прикладников, представленных в ларьках. Мы можем только удивляться, насколько разные виды искусства существуют в разных углах Севера России. Я рад, когда получаю возможность поговорить с прикладниками. Интересно обмениваться как опытом, так и мнениями, к тому же у меня появляется возможность погово-

рить по-русски. Констатирую, подражая, один текст из публикации Ленина советского времени: знание русского языка «значило, значит и будет значить для меня много». Русский язык и на самом деле обогатил мою жизнь.

...На следующий день у нашей группы появилась возможность основательнее познакомиться с выставкой «Зарни кияс / Золотые руки». Коми слово «ки» обозначает то же, что и финское «*kasi*». Родственность языков очевидна. Работы, выставленные в Коми национальной галерее, были действительно искусны и разнообразны. На ум приходит много замечательных работ, но особенно запомнилась скульптура ненецкого мастера. Камню придана художественная форма в виде фигуры женщины, живущей в тундре, и её лицо, на-

правленное к солнцу, озаряют первые лучи после тёмной зимы.

Беседую с одним мужчиной по имени Калеви, излучающим дружелюбие. И его работы были прекрасны, но хотелось бы отметить его другую особенность, хотя и не являющуюся редкостью. Его родители-финны погибли в трудовых лагерях Коми. После их смерти Калеви вырос в детском доме. В его памяти сохранились ещё некоторые финские слова.

Я был прав тогда, когда выбирал для выставки работы, немного отличающиеся от традиционных. В г. Каарина всего 20000 жителей, в нём находится национальное училище, которое представляет наша делегация. Традиционное прикладное искусство, обучение которому ведётся в нашем училище, едва ли пробудило бы большой интерес в Коми.

...У нас есть немного времени погулять по городу. Разбредаемся в разные

На выставке «Мастер года. 2007». Фото С.Зиновьева.

места. Меня ноги несут неодолимо к берегу реки. Присаживаюсь и даю глазам отдохнуть. Передо мной пейзаж, успокаивающий современного человека. Вдалеке, в излучине реки вижу пристань. Меня охватывает чеховское настроение. Пейзаж напоминает новеллу Чехова «Дама с собачкой».

Хочется познакомиться с местом поближе. Иду по краю леса и приземляюсь с обрыва на пристань. Вот чудеса! Вижу знакомых. Вся наша компания ощутила те же чувства, что и я, и устремилась на берег. В это время стоял, с вмятинами металлический паром уткнулся носом в пристань. Мы спрыгнули на палубу, и «Коммунальник» нацелился на другой берег. Нас встречает другая реальность. Картина чистого города сменяется на село, находящееся в противоположном состоянии. В паводок река может подниматься на высоту до шести метров. Низина застави-

Мастер-класс даёт Тэя Ланг (Финляндия).
Фото Юха Хаанпая.

На выставке. Фото Юха Хаанпaa.

ла построить часть домов на столбах. К маленькому сельскому магазину ведут деревянные мостки.

Наступает вечер, возвращаемся в город. На площади собирается молодёжь. Вероятно, начинается какой-то концерт. Молодёжь ведёт себя вежливо. Хотя всё-таки можно почувствовать скрытые нежелательные повадки, похожие на те, которые присущи части нашей молодёжи. На центральной улице скульптура, изображающая солдата. Моя первая реакция отрицательная. Опять! Во времена Советского Союза пресытился могучими военными памятниками... Всё же подхожу поближе. Солдат сидит, опустив голову. Оружие лежит поперёк на коленях.

Скульптура изображает солдата, вернувшегося домой с афганской войны. Он устал. На поле битвы погибло и осталось много молодых мужчин – и как показало время, понапрасну. Наконец-то подлинный памятник войны! Я восхищён. Великая держава признаёт заблуж-

дение и разрешает установку такого памятника. Для великой державы это очень важно. У мира есть надежда, если государство – великое не только по площа-ди, но и по духу.

Вспоминаю, как я выступал в Крыму в военном госпитале в конце афганской войны. Большой зал был полон одногих, по-разному ставших инвалидами молодых мужчин. Я выступал

со своими скетчами, написанными по-русски. В программе моей дочери были танцевальные номера. Было очень трогательно видеть, как после выступления молодые на инвалидных креслах вручали ей цветы.

Мне не очень много пришлось поездить по США, но сожалею, возможен ли был такой памятник там? Надеюсь, что я ошибаюсь.

Мы успеваем познакомиться с Коми институтом геологии и Национальной библиотекой. Осматриваем череп пещер-

Олли и Корнелиус.

В библиотеке. Село Нившера.

ного медведя и кости мамонта. Коми богаче, чем мы представляли. Республика наполнена ценными минералами, нефтью и «зелёным золотом». Действительно интересный музей!

Национальная библиотека хорошо оборудована, и, насколько я помню, там есть международный каталог, которым можно пользоваться. У библиотеки также совместные проекты с Финляндией. В библиотеке используются современные технологии.

Успеваем присутствовать на торжественном открытии нового четырёхэтажного бревенчатого здания площадью 3000 м² в соседнем селе Выльгорт. Этот роскошный большой дом предназначен детям. Сюда дети могут приходить после школы. В мастерских – новые сверкающие устройства: необходимые принадлежности для занятий живописью, инструменты для ремёсел, ткацкие станки... У нашей группы перехватывает дыхание от удивления. Детский центр ремёсел – единственный в своём роде вклад не только в будущее Коми, но и всей России, чему и нам финнам нужно было бы поучиться.

На следующий день у всех участников фестиваля ремёсел экскурсионный

день. Набиваемся в автобусы и направляемся в село Йб в шестидесяти километрах от города в южном направлении. Открывается вид реки между красивыми холмами. Типичные коми постройки очень ухожены, складывается впечатление процветающего села. Останавливаемся у святого источника попить и смочить глаза водой. Говорят, что эта вода улучшает зрение.

В краеведческом центре встречают песней. Разливается народная песня, женщина постарше аккомпанирует на гармони. Надолго останавливаюсь, словно заколдованный, и смотрю на выступление, прежде чем вбежать в краеведческий музей. Затем следует угощение. Все дружно толпятся в столовой и пробуют лакомства. В качестве напитка получаем сур. Это особенное коми домашнее пиво. Напиток соответствует своему названию. Если его выпить много, в голове начинает шуметь, по-фински *surista*.

Посещаем церковь, которая действовала и во времена Советского Союза: жители села были настолько настойчивы, что власти в конце концов сдались. Синяя церковь возвышается над зелёным холмом на фоне неба. Длинная вереница людей поднимается по тропинке к храму. Меня охватывает блаженное чувство, словно мы поднимаемся в небо.

Слыши, что в селе планируют построить лыжный центр. Понимаю, что власти хотят развивать республику, но надеюсь, что и село сохранится и природа не будет разрушена. С точки зрения иностранца, именно их стоит увидеть.

Бывая в разных странах, я всегда люблю знакомиться с сельской жизнью.

Речные просторы. Фото Юха Хаанпaa.

По-моему, в ней отражается истинная сущность, дух страны. Наша хозяйка Майя Волкова организовала для нас поездку, конечной целью которой было село Пасвомын, находящееся в 180 километрах восточнее от города, на берегу реки Нившера. В пути делаем остановку в районном центре Корткеросе. На верхнем этаже местной школы размещается краеведческий музей, в котором мы знакомимся с единственной в своём роде коллекцией краеведческих предметов. Нас сопровождает скульптор Владимир Рохин. Он показывает мне последний созданный им памятник Ленину. В целом, памятники Ленину в сёлах оставлены в покое. Это часть истории и поэтому вполне объяснимо такое решение властей. Или, может, они, памятники, ждут лучших времён?

Корткерос красиво располагается на берегу большой реки Вычегды. В неё впадает река Вишера, с которой связана вышеупомянутая Нившера. Трудно найти берег, поскольку он весь заполнен лесом ядовитого борщевика, растущего выше головы. Он был в своё время подарком Сталина коровам Советского Союза. Говорю Майе, что в Корткеросе много большевиков. Она смот-

рит на меня с удивлением. Исправляю ошибку: много борщевика. Когда являешься иностранцем, весело вот так иногда путать слова.

В пути проезжаем мимо памятника, посвящённого погившим в сталинских трудовых лагерях. По удивительно хорошим дорогам прибываем в дальнее село, в котором всего около десятка домов. Перед нами открывается простор речного пейзажа. Реку окаймляют обширные береговые луга, за которыми вид-

неется густой лес. На лугах пасётся большое стадо коров. Оно начинает переплывать реку, совсем как в увиденном в детстве фильме. Во дворах ходят козы, пощипывая красивые цветы. Естественным образом потемневшие красивые бревенчатые дома. Некоторые из них покрашены в синий цвет. Начинаю говорить о коми синем цвете, в который обычно дома покрашены, чаще всего они синие.

Влетаем во двор Евгения и Татьяны Тюпенко. Супружеская чета пообещала позаботиться о нас. Наша группа разделилась по соседним домам – действительно интересный опыт! Удивляемся частям дома – летней и зимней половине – и кирпичной печи, тяга которой устроена непривычным для нас способом.

Затем собираемся за столом. Каждый день наслаждаемся непостижимым умением Татьяны готовить самую вкусную еду из даров природы. Записываю множество рецептов, способов консервирования. Татьяна разрешает мне выкопать пару саженцев калины, о которой пойтёся во многих песнях.

Каждый вечер Евгений растапливает нам построенную им самим бревен-

Фото на память. Фото М.Волковой.

Наши хозяева организовали нам путешествие по реке. На машине едем около 10 километров и попадаем в Троицк. В то время как часть проводников надувает резиновые лодки, у нас есть время побродить по деревне. Жители деревни получают возможность подивиться на живых иностранцев, а мы – на живописную и интересную деревню.

На берегу надеваем спасательные жилеты. Ощущаешь себя запеленованным ребёнком, но понимаешь, что наши хозяева отвечают за нашу безопасность. С другой стороны, я с большим бы удовольствием отправился грести один на каноэ, взяв с собой палатку. Это мое увлечение длится уже более 40 лет. Дождливая погода не мешает грести. С реки восхитительны уходящая вдаль деревня и речной пейзаж. В пути останавливаемся пособирать грибы, делаем костёр и варим кофе. Нас предупреждают, что можно заблудиться – у леса ни конца, ни края.

Дома у Татьяны и Жени пьём удивительное коровье молоко. В Финляндии у

чайную баню. Речь идёт не о склеенных из стружек брёвнах, а о вековых кондовых соснах. Из парилки – в реку, чтобы охладиться.

Евгений из спортсменов. В молодости он представлял республику на соревнованиях по биатлону. Хотя в Коми немногим более миллиона жителей, из неё вышло много лыжников, известных во всём мире. Я сам из такого же рода, и тоже занимался спортом, поэтому перечисляемые Женей имена мне тоже знакомы: Бажуков, Рочев, и более всего, Райса Сметанина.

Анна и Кристина после лесной прогулки. Фото Юха Хаанпая.

Юхи аллергия на молоко, но здесь он проглатывает две большие кружки молока за один раз. Все сидящие за столом с напряжением ждут момента, когда ему придётся побежать в коми туалет, но происходит чудо – он спокойно остаётся за столом с другими. Мне это знакомо. Мой отец тоже страдал от аллергии, но когда он пил настоящее молоко, рези в животе не было. Я удивляюсь, почему в Финляндии упрямо следуют принятой линии, хотя аллергиков становится всё больше и больше.

Рейма, художник из г. Турку (Финляндия).
Фото Юха Хаанпая.

Мне неудобно, что Евгений и Татьяна заботятся о «стаде» взрослых людей. Мы стараемся как-то помочь: колем дрова, женщины моют посуду. Если бы знал, что у них своё картофельное поле, мы бы его окучили. Сейчас это делать уже поздно.

Я радуюсь тому, что коми язык активно используется. Он является также учебным предметом в школе. Я сам из двуязычной семьи и верю, что две культуры обогащают друг друга и помогают развиваться. Ещё в Финляндии я заметил, что в этом вопросе всегда можно услышать и другие мнения. Говорящему на языке большинства трудно понять, что каждый любит свой родной язык так же, как и он свой. Когда в г. Каарина хотели построить шведскую школу, первое услышанное мною замечание было то, что это дорого. Говорящий не подумал, что и финская школа тоже стоит денег. Некоторые боятся, что носители шведского языка обособятся. Этот страх напрасный.

В современном обществе трудно обосноваться с помощью языка, намного вероятнее обосноваться экономически.

Примечательно, насколько коми культура и мифология сделали общество богаче. Вместе коми и русская культура способствуют дальнейшему развитию общества более, чем раздельно. Один плюс один будет три.

В развитии общества мотивация – важный фактор. Согласно исследованиям современной психологии внутренняя мотивация заметно устойчивее, чем внешняя, представляющая различными сверхбольшими бонусами и другими вознаграждениями. Замечу, что в Коми практикуется много внутренней мотивации. Верю, что она найдётся и во мне. После поездки в Коми я стал ещё богаче, чем прежде. Согласно своему имени, я – настоящий олигарх.

Перевод с финского
Мирры Чуяшковой

Елена Шуктомува

Шуктомува Елена Юрьевна. Родилась и живёт в г. Сыктывкаре. Окончила филологический факультет Сыктывкарского государственного университета. С 1994 года работает научным сотрудником Национальной галереи РК. Круг профессиональных интересов — изобразительное искусство Республики Коми.

Страница

Эта статья посвящена творчеству Народного художника Республики Коми Татьяны Васильевны Васильевой в одном, но, может быть, самом интересном его аспекте.

Татьяна Васильева хорошо известна зрителям и в нашей республике, и за её пределами. Приехав в нашу республику в 1971 году после окончания Дагестанского художественного училища, Татьяна начала работать как график, автор пейзажей, натюрмортов, абстрактных композиций. Зрители ценят в её работах жизнеутверждающее начало, тонкий лиризм, одухотворённость, чистоту и свежесть восприятия. С начала своей творческой деятельности Т. Васильева участвовала во множестве выставок: республиканских, зональных, всероссийских и всесоюзных. Её работы экспонировались и на международных выставках: в Венгрии и Финляндии, Германии и Франции.

Выставка «Страница», открывшаяся в конце января в выставочных залах Национальной галереи Республики Коми, не совсем обычна: она посвящена путешествиям Т. Васильевой по родной стране и за рубежом. Татьяна — страстная и неутомимая путешественница: считая, что каждому художнику необходима смена впечатлений, новые знакомства и встречи, новые знания для того, чтобы выработать ясное мировоззрение, обрести духовную зрелость, она побывала в Египте и Ливане, Объединённых Арабских Эмиратах и Тунисе, во Франции и Италии, Германии, Венгрии и Черногории... Этот список можно продолжить. В России она побывала, наверное, везде. И все её ощущения, впечатления, попытки осмысления иных стран и культур нашли отражение в сотнях этюдов, набросков, законченных графических листов.

Чем объяснить эту беспокойную «охоту к перемене мест»? Наверное, для Т. Васильевой истоки её странничества начинаются, без преувеличения, ещё в младенчестве: будущая художница родилась в корейском городе Канко, в семье военнослужащего, и переездами с места на место было отмечено всё детство Татьяны. Но, конечно, такое объяснение было бы слишком упрощённым. Оно могло бы отчасти объяснить стремление к *путешествиям*, но Татьяна Васильева – не только путешественница. Она *Странница* – название для выставки придумала сама художница. А тягу к *странствиям* объяснить только логически невозможно. Между тем можно констатировать, что тема странников и странничества как явления присуща всей русской культуре в целом.

Чем отличается Странник от Путешественника? Наглядно эту разницу даёт нам почувствовать А. Пушкин. Вот что может увидеть Путешественник:

*Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купицы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.¹*

А это размышления Странника:

*Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везёт, не слезет с облучка.²*

Итак, путешествие – это действие, направленное вовне: путешественник открывает для себя окружающий его мир, обогащается новыми знаниями о нём. Сам же путешественник в этом движущемся, меняющемся мире является неподвижной точкой, константой, его внутренний мир и отношения к внешнему миру остаются неизменными. Странник с каждым новым днём, проведённым в пути,

¹ А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. в двух томах. Т. 1. М., 1999. С.386.

² Там же. С.186.

меняется духовно: для него странничество – дорога вовнутрь, к себе, к глубинам своей души.

В контексте русской культуры можно вспомнить «очарованных странников» Н. Гоголя и Н. Лескова, Н. Некрасова и М. Булгакова, бродяг-правдоискателей М. Горького и В. Короленко и многих других. Знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» навеки ужаснуло и растревожило совесть А. Радищева, путешествие из Москвы в Петушки подвело горькие итоги жизни бесприютного скиталяца Венички Ерофеева. Эти примеры можно продолжать бесконечно.

В какой мере это относится к творчеству Т. Васильевой? Что привлекает в её графических листах, которые так и тянет выделить в особый жанр – жанр путевых заметок? Продолжая аналогии с литературой, можно сказать, что во всех пейзажах Татьяны очень сильно авторское начало, причём на уровне не стилистических особенностей (колористических, композиционных и т. д.), а именно на уровне духовном, ментальном.

Каждый художник, независимо от своей принадлежности к лагерю реалистов или авангардистов, в своих работах стремится не к фотографической точности, не к иллюзорному подобию действительности, – он всегда пересоздаёт её по законам своего мировосприятия, наделяет её чертами своей личности. Представленные на выставке работы – это мир, увиденный глазами художницы Татьяны Васильевой.

Этот мир многоцветен: то горит зноем южного солнца, то тихо переливается приглушённо-размытыми тонами не яркой, но близкой сердцу северной природы. Этому впечатлению способствует избранная Татьяной в последнее время техника работы масляной пастелью: светоносной, насыщенной, по-видимому, соответствующей темпераменту самой художницы. Именно в этой технике выполнены все южные, экзотические пейзажи и виды Италии и Франции.

Этот мир эмоционален: пейзажам каждой страны соответствует своя аура, прочувствовать которую можно прежде всего на уровне ощущений и впечатлений. Впечатление от Ливана – яростный зной, мощь, статичность, тяжесть тысячелетий, которые, кажется, вдавили в землю массивные стены самого древнего города Библоса – осколка невозвратно ушедших в прошлое цивилизаций («Древний город Библос», 2007; «У моря», 2007 и др.).

И совершенно иным предстаёт мир других южных стран: Черногории и Карпат, в которых Татьяна побывала в 2006, 2007 и 2008 годах. Он весёлый и разноцветный: это и лёгкие, воздушные «белые хатки», и буйство щедрого цветения земли, («Белые хатки», «Под Адамовым деревом» и др.), и эффекты передачи различного освещения одних и тех же объектов (триптих «Яхты Средиземноморья» и др.). Яркий, пёстрый калейдоскоп красок, стремление передать вихревое движение порыва ветра, остановить неуловимое мгновенье – то, что в большей степени присуще этим работам, и что роднит их с художественными поисками любимых Татьяной импрессионистов («Яблоневый цвет», «В саду»).

От волшебной Венеции остаётся ощущение именно волшебства – это город-сказка, город-праздник, в котором нет автомобилей – их заменяют катера и гондолы, а солнце, растворённое в воде бесчисленных каналов, отражается на стенах домов, дрожит зыбкими, изменчивыми бликами; город, в котором по-прежнему шумит на площадях и узеньких улицах весёлый венецианский карнавал («Улочка в Венеции», 2006; «Мечта сбылась – Венеция», 2006).

Совсем другими настроениями наполнены работы, созданные «по мотивам» Парижа – великого города, обладающего какой-то необыкновенной притягательностью для каждого человека – наверное, потому, что каждый в нём находит что-то своё, и воспринимает его по-своему, и проникается духом какой-то особенной свободы и раскрепощённости, и поэтому стремится увидеть его снова и снова.

У Т.Васильевой тоже особое отношение к этому городу: она считает, что Париж создан по законам красоты и для красоты, это, если можно так сказать, его основная функция. В Париже Татьяна побывала уже дважды: в 2005 и 2008 годах она стажировалась в Международном центре искусств. Её произведения, созданные во время стажировок, участвовали в международной парижской выставке «120 работ», там же проходили и персональные выставки художницы.

Впечатления, полученные во время последней поездки в Париж в 2008 году, вдохновили Т. Васильеву на создание серии из десяти графических листов, которую художница назвала «Музы Парижа». Эти работы необычны в плане философско-эмоционального осмысливания, так как представляют собой своеобразную фантазию на тему великого города, увиденного в двойном преломлении: глазами не только Татьяны Васильевой, но и глазами великих художников в интерпретации Татьяны Васильевой. Это тот Париж, который знали и любили Пикассо и Шагал, Ренуар и Тулуз-Лотрек, Утрillo и Матисс, город, в котором до сих пор чувствуется их незримое присутствие. И это Музы, вдохновлявшие их творчество.

Невидимо, но ощущимо этот мир охраняют эпически величавые, исполненные сознанием собственного достоинства «Средневековые дамы», как бы сошедшие со знаменитых gobеленов парижского музея средневековья Клюни... Стремительно и неудержимо летит над городом романтическая Муза великого художника М. Шагала («Любовь над Парижем»), летит, как символ его творчества, и кажется, что вслед за ней устремляются готовые взлететь, пренебрегая законом всемирного тяготения, улицы и дома города...

Но большая часть пейзажей этой серии посвящена знаменитому Монмартру – району богемы, приюту непризнанных гениев. Постепенно создался художественный образ этого района, в котором сам Монмартр выступает в качестве главного героя. *«...Там, наверху, машут крыльями ветряные мельницы, а под ними преследуют юных парижанок грустные Пьеро с выбеленными лицами; вечно голодные поэты за бутерброд с паштетом и стакан вина читают стихи в кабаре «Проворный кролик»; в нетопленых мастерских вдохновленные художники хмелеют от дерзких надежд; ... ветер доносит сюда и затихающие звуки вальса, и мелодичный говор улицы...»¹.*

Собирательный образ этого знаменитого квартала предстаёт перед зрителями в работе «На Монмартре» – узкие улочки, осенённые Музой Прекрасной Дамы, Незнакомки – пленительной и загадочной, символом не только вечной женственности и красоты, но и самой Поэзии, которой, кажется, проникнут весь Монмартр.

Многие художники, поэты, писатели оставили мемуары о незабываемом времени их молодости на Монмартре. *«В «Бато-Лавуар», без гроша в кармане, я был действительно знаменитым художником. Не то что теперь – некое диковин*

¹ Жан-Поль Креспель. Повседневная жизнь Монмартра во времена Пикассо. 1900-1910. М., 2000. С.14.

ное животное»¹, – писал П. Пикассо. Его странная, причудливая муз – порождение искусства авангарда – осеняет такие работы, как «Крик в городе», «Латинский квартал и Пикассо».

Всемирно знаменитое кабаре «Мулен Руж»... Головокружительные взлёты и падения, кипение страстей, огненный вихрь канкана – живая иллюстрация знаменитого изречения У. Шекспира: «Весь мир – театр, и люди в нём – актёры». Это мир А. де Тулуз-Лотрека, одного из создателей великого мифа о танцовщиках Монмартра. В его картинах, наверное, как нигде воплощён дух пьянящей, но обманчивой свободы и упоения мгновением жизни, которые в реальности зачастую оборачиваются крушением надежд, позором и разочарованием. И воплощением этого мира являются «красотки кабаре» – роковые и бесшабашные, навек застывшие в самых невообразимых и головоломных позах.

Образам этих воистину парижских Муз Т. Васильева посвятила работы «Мулен Руж» и «Красотки Мулен де ля Галетт», полные тем же восхищением их непостижимым и мимолётным очарованием.

Говоря о Т. Васильевой, нельзя обойти такую важнейшую для неё тему, как пейзажи родной страны – России. Русский пейзаж и его воплощение в творчестве художников – это тема для особого разговора. Можно сказать, что традиционно это любимейший жанр русских художников, и Татьяна Васильева – продолжательница этой традиции. Пейзаж в русской живописи – повод для художника выразить не только свою стилевую индивидуальность, но и свои духовные, философские искания и самые сокровенные чувства.

Главнейшее из этих чувств – чувство Родины, причастности к ней и её судьбе, того, что роднит русских людей всех времён и поколений и формирует из них единое целое – нацию. Это глубоко патриотическое начало присуще творчеству всех русских художников-пейзажистов, явственно ощущимо его присутствие и в пейзажах Т. Васильевой.

В преломлении сознания художницы пейзажи России, условно говоря, делятся на две приблизительно равные части: русская природа (чувственное начало) и русские храмы (духовное начало). Наверное, это находится в соответствии с русским менталитетом вообще: сознание русского человека нераздельно связано с эмоционально-личностным началом, с осознанием невозможности познавать жизнь только разумом. Может быть, поэтому в русских православных храмах так сильно природное начало, которое идёт от нерасторжимого единства с окружающей их средой, а самый простой и на первый взгляд обычный пейзаж русской природы требует к себе пристального внимания, всматривания и философского осмысления, так как и в храме, и в природе растворены мысли и чувства не просто людей – поколений.

Таким взаимным проникновением исполнены и пейзажи России Татьяны Васильевой. Её храмы кажутся частью природы, её естественным продолжением, порождением того же сверхчувственного начала. Почти одинаковые чувства вызывают «природные» пейзажи – «На родине Васнецова», «Перед дождём», и архитектурные – «Сергиев Посад», «Храм на Полянке».

Татьяне Васильевой свойственно исконно русское стремление познавать жизнь и чувствовать её во всей полноте. Может быть, это и есть самое верное объяснение её долгого путешествия-страницы: поиски гармонии и единения себя с миром.

¹ Жан-Поль Креспель. Повседневная жизнь Монмартра во времена Пикассо. 1900–1910. М., 2000. С.17.

Шаман и шут:

*диалог художника-эмальера Светланы Том и
искусствоведа Ирины Котылевой*

Светлана, выставка «Древо жизни» – для Вас юбилейная. Последняя ваша персональная выставка в Сыктывкаре – выставка «Человек и Вселенная» – состоялась 10 лет назад, в 1998 году. Все, кто видели прошлую выставку и нынешнюю, отмечают Ваш несомненный профессиональный рост. В тоже время видно, что произведения, представленные на выставке «Древо жизни», не объединены какой-то общей концепцией, а скорее являются отражением некоего процесса, процесса как творческого поиска, в котором Вы проживаете в последнее время.

Совершенно верно, эта выставка представляет выборки из последних моих серий. Для меня было важно показать в Сыктывкаре все последние значимые для меня созданные серии. К сожалению, крупные по формату вещи, как, например, композиция для алтаря, сложно привезти (это масштабное произведение, ставшее уже частью убранства церкви, представлено в фотографиях). Одновременно, произведения из ряда последних серий, которые выставлялись в Венгрии, Голландии, Франции, уже «разошлись», проданы или подарены. Хотелось же представить и разные темы, и технологические поиски (в эмальерном искусстве поиски в технологии подчас подсказывают и новые темы или образы). Поэтому я решила представить на данной выставке «фрагменты» от ряда последних выставок, но тема финно-угорская изначально определялась как ключевая. Хотя, наверно, название «финно-угорская» – это в какой-то мере условное название. Скорее – это обращенность к древним культурам вообще, хотя именно импульс от древностей коми был первоосновой.

Почему именно древности коми?

Самая идея появилась после предыдущей выставки. Как-то по-новому я увидела культуру коми после своего проживания в Венгрии.

Отчасти, это связано с проявленностью интереса к финно-угорским древностям, к первоистоку в Венгрии?

Может быть... У древних венгров высшее женское божество считалось «мать/женщина счастья», что нашло отражение и в христианском культе Богородицы (христианство стало официальной религией венгров в 11 в.). Эта легенда напомнила мне, что древние коми поклонялись золотой бабе. Мои размышления о взаимосвязях этих двух легенд, образов нашли отражение в работе «Древо жизни», в одном из вариантов темы, когда дерево, женщина, ребёнок, птицы сливаются в некое единство. Сюжет о матери-прародительнице стал первоосновой для работы «Мать-земля», другое её название «Матрёшка».

Этой работы нет на выставке?

Нет, её приобрели почти сразу после выставки. Есть ещё реплики, но они все разные, что-то всегда меняется, какие-то детали, размер. Но ни одной работы не осталось, работа имела такой успех. Работу большого размера купил муниципалитет Кечкемета для подарков. Вот именно эту работу так они прочувствовали, как нечто родное, близкое.

Судя по каталогу, очень красивая, целостная и гармоничная работа. Мне очень понравилось, что второе её название – «Матрёшка». Броде бы и некстати, но как-то сразу удивляет, цепляет, подсказывает ещё дополнительную игру смыслами... В этой работе в единый образ слились первоэлементы мира – камень, дерево, воздух, что рождает особую целостность и глубину. Матрёшка, второе название работы, – это то, что открывается, открывается, открывается и где-то там, в глубине, запрятана суть, то зёрнышко, из которого всё произрастает. Отчасти это сопоставимо с искусством эмали, когда слой за слоем...

Да, глубина слоя, позволяющая открыть или сокрыть смысл...

Может, даже и не знаешь, не понимаешь, где суть, но чувствуешь, что где-то там есть сердцевинка, и эта вечно приоткрывающаяся тайна и притягивает.

Да, вот явно явленно и значимо. Мне тоже нравится эта работа, радует, как сплавилось в единое цвет, круглоликое лицо, птицы, светила. Скрешённые руки, и рыба, и ели. Хотелось именно передать, что «мать-земля» вмещает в себя многое, многие смыслы и источает тепло и добро. Изначально хотелось сделать коми ань, коми женщину. Где-то я видела это лицо, именно у коми.

В каких-то произведениях?

Нет, в какой-то пластике древней... точно не помню, но именно у коми.

Что Вас привлекает в древних первообразах, в древних формах выражения?

В первую очередь, начало работы над темой было связано с ощущением мони и таинства, которое исходит от памятников прошлых культур, от потрясающей гармонии формы, фактуры, композиции древних памятников. Именно гармонии, мудрости и мони. При этом для меня не имеет принципиального значения, являются ли данные памятники финно-угорскими или свидетельствами культуры майя.

Что Вас привлекает в древних культурах?

Форма выражения. Всё очень целостно и гармонично. И удивительная игра фактуры. Например, это потрясающее, когда видишь древние рисунки на камне: выразительность формы, игра света на гранях рисунков, сама фактура камня. Всё это вместе создаёт ощущение удивительной гармонии и красоты. Конечно, это невозможно в современном искусстве передать впрямую, да, наверное, и ненужно, но вот ощущение, красоту соединения, смыслы, фактуры, композиции – можно, что и привлекает, когда работаешь с этой темой. Современные люди утрачивают ощущение гармонии мира.

Роль современного художника найти путь возвращения к этой гармонии?

Да, художник может и должен помочь сохранить это чувство. Но его поиски не всегда однозначны. Например, моя интерпретация не всегда вызывает однозначную оценку ни у коллег-художников, ни у критиков. Так, например, когда на выставке в Будапеште впервые была показана работа «Древо жизни». Многим показалось, что представление в подножье древа двух изображений (некие всадники-шаманы), заключённых в прямоугольники утяжеляет всю композицию. Но для меня было важно представить эти образы именно так, так как они как первоосновные элементы, кирпичи в основе мироздания. Та же концепция и в пластине «Ноев ковчег». В той работе даже может в большей степени, поскольку там очень важно было показать основу, одновременно, как бы зафиксировать в основе значение правого и левого.

Почему в работе «Ноев ковчег», тема которой отсылает к библейскому тексту, Вы тоже вводите образ, воспроизводящий мифологические существа?

Для меня сюжет о ковчеге Ноя переплетается с древними сказаниями о потопе, почти у каждого древнего народа был свой миф о потопе. Так, в мифологии кельтов после появления земли было несколько потопов, во время которых «землю споласкивало», но люди и звери спасались. Миф о потопе – это миф о вечном обновлении, обновлении мира, при котором сама его структура остаётся неизменной. Но кроме обновления здесь ещё важна и тема корабля, как некий вечный сюжет, рассказывающий о человеке, его жизни, мечтах...

То есть в каком-то виде, судя по каталогам ваших выставок, как определённый мотив, тема «Ноев ковчег» присутствует в работе «Наш корабль», в пластине «Мечта».

В каком-то смысле да. Этих работ нет на выставке, но они важны, если размышлять о теме корабля. Тема корабля вообще очень значима, когда мы пытаем-

ся поразмышлять о человеке, чему есть масса подтверждений в европейском искусстве.

С Вашей стороны это осознанное «цитирование» или это осмысление приходит позднее?

Сложно сказать... Не всегда можно точно и сразу определить, откуда рождается тот или иной образ, та или иная композиция. Иногда всё начинается как некая игра: есть кусочки меди, или получился какой-то особый цвет при обжиге эмали, или вдруг какой рисунок проступает в трещинах на поверхности эмали... а иногда и до начала воплощения, на бумаге, в мыслях. Я стараюсь до начала работы непосредственно с эмалью всё тщательно продумать: и идею, и композицию, и последовательность, – чтобы уже, когда начну работать непосредственно с краской, не отвлекаться. Эмаль на всех этапах требует концентрации внимания.

В Вашем творчестве, что для Вас первично – образ или технология?

Это неразделимо. Когда вы работаете с эмалью, на всех этапах, технологичность чрезвычайно важна. От того, как вы работаете с пигментом, как проводите обжиг, во многом определяется конечный результат.

Что тогда является залогом успеха?

Опыт. Только многократное проведение экспериментов с пигментом и проведение обжига даёт знание, как надо и как не надо. При этом, если берёшь новый пигмент, работаешь с новой печью, вначале обязательно проводишь несколько пробных обжигов. Нет чётких указаний, что и как надо сделать, чтобы получить тот или иной эффект. Опыт даёт чутьё. Это трудно объяснить, это становится понятно только, когда сам работаешь с эмалью, когда работаешь с печью. Опыт и ещё что-то...

Вы делитесь своими секретами с коллегами?

Да, но не люблю, когда отвлекают, когда я уже в процессе.

Как коллеги по цеху оценивают ваши работы?

Конечно, для меня важна оценка профессионалов. Поэтому мне было особенно приятно получить премию Союза художников Венгрии за серию эмалей, созданную в 2006 году, мне важна и оценка ведущих российских эмальеров, с которыми мы встречаемся на биеналиях в Кечкемете.

Кого бы Вы отметили среди российских эмальеров?

Вдовкин (я у него училась в своё время), Мокушев Алексей.

Для Вас они авторитеты при оценке Ваших работ?

В какой-то степени да. Мне импонирует, когда они отмечают технику моих эмалей, но они (как впрочем, и ряд венгерских художников) не всегда разделяют мои образные поиски. Я даже как-то специально обращалась к искусствоведам, чтобы определиться в образном поиске... чтобы понять, не перехожу ли я границу, когда начинается китч (мне как-то это высказали). Искусствоведы меня под-

держали, поддержали мои, несколько может, сюрреалистические поиски. Меня увлекает игра смыслами...

Для Вас создание композиции пластины как создание некоего текста?

Я так для себя никогда не определяла, хотя каждая работа для меня некий рассказ, который происходит через взаимосвязь персонажей, деталей. Может, в этом смысле показательна серия «Птицы».

Что это за серия?

Я сделала её в 2006 году. Разные птицы, с их особенной пластикой, формой, но это не столько рассказ о птицах, это о человеке, об обществе. Для меня в этой серии особо значима работа под названием «Приём». Главный здесь павлин, во всей красе, на лестнице, он всех значительней, он главный (в древних мифах павлина всегда тоже наделяли особым статусом). К нему обращаются, приближаются (с почтением) разные птицы. Кому-то разрешено приблизиться ближе, кто-то издалека... В общем, человеческое общество... О том же и пластина «Райские птицы», и особенно «Брачный Танец», это всё о людях.

А где сейчас работа «Приём»?

Дома, я её не стала продавать. Она очень красива в цвете...

Вы часто оставляете работы, не продаёте?

По-разному... Я работаю для людей.

Есть темы или образы особо для Вас значимые?

Да. Единорог. Единорог это существо, которое исполнено любовью к людям, поэтому и страдает. Он должен нести гармонию. Поэтому, работа «Охота» построена на принципах симметрии. Симметрия там имеет принципиальный характер (хотя меня и ругали за это). Это как основа. И всей симметрии подчёркнуто, как выступает его рог.

Тем самым он провоцирует нападение на себя?

Да. Хочет он того или нет, но охота неизбежна. В определённой степени единорог – это автопортрет.

А мне показалось, что автопортрет – это работа «Рыцарь», представленная на выставке.

В какой-то степени все работы своего рода автопортреты, но именно, как воплощение себя, для меня важен образ единорога. Очень личная тема.

В Ваших работах «Шаман-1» и «Шаман-2», представляющих собой некое цитирование древнего культового литья, предстают некие человекоподобные существа, для Вас это кто?

Шаман, вернее его ипостаси.

Мне понравилось, что этот образ является и отражением образа шута... Это случайность?

Нет, это от Стравинского. Как ни покажется странным, но данные работы родились от музыки Стравинского, от его «Петрушки».

Да, несколько неожиданно и от этого ещё больше интригует. И шаман, и шут в чём-то сродни, тот и другой осмеливается говорить людям правду. Есть о чём поразмышлять. А с Вашей точки зрения, художник тоже шаман?

Нет, художник – созерцатель. Художник созерцает мир и запечатлевает то, что чувствует, и всё.

Но в определённой степени художник – это и шаман, он для многих проводник в другой мир, он в определённой степени открыватель забытых, скрытых смыслов.

В этом плане да. Должна быть обязательно связь современного искусства и прошлого, может, не впрямую, но обязательно должна быть. Мы должны питаться от древних корней. В древней культуре очень много заложено, и именно их понимание мира, умение человека осознавать себя как часть большого космоса, то, что мы с развитием нашей современной цивилизации теряем. Мы не чувствуем камень, дерево, мы не чувствуем друг друга. Сейчас идёт разъединение.

Художник как-то воздействует на эту ситуацию?

Я обратила внимание на то, что, несмотря на высокую оценку работ коллег и искусствоведов, обычный зритель примерно моего возраста достаточно сложно принимает работы, связанные с древними культурами, а вот молодое поколение реагирует более живо, и это рождает надежду, что новое поколение станет более восприимчивым.

Может, в этом и проявляется предназначение художника – связывать прошлое и будущее, быть проводником?

Художник выражает суть, может, и в формах далёких от высказывания учёных. Например, учёный делает зарисовки наскальных рисунков, очень точные, но он не передаёт сущи, не передаёт ощущение пространства в целом, жизни этого рисунка, жизни в пространстве и во времени. Художник в отличие от учёного более тонко чувствует мир, он передаёт нечто неуловимое, то, что связывает прошлое и будущее.

Обзоры. Рецензии

«Помолиться призрачной звезде...»

Поэт Олег Чупров живёт в Санкт-Петербурге, но его судьба и творчество крепко связаны с Республикой Коми. Родился в Объячево, детство провёл в Усть-Цильме, работал в Сыктывкаре. Первая серьёзная публикация стихов появилась

в республиканском коллективном сборнике «Перекличка» (1966).

7 марта Олегу Акимовичу исполнилось 70 лет. Ещё один повод подвести итоги. Первый вывод, который сразу напрашивается: он много успел сделать. Издал десять книг стихотворений и песен. Публиковался в различных столичных журналах и альманахах, более чем в 50 песенных сборниках. Участвовал в создании песен для телефильмов «Весна Победы», «Мы – ваши дети» и для многих театральных спектаклей,

поставленных на различных сценических площадках страны. Он сотрудничал с известными российскими композиторами Д.Тухмановым, Я. Дубровиным, Г.Портновым, А.Кальварским и другими. Песни на его слова исполняли: Эдита Пьеха, Андрей Миронов, Михаил Боярский, Игорь Скляр, Муслим Магомаев, Эдуард Хиль, Сергей Захаров, Иосиф Кобзон. Олег Чупров – автор текста гимна Санкт-Петербурга, лауреат Всероссийских литературных премий А.Фатьянова и св. князя Александра Невского.

В своей лирике поэт передаёт чувство одиночества творческого человека в мегаполисе, раздумывает о проблемах духовности, рассказывает о личностях, сумевших противостоять стихиям современного мира стандартных ценностей и поступков – это стихи о Борисе Штоклове, Илье Глазунове, Николае Бурляеве. Однако индивидуальность Олега Чупрова особенно ярко раскрывается в стихах о своей малой родине – Усть-Цильме, о Республике Коми, о российском Севере. Именно в нашем крае он находит целебные спасительные источники и ценности для смятенной души человека.

Вечером поздним потянет к Печоре...

Слышу вдогонку:

«Бессонница, чё ли?».

Под усть-цилемский родной говорок

Переступаю, как в детстве, порог!

Переступаю

И сразу – впропрыжку,

И на ходу

из мужчины –

в мальчишку!

В десять минут
Сорок лет пробегу,
Чтоб оказаться на том берегу...
Вот я в прохладные волны вплываю,
Город, деревню, судьбу –
Забываю,
Сердцем вдыхаю
Полночный покой,
Сам становлюсь постепенно рекой...

И, конечно, поэт пишет о любви. Любовь пронизывает его поэзию и придаёт ей свой неповторимый свет.

Память
будят колокола,
Возвращаются к устью реки.
Эта женщина умерла,
Потерял я её
навеки...
Но любовь во мне всё ясней,
Словно счастья
высшая проба!
Значит, оба мы живы в ней
Или умерли с нею оба...
То, что было, –
не там, вдали,
Но всё ближе ко мне
и ближе...
Не могильный холмик земли,
Милый лик
по ночам я вижу.
Я не знаю – радость иль боль,
Боль скорее всего
и мука...
Видно, есть на свете любовь,
Для которой ничто –
разлука...

То, что любовь и смерть неразлучны, дано понимать настоящим поэтам, и к ним мы причисляем нашего земляка – жителя Санкт-Петербурга – Олега Чупрова.

Андрей Попов, поэт

* * *

Тихий свет над водою струится,
Словно дети, кувшинки глядят.
И деревья,
 зелёные птицы,
Перед взлётом
 чуть слышно галдят.
Принимаю покорно и кротко
Этот дар,
Предназначенный мне.
И моя заплутавшая лодка
Неподвижна в густой тишине.
А заря затуманенно рдеет
И касается вёсел и рук...
И так странно лицо холодаеет
От любви ко всему,
 что вокруг!
Свет струится –
Таинственный, дальний,
То ли ангел,
А то ли звезда...
И не хочется плыть
 некуда мне,
Ну а если и плыть –
В никуда...

* * *

Вновь в деревню,
 где истоки-корни,
Помолиться
Призрачной звезде...
Как на малой родине
 просторно!
Ибо лес повырублен везде.
Виновато
 поклонюсь в печали
Двум берёзкам,
 там, где, косогор:
«Вы-то как,
 родные,
 устояли?
Не попали
 под лихой топор...»
Смотрят хмуро
 чахлые деревья,

Воздухом отравленным
дыша...

Неужели
у моей деревни
Засыхает на корню
Душа?

* * *

Мчится комфорtabельный
«Икарус»!
В нём светло,
тепло,
уютный вид.

Но душа,
Как одинокий парус,
Вырваться на волю норовит.

А на воле что?
Дожди косые,
Да скромный
над избами рассвет.
За окном автобуса –
Россия!
– Можно выйти?
– Остановки нет...

* * *

Человек на спине лежал,
Обручальным играл
кольцом.
А комар всё жужжал
и жужжал
Надоедливо
Над лицом.
На виски давила жара,
Вспоминались жена
и сын...
Человек убил комара
И остался
Совсем один.

* * *

Я вновь пришёл к тебе...
 Тоска
 Необъяснимо сердце сжало.
 И в миллиметре
 у виска
 Пчела,
 как пуля,
 прожужжала!
 Ты мне по-прежнему близка,
 Хотя землёй
 давно хранима.
 А жизнь,
 как пуля у виска,
 Летит...
 Летит куда-то мимо!

* * *

Песня, может, поздно –
 но сложилась!
 Закружила зябко на ветру...
 И не сдался я судьбе на милость:
 Буду петь,
 Покуда не помру.

Осень подошла,
 но в мрак и сырость
 Соловьём рассветным просвищу!
 А за то, что жизнь не получилась,
 Бог простит!
 И я Его прощу...

* * *

Светлая, как облако, река.
 Вёсла выгибаются упруго...
 Родину любить издалека –
 Это, брат, не велика заслуга!

Так я говорил себе... Но вот
 Жизнь свою окидываю взглядом:
 Если в сердце родина живёт,
 Значит, я не вдалеке – а рядом!

Чуйдёдö кыв дорö муслун

Евгений Александрович Игушевлы – учёнöйлы, Велёдьысылы, миян Деканлы, бур мывкыда, югыд вежёра мортлы – 70!

Евгений Александрович Игушев чужис 1939 вося март 14 лунö Изъва районса Пожня грездын. Школа помалём бёрас велёдчис Ухтаса горно-нефтяной техникумын (1953–1957), та бёрын пырис Коми государственной педагогической институтö, босытс «коми кыв да литература, роч кыв да литература» специальносць.

Мыйтакö кад велёдис школалын, 1969 воё пырис велёдчыны СССР наукаяс академиялон Коми филиалса аспирантураö. 1973 воын дорийс «Коми кывлён Изъва диалектын рочысь пырём кывъяс» тема серти диссертация.

1973 восянь СГУ филология факультетлон Коми да финн-йёгра кывъяс туялан кафедра вылын. 1978 – 1986 вояс чёж – филология факультетса декан.

1991 восянь – филология наукаса доктор. 1991 – 1996 воясö Евгений Александрович веськёдлö СГУ-ын Коми да финн-йёгра кывъяс туялан кафедраён.

1991 воё лыддис Уппсалской университетса (Шведской королевство) студентъяслы да аспирантъяслы коми кыв кузя лекцияяс, 1998 воё уджалис Лапландияса университетын (Суоми), лösööдис да ѹёзöдис студентъяслы выло «Коми-финн словарь». Лösööдис 15 велёдан пособие, а сиджё коми кыв да литература велёдьысьяслы занимательной грамматикаа 7 небög. Сылон юрнуöдöм улын коми да финн-йёгра кывъяс туялomyн кандидатской диссертацияс дорийсны нёль аспирант.

1989 воын Е.А.Игушевлы сетисны «СССР-лон вылыс школаса отличник» почёт ним, 1993 воын сийös пыртöма Войтыркостса финн-йёгра катырё (Хельсинки). Коми Республикаса нимёдана уджалысь, 1999 воын сылы сетисны А.С. Пушкинлы чужан лунсянь кыксаё во тырёмкёд йитöдын медаль, 2003 воын Е.А. Игушев лои Коми Республикаса государственной премияла лауреатён.

2003 восянь уджалö Югра войтырлён Кыв, история да культура институтын (ЮГУ) Кывъяс туялан да видзан лабораторияса ведущой научной сотрудникён.

Евгений Александрович аслас ыджыд мывкыдлунён, писькёслунён да сямён пүктис тёдчана пай коми кыв туялём да сёвмёдём. Нэм чёжыс чуйдёдис сыдорö муслун, ышёдис казявны кывлысь мичсо, аддзыны сёрнисикасъяслысь аслыс-пöлöслунсö. Евгений Александровичлон вёвлём велёдчысьяслы уджалёны Республикалан быд районын, каръясын и сиктъясын. Унаён бурпырысь, шоныда казытылённы «ассыныс декансö».

Дона Евгений Александрович! Чоломалам Тiянöс тишупöда пасён!

Кузь нэм да бур шуд!

«Арт» журналса редакция

С юбилеем!

Колледж искусств Республики Коми – одно из старейших средних специальных учебных заведений Республики Коми.

Творческие традиции колледжа складывались на протяжении ряда десятилетий, охвативший период, приблизившийся к возрасту зрелости – 65-летию.

В октябре 1943 года было открыто первое среднее специальное музыкальное учебное заведение в Коми АССР – музыкальное училище. Это событие имело огромное значение в культурной жизни республики. Основная задача училища – подготовка специалистов для театра, преподавателей музыкальных школ, руководителей художественных самодеятельных коллективов. Первым директором музыкального училища был Пятиев Сергей Дмитриевич.

В 1975 году открываются художественное и театральное отделения, и музыкальное училище становится Республиканским училищем искусств. В 2005 году училище искусств получает статус колледжа и переименовывается в колледж искусств Республики Коми.

Роль и значение колледжа искусств в музыкально-художественной жизни республики трудно переоценить. Выпускники колледжа работают во всех районах и городах республики, выступают на ведущих сценах страны и мира (В.Ванеев, Н.Путилов, О.Сосновская, Э.Цанга), преподают в высших учебных заведениях России (Москве, Санкт-Петербурге, Ростове, Петрозаводске, Тамбове). На сегодняшний день в колледже искусств на 13 отделениях обучается 249 студентов. Около трёх тысяч специалистов было подготовлено и выпущено колледжем за время его существования. Каждый год более 40 процентов выпускников поступают в профильные вузы культуры и искусств России.

Огромную работу по воспитанию молодых творческих кадров проводит высокопрофессиональный педагогический коллектив колледжа. Его костяк составляют выпускники ведущих вузов страны: Московской, Санкт-Петербургской, Петрозаводской, Саратовской, Кишинёвской консерваторий, РАМ им. Гнесиных, 15 преподавателей колледжа имеют звание Заслуженный работник Республики Коми, 4 преподавателя – Заслуженный работник культуры Коми АССР, 3 преподавателя – Заслуженный работник культуры РФ, 1 преподаватель – Заслуженный артист Республики Коми, 2 преподавателя – Заслуженный артист Коми АССР, 3 преподавателя – заслуженный артист РФ, 1 преподаватель – Заслуженный деятель искусств России и 1 преподаватель – Заслуженный учитель школы Коми АССР. Основной контингент преподавателей – бывшие выпускники этого же колледжа.

В настоящее время колледжем искусств руководит Дикоев Андрей Викторович.

Колледж искусств – не только учебное, но и творческое учреждение, ведущее огромную художественно-просветительскую работу. На различных площадках города проходят концерты инструменталистов, вокалистов, хоровых коллективов, инструментальных ансамблей различных направлений, составов и стилей, выставки работ студентов-дизайнеров, проводятся тематические лекции-концерты, посвящённые различным датам и личностям, прославившим как мировое, так и национальное искусство.

Корни слов

Всегда радуюсь, когда у товарища по стихотворному цеху выходит новая книга. Но одновременно и сочувствуя ему сердечно, сопереживаю: это же какой огромный груз ответственности за произнесённое слово сваливается на него – за каждую строку, за каждую мысль, за каждое движение души. Думаю, поэт Андрей Попов за свой сборник стихов «В гордом мире роковом», недавно увидевшем свет в сыктывкарском издательстве «Анбур», может быть спокоен. Книга получилась, состоялась и, несмотря на малый тираж, стала заметным явлением литературной жизни республики.

Читаю страницу за страницей, стихотворение за стихотворением, проникаю сердцем в сквозные раны поэтической судьбы, вживаюсь в образный строй, подстраивая свой шаг под стихотворный ритм, и вдруг обнаруживаю такое щемящее родство со своим современником, такое живое вплетение своих мыслей в ткань его сокровенных размышлений и переживаний, что невольно хочется отстраниться, отодвинуться на безопасное расстояние. Есть в этих открытых, доверчивых, внешне вполне рациональных стихах некая потайная сила, которая заставляет дышать в унисон, шагать в ногу.

*Мне тяжелы с любьми порою встречи.
Их бойкий вздор невыносим уму.
Закрою дом и душу. Не отвечу.
Как хорошо быть только одному!
Переживу уныния и стужи
И времени необратимый ход.
Никто не возмутит. Никто не нужен.
Но горько, что никто и не придёт.*

Химический состав стихов, скорее всего, не будет открыт никогда, потому что состояние души невозможно разложить на молекулы и атомы, потому что поэтический образ нематериален, эфемерен, летуч – дунет холодом, и, кажется, растаяло наваждение, растворилось в житейских сквозняках. И всё-таки не исчезло оно, затаилось в каком-то закоулке и выглядывает, вышёптывает что-то созвучное душе, тревожит и саднит.

Впускаю в свой мир это бесплотное облачко и словно слышу негромкий голос поэта, его иронично-вопросительную интонацию. Вбираю душой строку за строкой и напитываюсь её теплом и холодом, тревогой и горечью, надеждой и верой. Снова и снова убеждаюсь, что только так, беззащитно и беспощадно к самому себе, нужно вживаться в настоящую поэзию, ведь иначе она пролетает мимо, словно свежий запах неизвестного бытия. А в нём, в этом запахе, и боль, и грусть, с которых начинается человечность, в нём трагедии и несуразности эпохи, в нём праведность и греховность, соль и кровь, честь и предательство, свет и тьма...

Андрей Попов умеет всё это многообразие света и отсветов, теней и оттенков жизни переплавить в стихи и при этом не нарушить их естественности и правдоподобия. В его поэтическом строем совсем немного красок, скромно пользуется он палитрой чувств и почти совсем лишён стремления к патетическим жестам. Вспоминается прочитанное когда-то в молодости высказывание Эдуарда Багрицкого о том, что писать стихи надо без прилагательных, одними глаголами и существи-

тельными. Смысл этой инвективы в том, что, расцвеченная яркими красками, поэтическая речь затуманивает корневую суть слова, не позволяет ей свободно переплетаться в стихотворном пространстве и воскресать в новом, неожиданном облике. Всормленный суворой заполярной природой, скучной на горячие всплески красок и чувств, Андрей Попов научился обходиться без громких возгласов и эмоциональных фонтанов. Тем сильнее пружина поэтическойдержанности распраямляется в его стихах. И если поначалу в книге ещё слышатся некоторые молодые вольности, с каждой страницей взгляд поэта становится всё строже и глубже. Его духовные переживания, его боль об утраченной стране, его исторические параллели и бытовые наблюдения задают высокий и широкий объём и глубину, увлекают в туманы бытия, не обещая объяснений и готовых решений. А в конце сборника до белого свечения не придуманной трагедии раскаляются его стихи об убиенном сыне. Горькие и смиренные.

*Ищешь чувственною дрожью,
Смотришь в мысленный чертёж –
Постигаешь правду Божью...
Только как её поймёшь?!*

*Что ни скажешь – будет ложью,
Промолчишь – и тоже ложь.
Постигаешь правду Божью...
Только как её поймёшь?!*

Так и бывает в гордом мире роковом. Никто не может приблизиться к постижению Истины – ни властелин, ни слуги его, ни мудрец, ни ученики его. Только поэт чуткой душой на лету касается её пурпурной мантии и задыхается, выкрикивая ей вслед свои стихи.

Александр Суворов, поэт.

«Не проклинаю жизнь – благодарю»

Чем-то они похожи, вторая и первая книжки поэтессы Татьяны Кановой из сысольского села Межадор – «Немногословие души» (издательство «Анбур», 2008) и «Осиновая осень» (Коми книжное издательство, 2002). Может, тем, что формат у них одинаковый, может, тем, что оформил оба издания один замечательный художник – Геннадий Шарипков, может, тем, что многие стихи из первого сборника перекочевали во второй. И всё же разделяет эти книги некая грань, по-новому преломляющая свет поэтической души, требующая иного зрения и иного отзыва и сочувствия. «Осиновая осень», разошедшаяся буквально в считанные недели, вызвала удивление первооткрытия и внезапного сопереживания, она брала за сердце нескрываемым надрывом и душевным напряжением. В «Немногословии души» боль и мука более сдержаны, как бы пригашены, уведены в глубину. При этом стихи не стали менее эмоциональными, более того, они приобрели поэтическую объёмность, их человеческое тепло стало более естественным.

*Ничего давно не происходит.
Может, слава богу? Может быть...
Но уходит жизнь моя, уходит –
Ни единой миг не воротить!*

Безыскусно сказано, не ново. Но отчего так щемит вдруг в груди, отчего хочется притормозить на летящей навстречу дороге? Кажется, поэтесса обнаружила какую-то тайну, а тайна эта живёт в каждом сердце.

Татьяна Канова обратила на себя внимание не стихотворным совершенством, не поэтическими открытиями, а силой чувств, выраженных простым языком с предельной откровенностью. Интуитивно она нашла в себе чистый и живой эмоциональный источник, припав к которому в жажде самопознания, смогла увидеть знакомую всем жизнь в неожиданном свете. В привычном сельском бытии, а мы все, по корневому происхождению, выходцы из деревни, поэтесса высветила для нас скрытые повороты судьбы и сумела раскрасить и горькие, и яркие её события своими красками.

*В доме направо пустые холодные окна,
В доме налево пока ещё теплится свет.
Я – посередине, и жизнь моя свечке подобна:
Ветер покрепче подует – и пламени нет.*

С первых литературных шагов проявилась в стихах Татьяны Кановой врождённая способность выводить свои чувства и наблюдения на полное звучание, на предел, за которым уже нет ничего, кроме срыва, может, даже безмолвия.

*Когда наступит мой черёд уйти,
Мне по грехам назначится расплата.
Чем оправдаюсь?
Господи, прости –
Хотя бы то, в чём я не виновата.*

Порой не очень гладкими и отшлифованными получались у неё стихи – она сама без всякого кокетства признаётся: «Я ничего не смыслю в ремесле/ (А может, в мастерстве?) стихосложения», но все шероховатости и версификационные слабости перекрывались подлинностью и искренностью. И если поначалу возникало ощущение, что поэтесса становится в некую позу жизненной ущербности и житейской несостоятельности, то после прочтения всех её стихов это чувство исчезало без следа.

Что ж, снова и снова убеждаешься, что первородное, исходящее от самой судьбы невозможno подделать. И в этом, наверно, великое поэтическое счастье – находить в себе и вокруг первоэлементы бытия и в трудном противостоянии непокорному слову превращать их в стихи. Татьяна Канова говорит об этом просто и светло:

*Но вот что странно: рухнув от усталости,
Не проклинаю жизнь – благодарю
За каждый миг скромной крестьянской радости,
За каждую весеннюю зарю.*

Дай бог ей не расплескать этой великой человеческой благодарности на деревенских и литературных ухабах как можно дольше.

Александр Суворов, поэт.

Последний бой?

(О книге Александра Лобанова «Последний бой»)

После известных событий в Южной Осетии и Абхазии судьба Приднестровья стала отходить на второй план. Поговаривают даже о якобы грядущем воссоединении его с Молдавией. А между тем непризнанная республика, заплатившая за свою свободу немалую кровавую цену, не спешит возвращаться в лоно страны, где полным ходом идут процессы румынизации. Так что попытки примирить мятежный регион с «метрополией» обречены на новый конфликт.

Такие мысли приходят, когда знакомишься с книгой прозаика Александра Лобанова «Последний бой», только что вышедшей в Сыктывкаре в издательстве «Эском». О той войне писатель, военврач по профессии, опубликовал уже несколько рассказов в «Нашем современнике». Теперь они и новые произведения, собранные под одной обложкой, заставляют более серьёзно взглянуться в события 1992 – 1993 годов. Задуматься, почему люди одних и тех же национальностей и православные по вере, оказались по разные стороны баррикад? Откуда вдруг взялась такая жестокость и ненависть?

Трудные судьбы лобановских героев в чём-то напоминают героев «Донских рассказов». Раскол тут происходит не только по Днестру, но и по семейным узам. Спецназовец Ионел вынужден покинуть солнечный Кишинёв и бежать на самолёт в Москву, где его ждёт русская невеста. Он не хочет участвовать в позорном избиении пленных с левого берега. Другой персонаж, молдавский таксист и снайпер по совместительству, убивает своего одноклассника, но отпускает бывшего пассажира, кадрового русского офицера, приехавшего после увольнения в запас с Плесецкого космодрома жить в Рыбницу, но вставшего по призыву вновь в строй и попавшему после ранения в плен. Более того, вражеский снайпер способствует соединению любящих сердец – приехавшего с Севера капитана и местной коренной красавицы.

Подобные истории, умело вживленные талантливым автором в повести и рассказы, держат читателя в постоянном напряжении. Все коллизии выписаны добрым русским языком. Тексты поражают глубоким психологизмом. Они убедительны своей документальностью и не давят излишней идеологичностью. Скорее наоборот. Тут царствует лиризм, насколько он возможен на войне. Это та сейчас редкая книга, в которой за кровавой трагедией целого народа просматриваются отдельные судьбы людей, не растерявших свою человечность и способность любить.

А вот последний ли бой на цветущей земле Приднестровья, осенённой именами Пушкина и Суворова, описан Александром Лобановым, время покажет. Жаль, что политикам часто не до чтения таких произведений, а то, может бы, и история развивалась по иному сценарию.

*Владимир ПОДЛУЗСКИЙ.
Член Союза писателей России*

Дорогие граждане России!

Нашу страну, наше общество постигло огромное горе – умер Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Он был не только выдающимся религиозным деятелем, подлинным духовным лидером – он был великим Гражданином России. Человеком, в судьбе которого отразились все тяжелейшие испытания переломного для нашей страны XX века. Истинным пастырем, который всю свою жизнь служил примером духовной стойкости и высоких человеческих поступков. Находился рядом со своей паствой и в дни гонений, и в период возрождения веры.

Из Обращения Президента РФ Дмитрия Медведева
к гражданам России в связи с кончиной
Патриарха Московского и всея Руси Алексия II
5 декабря 2008 г.

Summary

The year 2009 has been announced as the Year of the Komi Language. The Government of the Komi Republic has scheduled various events, which will encourage the native language development.

The brand new section «The Year of the Komi Language» with the speech of the Komi writer Gennady Yushkov addressed to the readers opens the first issue of «ART» in 2009.

This year is abundant in anniversaries. We celebrate the 100th anniversary of the well-known Komi prose writer Yakov Rochev, the 170th anniversary of the first Komi poet Ivan Kuratov and the 120th anniversary of the famous American sociologist and our compatriot Pitirim Sorokin.

Every issue of «ART» will cover one of these memorable dates. The first issue includes the passages from the book «Three Main Tendencies of Our Times» by P.Sorokin. One can also read the studies of Y.Rochev's literary works prepared by V.Limerova.

«ART-Fact» section comments on the new exhibitions of T.Vasilieva and S.Tot (Hungary).

This year «ART» will continue the tradition of CD releases. This time you will find a CD with Gennady Yushkov's verses enclosed.